

АРИСТОТЕЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО

140 ЛЕТ
ФИЛОСОФСКИХ ДИАЛОГОВ

Монография

Под редакцией
доктора философских наук
А. Б. Дидикина

Электронные версии книг на сайте
www.prospekt.org

• ПРОСПЕКТ •

Москва
2021

УДК 1(091)+165+17.0
ББК 87.3(0)
А81

Электронные версии книг
на сайте www.prospekt.org

Рецензенты:

Суровцев В. А., доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет;

Никоненко С. В., доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.

А81 Аристотелевское общество: 140 лет философских диалогов : монография / под ред. А. Б. Дидикина. — Москва : Проспект, 2021. — 304 с.

ISBN 978-5-392-35309-5

DOI 10.31085/9785392353095-2021-304

В коллективной монографии впервые в отечественной и зарубежной научной литературе представлен историко-философский анализ этапов становления и развития Аристотелевского общества в Великобритании как сообщества философов и ученых, существенно повлиявшего на философскую мысль конца XIX–XX вв. На примере публикаций журнала «Труды Аристотелевского общества» и докладов всемирно известных философов, избранных в разные годы президентами Общества, анализируется интеллектуальная атмосфера формирования философских концепций, характеризующих традиции континентальной и аналитической философии.

УДК 1(091)+165+17.0
ББК 87.3(0)

Изображение на обложке Panos_Karas / Photogenica.ru

Научное издание

**Дидикин Антон Борисович,
Беляев Максим Александрович,
Нехаев Андрей Викторович,
Оглезнев Виталий Васильевич,
Юрьев Роман Александрович**

**АРИСТОТЕЛЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО
140 ЛЕТ ФИЛОСОФСКИХ ДИАЛОГОВ**

Монография

Подписано в печать 03.08.2021. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Печать цифровая. Печ. л. 19,0. Тираж 500 экз. Заказ №

ООО «Проспект»
111020, г. Москва, ул. Боровая, д. 7, стр. 4.

ISBN 978-5-392-35309-5

DOI 10.31085/9785392353095-2021-304

© Коллектив авторов, 2021

Коллектив авторов

Дидикин Антон Борисович, доктор философских наук, профессор факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва), член Аристотелевского общества (Великобритания), Канадской философской ассоциации — предисловие, параграфы 3 и 6 главы 2;

Беляев Максим Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (г. Москва) — параграф 3 главы 1; параграф 7 главы 2;

Нехаев Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (г. Тюмень) — параграфы 1 и 2 главы 2;

Оглезнев Виталий Васильевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург), член Аристотелевского общества (Великобритания) — параграфы 4 и 5 главы 2;

Юрьев Роман Александрович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск) — параграфы 1 и 2 главы 1.

Предисловие

Аристотелевское общество: этапы формирования и развития

*Критерием для меня было следующее:
в какой мере входили идеи данного автора
в сферу философских дискуссий в Англии?
Встречался ли с его именем читатель
журналов «Mind» и «The Proceedings of the
Aristotelian Society»?*

Дж. Пассмор. Сто лет философии.

М., 1998. С. 5.

Эпиграф, вынесенный в заголовок предисловия к настоящей книге, очень показателен. На протяжении 140 лет Аристотелевское общество выступает площадкой для всемирного диалога философов и ученых, для обсуждения новейших философских идей и течений. Заложённая в конце XIX в. интеллектуальная традиция продолжает существовать в наши дни, практически не меняя формата дискуссий. Между тем австралийский историк философии Джон Пассмор с некоторой долей иронии подчеркивает, что в современных условиях популярность конкретного философа определяется тем, насколько его идеи звучат на заседаниях Аристотелевского общества, или партнёрской Ассоциации Mind, публикуется ли он в «Трудах Аристотелевского общества»¹. И вот здесь возникает интересная особенность — о таком издании как «Труды Аристотелевского общества» российское философское сообщество практически ничего не знает. Этот ежегодник не цитируется в российских статьях, не об-

суждается на семинарах крупных философских центров страны, не используется в учебном процессе философских факультетов². Именно этот аспект побудил соавторов книги выступить единой творческой группой для публикации монографии, посвященной историко-философскому исследованию этапов развития Аристотелевского общества в разные периоды его существования.

Идея монографии носит двойственный характер. С одной стороны, это попытка с историко-философской точки зрения оценить и проинтерпретировать влияние Аристотелевского общества на развитие философской мысли в мире на протяжении второй половины XIX — XX вв. с момента его возникновения. С другой стороны, в краткой историко-биографической и концептуальной форме проанализировать путь наиболее известных философов, вышедших из недр Аристотелевского общества, и получивших возможность заявить о себе в силу активного и целенаправленного участия в работе этого крупного философского объединения. Среди выбранных нами мыслителей есть представители континентальной философии (Ш. Ходжсон, Дж. Ф. Статут, А. Уайтхед), ранней аналитической философии (Дж. Э. Мур), логического позитивизма (А. Айер), лингвистической философии (Г. Райл, Г. Харт, Дж. Л. Остин, Э. Энском, Р. Хэар). Это лишь первый шаг к раскрытию

¹ Аристотелевское общество. Официальный сайт <https://www.aristoteliansociety.org.uk/>, где размещены материалы публикаций Общества, заседаний и ежегодных конференций.

² За исключением статьи соавтора нашей книги Р. А. Юрьева. См.: Юрьев Р. А. Значение Аристотелевского общества для развития аналитической философии. К вопросу о возникновении и развитии научных школ // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2018. №3. С. 91—103.

многогранной истории Аристотелевского общества в философской культуре XX в.

В учредительных документах Аристотелевского общества с самого момента его возникновения в Великобритании в 1880 г. было отмечено, что его идеалом является изучение философии не в качестве академической дисциплины, закрытой от общественного мнения, а философии как человеческого мышления¹. Этот идеал сохраняет свое значение до настоящего времени. Для членства в Обществе не требуется наличия каких-то особых профессиональных качеств или академической принадлежности. Доклады участников Аристотелевского общества проходят анонимное рецензирование, что в целом не позволяет прибегать к использованию привилегированного положения его участников. Аристотелевское общество имеет крайне скромное финансирование своей деятельности, преимущественно за счет ежегодных членских взносов².

На протяжении 140-летней истории в составе Аристотелевского общества пребывали ученые и философы самых разных идейных направлений, что в целом способствовало проникновению в английскую интеллектуальную традицию новых философских течений и новых философских концепций.

Аристотелевское общество, согласно историческим документам, официально появилось 19 апреля 1880 г. в Лондоне. На первом собрании в Блумсбери-сквер 17 присутствовали ряд ученых и приглашенных участни-

¹ Carr G.W. The Fiftieth Session: A Retrospect // Proceedings of the Aristotelian Society. 1928—1929. Vol. 29. P. 359—360.

² Financial Statement // Proceedings of the Aristotelian Society. 1889—1890. Vol. 1. №. 2. P. 136. В дальнейшем финансовые отчеты будут публиковаться ежегодно на страницах журнала.

ков, среди которых были химик, доктор Альфред Сенье, ставший первым секретарем Аристотелевского общества; мистер Герберт Берроуз, глава Теософского общества того времени, мистер Эдвард Кларксон и мистер Альфред Лоу. На первом собрании в качестве резолюции было принято решение «образовать Общество в составе двадцати человек, в том числе женщин; общество собирается раз в две недели по понедельникам в 8 часов вечера»¹. В состав Общества был включен список первоначальных членов, предложенных руководством организации. Само Общество получило длинное название — «*Аристотелевское общество для систематического изучения философии*». Объектом деятельности Общества должно быть «систематическое изучение философии; во-первых, что касается ее исторического развития; во-вторых, что касается ее методов и проблем»².

Через две недели состоялось следующее заседание Аристотелевского общества, где был решен вопрос об избрании первого президента — Шедворта Ходжсона. Он будет фактически руководить работой организации на протяжении четырнадцати лет, с 1880 по 1894 г. Первая дискуссия состоялась о докладе доктора Дж. Бернс-Гибсона на тему «Что такое философия?». По профессии он был медиком, а по философским убеждениям тяготел к гегелевской диалектике. Многие другие первоначальные участники Общества по своим философским взглядам были ближе либо к философии неогегельянства, либо к философии позитивизма. Таким образом, несмотря на упоминание в названии Общества имени Аристотеля,

¹ Carr G.W. The Fiftieth Session: A Retrospect // Proceedings of the Aristotelian Society. 1928—1929. Vol. 29. P. 361—362.

² Rules of the Society // Proceedings of the Aristotelian Society. 1887—1888. Vol. 1. №1. P. 92—94.

интересы участников Общества захватывали любые актуальные философские идеи. Как отмечает Дж. Пассмор, «будучи поначалу группой интересующихся любителей, Аристотелевское общество со временем стало фундаментом той «Лондонской философии», которая хранила верность эмпирической традиции во время флирта Оксфорда с идеализмом. Аристотелевское общество является наиболее известным из британских философских обществ, а издаваемый им журнал («Proceedings...») сам представляет собой непрерывную историю британской философии»¹.

Первый президент Аристотелевского общества Ш. Ходжсон на момент его избрания уже был человеком средних лет, известным английским философом с ярко выраженными личностными чертами и харизмой. Он получил образование в колледже Корпус-Кристи при Оксфордском университете. После трагических событий в семье он находит утешение в занятиях философией и посвящает ей всю свою жизнь. Его философские сочинения были посвящены метафизическим вопросам, которые более подробно будут рассмотрены в специальном разделе нашей книги. Дж. Пассмор стремится проследить влияние Ш. Ходжсона на американский прагматизм У. Джеймса, существуют и проявления влияния его взглядов на развитие философской феноменологии Э. Гуссерля.

В 1888 г. во время работы Ш. Ходжсона на посту президента Общества начинает издаваться ежегодный журнал «Труды Аристотелевского общества»². В нем публикуются доклады, прозвучавшие на протяжении года на заседаниях Общества. Позднее к журналу будет пуб-

¹ Пассмор Дж. Сто лет философии. М., 1998. С. 421.

ликоваться дополнительный том, включающий доклады, обсуждаемые на симпозиумах в рамках конференции Аристотелевского общества, долгие годы проводимой совместно с Ассоциацией Mind³.

В 1894 г. по предложению Ш. Ходжсона пост президента Общества был передан английскому философу, представителю британского идеализма Бернарду Бозанкету, который будет замещать его на протяжении четырех лет до 1898 г. Это свидетельствовало о достаточно сильном влиянии в последние два десятилетия XIX в. философии неокантианства и неогегельянства с определенными национальными особенностями, наряду с философией «первого» позитивизма. В значительной степени это проявилось и в содержании ключевых докладов Ш. Ходжсона, который приписывал сознанию свободу воли и часто высказывали неприятие в адрес гегельянских мотивов в философии. Ходжсон также осуждал психологизм в философских размышлениях, попытки обсуждать материю как предмет философского анализа и опыт без метафизических допущений. Его основными работами были книги «Философия рефлексии» (1878)⁴ и «Метафизика опыта» (1898)⁵, которые подготовили почву для развития нового британского реализма. Ходжсон возражал против эмпиристского постулирования лиц и вещей и настаивал на том, что ни

² Первый номер журнала выходит в 1888 г. и включает доклады и документы за предыдущий год работы Общества (1887—1888 гг.).

³ Первая ежегодная конференция Аристотелевского общества состоялась 95 лет назад в 1926 г.

⁴ См.: Hodgson S. H. *Philosophy of Reflection*. London: Longmans, Green and Co. 1878.

⁵ См.: Hodgson S. *Metaphysic of Experience*. Vol. 1—4. London: Longmans, Green, and Co., 39 Paternoster, 1898.

субъект, ни объект не могут служить исходными соображениями философии. На собрании Общества 15 октября 1883 г. Ш. Ходжсон выступил, как отмечали современники, с лучшим своим докладом «Два чувства реальности»¹. В конечном итоге преимуществом ранних лет существования Общества стало отсутствие какой-либо пропаганды отдельных философских взглядов и адекватная реакция на философские труды, появившиеся в конце XIX в. Общество не упускало из виду ни одного философского направления и допускало плюрализм в обсуждениях в достаточно широкой степени.

Активными членами Общества в этот период были химик, доктор Дж. Бернс-Гибсон, пастор С. В. Барлоу, священник и преподаватель английского языка в Королевском колледже Лондона Е. П. Скримгур, социалист и философ Э. Б. Бакс, а также один из основателей будущего Фабианского общества У. Кларк и другие. Примером вдумчивого обсуждения философских текстов были собрания Общества, где участники дискутировали по отдельным разделам и фрагментам «Критики чистого разума» И. Канта или книги «Мир как воля и представление» А. Шопенгауэра в период 1884—1885 гг., а затем философских трудов Дж. Беркли и Д. Юма. Обсуждались и современные философские тексты, среди которых книга «Политическая философия Т. Х. Грина» третьего президента Общества Д. Дж. Ричи; «Неокантианство по отношению к науке» Г. Дж. Романес; «Последние психофизические исследования» Дж. Кэттелл; «Отношение языка

¹ В целом за 14 лет пребывания на должности президента Аристотелевского общества Ш. Ходжсон выступил и опубликовал как минимум семь президентских докладов (публикации начались с 1888 г.), другие президенты Общества таких творческих высот не достигали.

к мышлению» Ф. К. Конибир; «Философия права Гегеля» четвертого президента Общества С. Александра и его же «Предельные вопросы философии».

На девятой сессии Общества 1887—1888 гг. состоялся первый симпозиум на тему «Является ли разум синонимом сознания?», участниками которого стали Ш. Ходжсон, Д. Дж. Ричи (президент Общества в 1898—1899 гг.), Дж. Ф. Стаут (президент Общества в 1899—1904 гг.), Б. Бозанкет (президент Общества в 1894—1898 гг.) и С. Александр (президент Общества в 1908—1911 гг., 1936—1937 гг.). Его результаты были опубликованы в первом номере «Трудов Аристотелевского общества» за 1888 г.¹

Бернард Бозанкет (1848—1923), второй президент Аристотелевского общества в 1894—1898 гг., был заметной фигурой в английской философии конца XIX — начале XX вв.² Изначально известность пришла к нему с выходом сборника философских эссе «Очерки философского критицизма» в 1883 г. и продолжалась вплоть до 1923 г., когда он дал собственную оценку своему философскому творчеству³. Будучи одним из ярких сторонников философии абсолютного идеализма, несколько видоизменившей доминирующие взгляды в Аристотелевском обществе за годы президентства Ш. Ходжсона, Бозанкет в дальнейшем будет высказываться и в пользу критики абсолютного идеализма в книге «Шотландская философия. Сравнение шотландского и немецкого отве-

¹ См.: Hodgson, S., Ritchie, D., Stout, G., Bosanquet, B., & Alexander, S. Symposium: Is Mind Synonymous with Consciousness? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1887—1888. Vol. 1. №1. P. 5—33.

² См.: Wildon Carr, H. In Memoriam: Bernard Bosanquet: Some Personal Recollections // Proceedings of the Aristotelian Society. 1923. Vol. 23. №. 1.

³ См.: Пассмор Дж. Сто лет философии. С. 418.

тов Юму» (1885). В то же время логические взгляды Бозанкета развивались в русле абсолютного идеализма: «Знание есть среда, в которой наш мир как некоторое взаимно соотношенное целое существует для нас»¹. Он написал ряд философских работ, посвященных эстетике («История эстетики», 1892), теории государства («Философская теория государства», 1899), философскому осмыслению ценностей («Принцип индивидуальности и ценность», 1912; «Ценность и ее отношение к индивидуальному», 1913).

Бозанкет был активным участником философских симпозиумов, которые Общество ежегодно проводило с 1888 г.², а также регулярно публиковал свои статьи в «Трудах Аристотелевского общества»³ и в других философских журналах (например, в журнале *Mind*). Он

¹ Бозанкет Б. Основания логики. М., 1914. С. 23.

² См.: J. S. Mann, Pasco Daphne and Bernard Bosanquet. Symposium: What Takes Place in Voluntary Action? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1889—1890. Vol. 1. №. 2. P. 61—76; Bernard Bosanquet, E. Wake Cook and David G. Ritchie. Symposium: The Relation of the Fine Arts to One Another // Proceedings of the Aristotelian Society. 1889—1890. Vol. 1. №. 3. P. 98—116; B. Bosanquet, E. E. C. Jones, William L. Gildea and Alexander F. Shand. Symposium: Are Character and Circumstances Co-Ordinate Factors in Human Life, or Is Either Subordinate to the Other? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1895—1896. Vol. 3. №. 2. P. 112—122; Schiller, F. C. S., Bosanquet, Bernard, Rashdall, Hastings. Symposium — Can Logic Abstract from the Psychological Conditions of Thinking? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1906. Vol. 6. №. 1. P. 224—270; Bernard Bosanquet, Mrs. Sophie Bryant and G. R. T. Ross. The Place of Experts in Democracy. A Symposium // Proceedings of the Aristotelian Society. 1908—1909. Vol. 9. P. 61—84; W. R. Sorley, A. D. Lindsay, Bernard Bosanquet and James Ward. Symposium: Purpose and Mechanism // Proceedings of the Aristotelian Society. 1911—1912. Vol. 12. P.

выступил с несколькими президентскими докладами на заседаниях Общества, среди которых доклады «О существенном различии в теориях опыта» (1895), «Время и Абсолют» (1896)⁴.

Второе десятилетие функционирования Аристотелевского общества к концу XIX в. завершилось домини-

216—263; E. E. Constance Jones, Bernard Bosanquet and F. C. S. Schiller. Symposium: The Import of Propositions // Proceedings of the Aristotelian Society. 1914—1915. Vol. 15. P. 353—427; Bernard Bosanquet, A. S. Pringle-Pattison, G. F. Stout and Lord Haldane. Symposium: Do Finite Individuals Possess a Substantive or an Adjectival Mode of Being? // Aristotelian Society Supplementary Volume. 1918. Vol. 1. P. 75—194.

³ См.: Bosanquet B. The Part Played by Aesthetic in the Development of Modern Philosophy // Proceedings of the Aristotelian Society. 1889—1890. Vol. 1. №. 2. P. 77—97; Bosanquet B. The Aesthetic Theory of Ugliness // Proceedings of the Aristotelian Society. 1889—1890. Vol. 1. №. 3. P. 32—48; Bosanquet B. Recent Criticism of Green's Ethics // Proceedings of the Aristotelian Society. 1901—1902. Vol. 2. №. 1. P. 25—73; W. R. Boyce Gibson and Bernard Bosanquet. The Relation of Logic to Psychology with Special Reference to the Views of Dr. Bosanquet [with Discussion] // Proceedings of the Aristotelian Society. 1902—1903. Vol. 3. P. 166—186; Bosanquet B. On a Defect in the Customary Logical Formulation of Inductive Reasoning // Proceedings of the Aristotelian Society. 1910—1911. Vol. 11. P. 29—40; Bosanquet B. Science and Philosophy // Proceedings of the Aristotelian Society. 1914—1915. Vol. 15. P. 1—21; Bosanquet B. The Function of the State in Promoting the Unity of Mankind // Proceedings of the Aristotelian Society. 1916—1917. Vol. 17. №1. P. 28—57.

⁴ См.: Bosanquet B. Presidential Address: On an Essential Distinction in Theories of Experience. (For the Sixteenth Session (1894—1895) of the Aristotelian Society) // Proceedings of the Aristotelian Society. 1894—1895. Vol. 3. №. 1. P. 3—12; Bosanquet B. Presidential Address: Time and the Absolute. (For the Seventeenth Session (1895—1896) of the Aristotelian Society) // Proceedings of the Aristotelian Societ. 1895—1896. Vol. 3. №2. P. 3—10.

рованием философской метафизики и концепций абсолютного идеализма. Это было заметно в годы третьего президента Общества, шотландского философа Дэвида Джорджа Ричи (1898—1899 гг.)¹, и на протяжении пяти лет президентства Джорджа Фредерика Стаута (1899—1904 гг.)². Однако в этот исторический период в дискуссиях на заседаниях Общества постепенно формируется интеллектуальная атмосфера творческого философского поиска в части аргументации неореализма и ранней аналитической философии. В Аристотелевском обществе начало XX в. олицетворялось ростом популярности философских идей неореализма как альтернативы абсолютному идеализму. Различные версии философии неореализма отстаивали в своих президентских докладах Сэмюэл Александер (1908—1911 гг.)³, Джордж Дэвис Хикс (1913—1914 гг.)⁴, Джордж Эдвард Мур (1918—1919 гг.)⁵, Томас Перси Нанн (1923—1924 гг.)⁶, Конви

¹ Д. Дж. Ричи активно публикуется в «Трудах Аристотелевского общества» и участвует в ежегодных симпозиумах. См., например: Ritchie D.G. Darwin and Hegel // Proceedings of the Aristotelian Society. 1890—1891. Vol. 1. №4. P. 55—74; Ritchie D.G. The Conception of Necessity as Applied to Nature and to Man // Proceedings of the Aristotelian Society. 1893—1894. Vol. 2. №. 3. P. 19—35.

² См.: Stout, G. Presidential Address: The Common-Sense Conception of a Material Thing // Proceedings of the Aristotelian Society. 1900. Vol. 1. P. 1—17; Stout, G. Phenomenalism: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society. 1938. Vol. 39. P. 1—18.

³ См.: The Nature of Mental Activity. A Symposium (S. Alexander, James Ward, Carveth Read and G. F. Stout) // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. 1907—1908. Vol. 8. P. 215—257; Alexander S. Mental Activity in Willing and in Ideas // Proceedings of the Aristotelian Society. 1908—1909. Vol. 9. P. 1—40; Alexander S. On Sensations and Images //

Proceedings of the Aristotelian Society. 1909—1910. Vol. 10. P. 1—35; Alexander S. Self as Subject and as Person // Proceedings of the Aristotelian Society. 1910—1911. Vol. 11. P. 1—28; Imagery and Memory [with Discussion] (Beatrice Edgell and S. Alexander) // Proceedings of the Aristotelian Society. 1911—1912. Vol. 12. P. 188—215; Alexander S. Freedom // Proceedings of the Aristotelian Society. 1913—1914. Vol. 14. P. 322—354; Alexander S. Space-Time // Proceedings of the Aristotelian Society. 1917—1918. Vol. 18. P. 410—418; Alexander S. Beauty and Greatness in Art // Proceedings of the Aristotelian Society. 1929—1930. Vol. 30. P. 205—228.

⁴См.: Dawes Hicks G. Appearance and Real Existence // Proceedings of the Aristotelian Society. 1913—1914. Vol. 14. P. 1—48. Из более ранних работ см.: Dawes Hicks G. The Belief in External Realities // Proceedings of the Aristotelian Society. 1900—1901. Vol. 1. P. 200—219; Dawes Hicks G. A Re-Statement of Some Features in Kantian Transcendentalism // Proceedings of the Aristotelian Society. 1902—1903. Vol. 3. P. 123—165; Dawes Hicks G. Idealism and the Problem of Knowledge and Existence // Proceedings of the Aristotelian Society. 1904—1905. Vol. 5. P. 136—178; Neo-Kantism as Represented by Dr. Dawes Hicks [with Reply] (G. F. Stout and G. Dawes Hicks) // Proceedings of the Aristotelian Society. 1905—1906. Vol. 6. P. 347—390; Dawes Hicks G. Sense-Presentation and Thought // Proceedings of the Aristotelian Society. 1905—1906. Vol. 6. P. 271—346; Dawes Hicks G. The Relation of Subject and Object from the Point of View of Psychological Development // Proceedings of the Aristotelian Society. 1907—1908. Vol. 8. P. 160—214; Symposium: The Time Difficulty in Realist Theories of Perception (H. Wildon Carr, F. B. Jevons, William Brown and G. Dawes Hicks) // Proceedings of the Aristotelian Society. 1911—1912. Vol. 12. P. 124—187; Dawes Hicks G. The Nature of Willing // Proceedings of the Aristotelian Society. 1912—1913. Vol. 13. P. 27—65; Dawes Hicks G. The Basis of Critical Realism // Proceedings of the Aristotelian Society. 1916—1917. Vol. 17. P. 300—359; Dawes Hicks G. The «Modes» of Spinoza and the «Monads» of Leibniz // Proceedings of the Aristotelian Society. 1917—1918. Vol. 18. P. 329—362.

⁵См.: Moore G.E. The Presidential Address: Some Judgments of Perception // Proceedings of the Aristotelian Society. 1918—1919. Vol.

19. P. 1—29. Однако и ранее ряд философских работ Дж. Э. Мура регулярно публиковались в «Трудах Аристотелевского общества», пусть и не такие известные, как его книга «Принципы этики» 1903 г. или статья «Опровержение идеализма» 1902 г. См., например: Moore G.E. Identity // Proceedings of the Aristotelian Society. 1900—1901. Vol. 1. P. 103—127; Moore G.E. Mr. McTaggart's «Studies in Hegelian Cosmology» // Proceedings of the Aristotelian Society. 1901—1902. Vol. 2. P. 177—214; Moore G.E. Experience and Empiricism // Proceedings of the Aristotelian Society. 1902—1903. Vol. 3. P. 80—95; Moore G.E. Kant's Idealism // Proceedings of the Aristotelian Society. 1903—1904. Vol. 4. P. 127—140; Moore G.E. The Nature and Reality of Objects of Perception // Proceedings of the Aristotelian Society. 1905—1906. Vol. 6. P. 68—127; Moore G.E. Professor James' «Pragmatism» // Proceedings of the Aristotelian Society. 1907—1908. Vol. 8. P. 33—77; Moore G.E. The Subject-Matter of Psychology // Proceedings of the Aristotelian Society. 1909—1910. Vol. 10. P. 36—62; Symposium: The Status of Sense-Data (G. E. Moore and G. F. Stout) // Proceedings of the Aristotelian Society. 1913—1914. Vol. 14. P. 355—406; Symposium: Are the Materials of Sense Affections of the Mind? (G. E. Moore, W. E. Johnson, G. Dawes Hicks, J. A. Smith and James Ward) // Proceedings of the Aristotelian Society. 1916—1917. Vol. 17. P. 418—458; Moore G.E. The Conception of Reality // Proceedings of the Aristotelian Society. 1917—1918. Vol. 18. P. 101—120; Moore G.E. External and Internal Relations // Proceedings of the Aristotelian Society. 1919—1920. Vol. 20. P. 40—62.

⁶ См.: Percy Nunn T. Scientific Objects and Common-Sense Things: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society. 1923—1924. Vol. 24. P. 1—18; ранее Т. Перси Нанн опубликовал ряд философских статей в стиле неореализма. См.: Percy Nunn T. The Aims and Achievements of Scientific Method // Proceedings of the Aristotelian Society. 1905—1906. Vol. 6. P. 141—182; Percy Nunn T. On Causal Explanation // Proceedings of the Aristotelian Society. 1906—1907. Vol. 7. P. 50—80; Percy Nunn T. On the Concept of Epistemological Levels // Proceedings of the Aristotelian Society. 1907—1908. Vol. 8. P. 139—159; Percy Nunn T. Animism and the Doctrine of Energy // Proceedings of the Aristotelian Society. 1911—1912. Vol. 12. P. 25—64.

Ллойд Морган (1926—1927 гг.)¹, Джон Лэйрд (1929—1930 гг.)².

В этот же период идеи ранней аналитической философии как философского направления обосновываются на страницах «Трудов Аристотелевского общества» в полемике между Дж. Ф. Стаутом и молодым Бертраном Расселом, который на заседаниях Общества оттачивает собственную философскую аргументацию как в полемике с абсолютным идеализмом в русле неореализма, так и в контексте аналитической эпистемологии и теории дескрипций³. Б. Рассел будет занимать должность президента Аристотелевского общества с 1911 по 1913 гг., а затем в 1937—1938 гг., но его статьи раннего периода творчества будут известны задолго до президентства в Обществе⁴. На страницах журнала,

¹ См.: Lloyd Morgan C. Objects under Reference: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society. 1926—1927. Vol. 27. P. 1—20; Lloyd Morgan C. Notes on Berkeley's Doctrine of Esse // Proceedings of the Aristotelian Society. 1914—1915. Vol. 15. P. 100—139; Lloyd Morgan C. Fact and Truth // Proceedings of the Aristotelian Society. 1916—1917. Vol. 17. P. 195—215; Lloyd Morgan C. A Concept of the Organism, Emergent and Resultant // Proceedings of the Aristotelian Society. 1926—1927. Vol. 27. P. 141—176.

² См.: Laird J. Concerning Epistemology: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society. 1929—1930. Vol. 30. P. 1—30; Laird J. Positivism, Empiricism, and Metaphysics // Proceedings of the Aristotelian Society. 1938—1939. Vol. 39. P. 207—224.

³ См.: Russell B. On the Nature of Truth // Proceedings of the Aristotelian Society. 1906—1907. Vol. 7. P. 28—49; Russell B. Knowledge by Acquaintance and Knowledge by Description // Proceedings of the Aristotelian Society. 1910—1911. Vol. 11. P. 108—128; Russell B. The Limits of Empiricism // Proceedings of the Aristotelian Society. 1935—1936. Vol. 36. P. 131—150.

в частности, были опубликованы его статьи «Знание-знакомство и знание-описание», о природе истины и природе причинности, а также о соотношении универсалий и единичных объектов. В целом традицию ранней аналитической философии на заседаниях Аристотелевского общества будут развивать такие известные мыслители как Альфред Айер⁵, Фридрих Вайсман⁶, Гилберт Райл⁷.

Важным в истории Общества станет и влияние идей Людвиг Витгенштейна, отношение которого к Обществу остается загадочным и до конца не проясненным. Так, в 1929 г. в дополнительном томе к «Трудам Аристотелевского общества» была опубликована статья Витгенштейна «Некоторые замечания о логической форме»⁸. Казалось бы, это лучшее свидетельство того, что в отли-

⁴ См.: Russell B. The A Priori in Geometry // Proceedings of the Aristotelian Society. 1895—1896. Vol. 3. №2. P. 97—112; Russell B. On the Relations of Universals and Particulars // Proceedings of the Aristotelian Society. 1911—1912. Vol. 12. P. 1—24; Russell B. On the Notion of Cause // Proceedings of the Aristotelian Society. 1912—1913. Vol. 13. P. 1—26; Russell B. On Verification: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society. 1937—1938. Vol. 38. P. 1—20.

⁵ См.: Ayer A.J. Verification and Experience // Proceedings of the Aristotelian Society. 1936—1937. Vol. 37. P. 137—156; Ayer A. J. Statements about the Past: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society. 1951—1952. Vol. 52. №1. P. 1—20.

⁶ См.: Symposium: Verifiability (D. M. Mackinnon, F. Waismann and W. C. Kneale) // Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes. 1945. Vol. 19. Analysis and Metaphysics. P. 101—164.

⁷ См.: Ryle G. Presidential Address. Knowing How and Knowing That // Proceedings of the Aristotelian Society. 1945—1946. Vol. 46. P. 1—16.

чие от сложной истории взаимоотношений с представителями Венского кружка, в данном случае Витгенштейн проявил более дружелюбное отношение к британским философам. Тем не менее, и в этой истории все было не так гладко. Как отмечает В. А. Суровцев, автор перевода этой статьи Витгенштейна, а также его дневников и других философских работ, «Витгенштейн не высоко оценивал данную работу и даже просил ее не публиковать. Явившись на заседание общества, он сделал доклад на другую тему, посвященную бесконечности»⁹. Таким образом, трансформация философских взглядов Витгенштейна от идей Трактата к «позднему» периоду его творчества происходила на фоне публикации его статьи на основе непрочитанного доклада и его триумфального возвращения в Кембридж в 1929 г.

Однако следует отметить, что заседания Аристотелевского общества в период с начала XX в. до конца 30-х гг. XX в., а затем в послевоенные годы не замыкались на обсуждениях новых популярных тенденций в европейской философии. Анализ ежегодных выпусков журнала показывает неугасающий интерес участников заседаний к вопросам философии и методологии истории (Р. Коллингвуд)¹⁰, философии и методологии политического знания (И. Берлин)¹¹, постпозитивистской философии науки (К. Поппер, И. Лакатос, П. Фейерабенд)¹², философии права

⁸ См.: Wittgenstein L. Some Remarks on Logical Form // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes. Vol. 9. Knowledge, Experience and Realism (1929). P. 162—171; См. также рус. перевод: Витгенштейн Л. Некоторые замечания о логической форме // Витгенштейн Л. Дневники 1914—1916. Под общ. ред. В. А. Суровцева. М., 2018. С. 322—331.

⁹ Суровцев В. А. Ранний Витгенштейн: материалы к Логико-философскому трактату // Витгенштейн Л. Дневники 1914—1916. С. 26.

¹⁰ См.: Collingwood R.G. Sensation and thought // Proceedings of the

(Г. Л. А. Харт)¹³, методологии науки (С. Гэмпшир)¹⁴, этики (Э. Геллнер)¹⁵, философии математики и философии религии. Наиболее существенное влияние на тематику заседаний Общества, начиная с 40-х гг. XX в. оказывает лингвистическая философия, в значительной степени связанная с «лингвистическим поворотом» в философии и смежных социальных и гуманитарных науках. Именно в этой области выступление с докладами на заседаниях и конференциях Общества и публикация их материалов

Aristotelian Society. 1923—1924. Vol. XXIV. P. 55—76; Collingwood R.G. The nature and aims of a philosophy of history // Proceedings of the Aristotelian Society. 1924—1925. Vol. XXV. P. 151—74; Collingwood R.G. Some perplexities about time: with an attempted solution // Proceedings of the Aristotelian Society. 1925—1926. Vol. XXVI. P. 135—50; Collingwood R.G. On the So-Called Idea of Causation // Proceedings of the Aristotelian Society. 1937—1938. Vol. 38. P. 85—112.

¹¹ См.: Berlin I. Induction and hypothesis. // Aristotelian Society. Supplementary volume. 1937. Vol. XVI. P. 63—102; Berlin I. Verification // Proceedings of the Aristotelian Society. 1938—1939. Vol. 39. P. 225—248.

¹² См.: Popper K. R. Back to the Pre-Socratics: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society. 1958—1959. Vol. 59. P. 1—24; Feyerabend P. K. An Attempt at a Realistic Interpretation of Experience // Proceedings of the Aristotelian Society. 1957—1958. Vol. 58. P. 143—170.

¹³ См.: Hart H. L. A. Prolegomenon to the Principles of Punishment // Proceedings of the Aristotelian Society. 1960. Vol. 60. №. 1. P. 1—26.

¹⁴ См.: Hampshire S. Ideas, Propositions and Signs // Proceedings of the Aristotelian Society. 1939—1940. Vol. 40. P. 1—26; Hampshire S. Logical form // Proceedings of the Aristotelian Society. 1947—1948. Vol. 48. P. 37—58.

¹⁵ См.: Gellner E.A. Ethics and Logic // Proceedings of the Aristotelian Society. 1954—1955. Vol. 55. P. 157—178.

открыло мировой философской общественности целый ряд мыслителей, среди которых Гилберт Райл¹, Джон Уиздом², Джон Лэнгшо Остин³, Питер Стросон⁴, Питер Уинч⁵, Ричард Хэар⁶, Элизабет Энском⁷.

Как было изначально провозглашено в уставе Общества, оно сохраняло толерантность и открытый философский диалог без какого-либо влияния идеологии при выборе тем для дискуссий и симпозиумов. И этот фактор, судя по всему, послужил главным залогом устойчивости. На протяжении 140 лет своей истории Общество избежало воздействия двух мировых войн, разрушения и распада крупных империй, событий «холодной войны». Традиция диалога, заложенная первым президентом Общества Шедвортом Ходжсоном, дала возможность сохранить творческую интеллектуальную атмосферу до наших дней.

¹ См.: Ryle G. Categories // Proceedings of the Aristotelian Society. 1937—1938. Vol. 38. P. 189—206.

² См.: Wisdom J. Towards the Psychocentric Conception of Right // Proceedings of the Aristotelian Society. 1935—1936. Vol. 36. P. 61—78; Wisdom J. Philosophical Perplexity // Proceedings of the Aristotelian Society. 1936—1937. Vol. 37. P. 71—88.

³ См.: Austin J. L. A Plea for Excuses // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956—1957. Vol. 57. N. 1. P. 1—30.

⁴ См.: Strawson P.F. Particular and General // Proceedings of the Aristotelian Society. 1953—1954. Vol. 54. P. 233—260.

⁵ См.: Winch P. Nature and Convention // Proceedings of the Aristotelian Society. 1959—1960. Vol. 60. P. 231—252.

⁶ См.: Hare R. M. Universalizability // Proceedings of the Aristotelian Society. 1954—1955. Vol. 55. N. 1. P. 295—312; Hare R. M. The Presidential Address: Principles // Proceedings of the Aristotelian Society. 1972—1973. Vol. 73. N. 1. P. 1—18.

⁷ См.: Anscombe G.E.M. Intention // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956—1957. Vol. 57. P. 321—332.

Как справедливо отмечал один из президентов Аристотелевского общества Герберт Уилдон Карр, «ценность Общества лежит не только в интересных и провокационных обсуждениях, или же в престижной публикации в Трудах, но прежде всего в персональных представлениях, развитии идей в диалоге и неформальных дискуссиях в коридорах»¹. В последние годы дискуссии Общества переведены в онлайн-формат, что позволяет исследователям из разных стран принимать в них участие.

Структура монографии позволяет читателям составить наиболее глубокое представление об истории Аристотелевского общества с точки зрения развития континентальной и аналитической философии во второй половине XIX в. и на протяжении XX в. В первой главе континентальная традиция в философии представлена разделами о философском наследии Ш. Ходжсона, Дж. Ф. Стаута и А. Н. Уайтхеда. Во второй главе подробно анализируются философские идеи Дж. Э. Мура, А. Айера, Г. Райла, Дж. Л. Остина, Г. Л. А. Харта, Р. М. Хэара, Э. Энском. В конце каждого параграфа приводится подробная библиография трудов философов, опубликованных на страницах журнала «Труды Аристотелевского общества». Публикация данной монографии является первым шагом к историко-философскому осмыслению роли и значения Аристотелевского общества в истории зарубежной философии.

¹ Carr G.W. The Fiftieth Session: A Retrospect // Proceedings of the Aristotelian Society. 1928—1929. Vol. 29. P. 359 — 386.

Глава 1

Континентальная философия в истории Аристотелевского общества

1.1. Раннее Общество и место Шедворта Ходжсона в истории философской мысли: британские истоки феноменологии

Шедворт Ходжсон: у истоков Аристотелевского общества

Британский философ Шедворт Ходжсон, первый президент Аристотелевского общества в 1880—1894 гг., одно из главных действующих лиц Общества на начальной стадии его существования. Из его биографии известно, что он обучался в школе Рагби и был выпускником Колледжа Корпус-Кристи в Оксфорде, а впоследствии приобрел широкую известность в англоязычных интеллектуальных кругах того времени. Был почетным членом Корпус-Кристи, одним из основателей Британской академии, почетным доктором права Университета Эдинбурга, часто публиковался в журнале *Mind*. По воспоминаниям современников, легко читал тексты на латыни и греческом, увлекался поэзией¹, литературой и всегда был в курсе всех новейших интеллектуальных веяний.

Ш. Ходжсон принял приглашение стать первым президентом Аристотелевского общества и выступил с посланием «Философия в отношении к собственной истории»²

11 октября 1880 г. По мысли Ш. Ходжсона Аристотелевское общество должно учитывать разнообразные интересы и направления в философии. Именно благодаря ему было устроено так, что новый круг интеллектуалов не будет присоединяться ни к одной философской школе и направлению. Объявлялась свобода дискуссий и равенство в отстаивании своей позиции. «Метафизика опыта», итоговая и наиболее значительная работа философа, написанная в 1898 г. предваряется словами автора о том, что дискуссии Общества в значительной степени повлияли на его позицию и позволили скорректировать многие его ранние взгляды.

Интеллектуальное влияние Ш. Ходжсона и его место в истории философии

О творчестве Ходжсона существует лишь небольшое количество исследований, и его имя не включено в учебники по истории философии. Известны лишь немногочисленные работы второй половины XX в. и начала XXI в., в которых отражены дискуссии о его влиянии на У. Джеймса и Э. Гуссерля. Относительно XIX — начала XX вв. речь скорее следует вести о спорах между Ш. Ходжсоном и его современниками (особенно Дж. Ф. Стаутом), как правило разворачивавшихся на страницах журналов

¹ Свою книгу «Философия рефлексии» 1878 г. он посвятил английскому поэту-романтику Самуэлю Тэйлору Кольриджу (1772—1834), «моему отцу в философии, не виденному, но любимому».

² Hodgson S.H. Philosophy in Relation to its History an Address Delivered Before the Aristotelian Society, October 11, 1880. Printed for Private Circulation. Позже опубликовано, возможно, с авторскими правками в Hodgson S.H. Philosophy In Relation To Its History // The Journal of Speculative Philosophy. Vol. 16. №3. P. 225—244.

Mind и «Труды Аристотелевского общества». После его смерти в 1912 г. его имя практически не упоминалось в научных текстах, что наверняка связано с эволюцией британской интеллектуальной арены и возникновением аналитической философии. Хотя философия Ш. Ходжсона имела мало отклика в Обществе, и часто ему приходилось после обсуждений корректировать свою позицию, это нисколько его не смущало, писал в некрологе Герберт Уилдон Карр (президент Общества с 1915 по 1918 гг.)¹.

Его философия формировалась в рамках различий между теориями немецкой классики И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля и эмпиризма, развиваемого в XIX в. Дж. С. Миллем и Г. Спенсером. Первые работы Ш. Ходжсона вышли под названиями «Время и пространство: метафизический очерк» (1865), «Теория и практика» (1870), «Философия рефлексии» (1878). Томас Стэйли² указывает на Ш. Ходжсона как на автора, чья интеллектуальная деятельность сопровождалась расхождением между философским и научным дискурсом в Британии в конце XIX в. «Философия отличается от науки тем, что она является упражнением рефлексии в отличие от непосредственного познания»³. Познание объектов часто скрывает факт того, как эти объекты познаются. Отсюда для философии важен ана-

¹ H. W. C., Obituary: Shadworth Hollway Hodgson // Proceedings of the Aristotelian Society. 1911—1912. Vol. 12. P. 328.

² Staley, Thomas W. Keeping Philosophy in Mind: Shadworth H. Hodgson's Articulation of the Boundaries of Philosophy and Science // Journal of the History of Ideas. 2009. Vol. 70. №. 2. P. 289—315.

³ Hodgson S. H. Philosophy of Reflection. London: Longmans, Green and Co. 1878. P. 99—100.

лиз нашего опыта. Поэтому неудивительно, что существуют исследования Холли Андерсена и Рика Груша, где утверждается, что родоначальник феноменологии Э. Гуссерль был знаком с его работами, и возможно находился под их определенным влиянием, как непосредственно, так и опосредованно через работы У. Джеймса¹. Авторы указывают на ряд статей², в ходе которых в 70-х гг. XX в. развернулась дискуссия о прямом или опосредованном влиянии творчества Ш. Ходжсона на Э. Гуссерля.

«Время и пространство» и «Метафизика опыта» оказали сильное влияние на У. Джеймса. Философия Ш. Ходжсона, по выражению У. Джеймса — это радикальный эмпиризм. У. Джеймс более чем другие его современники признавал ценность анализа сознания у Ш. Ходжсона³. Влияние его на У. Джеймса связано с фактом его непосредственного общения и переписки, как

¹ Идея темпоральности опыта Э. Гуссерля рассматривается авторами как линия, ведущая от Томаса Рида к Шэдворту Ходжсону и У. Джеймсу, и далее к Э. Гуссерлю. Andersen H., Grush R. A Brief History of Time-Consciousness: Historical Precursors to James and Husserl // *Journal of the History of Philosophy*. 2009. Vol. 47. №2. P. 277—307. Далее все ссылки на цитаты Э. Гуссерля даны в русском переводе: Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. Т. 1. М., 1994.

² Spicker S. Shadworth Hodgson's Reduction as an Anticipation of Husserl's Phenomenological Psychology // *Journal of the British Society for Phenomenology*. 1971. Vol. 2. P. 57—73; Schumann K. Husserl and Hodgson: Some Historical Remarks // *Journal of the British Society for Phenomenology*. 1972. Vol. 3. P. 63—65; Spicker S. The fundamental constituents of consciousness: Process-contents and the Erlebnisstrom // *Journal of the British Society for Phenomenology*. 1973. Vol. 6. P. 26—43.

на личные, так и философские темы. Джеймс, в частности, писал своей жене, что находит Ш. Ходжсона «очаровательным до крайности этого добродушного и стеснительного философа»⁴.

Х. Андерсен и Р. Груш ссылаются на фрагмент его «Философии рефлексии», отмечая его как крайне важное для понимания влияния Ш. Ходжсона на У. Джеймса и Э. Гуссерля: «Минимум сознания содержит два разных чувства. По отдельности они не могут ощущаться... Для этой очевидной одновременности есть два случая. Первое — это реальная одновременность, где два субчувства являются реальными частями сосуществования, но не в последовательности. Второе — это то, что одно из них ощущается как становящееся слабее (названное уходящим, когда ссылаются на его место в последовательности), а другое — сильнее (названное приходящим, когда оно относится к последовательности). Одновременное восприятие обоих субчувств как частей сосуществования или чередования является общим чувством, минимумом сознания, который обладает длительностью <...> Обычно, не задумываясь, мы делим ход времени на прошлое, настоящее и будущее, разделенных неделимой точкой. Но, строго говоря, настоящего нет. Это мгновение или время-точка (time-point) есть точное настоящее. То, что мы небрежно называем настоящим — это эмпирическая часть хода времени, содержащая, по крайней мере, минимум сознания, в котором момент изменения является настоящим временем-точкой»⁵.

³ Carr H. W. Obituary: Shadworth Hollway Hodgson. P.330.

⁴ Цит. по: Andersen H., Grush R. A Brief History of Time-Consciousness: Historical Precursors to James and Husserl. Andersen, Holly and Grush, Rick // Journal of the History of Philosophy. 2009. Vol. 47. №2.

Если говорить об опосредованном влиянии, то известен факт, что Э. Гуссерля заинтересовала работа У. Джеймса «Принципы психологии». Что касается прямого влияния, то в частности, С. Спикер в статье 1971 г. пришел к выводу, что хотя работы Ш. Ходжсона и Э. Гуссерля были похожи, нельзя говорить о прямом влиянии. К. Шуманн в статье 1972 г. пишет о том, что Э. Гуссерль мог читать работы Ходжсона, но нельзя сказать, насколько их влияние было глубоким. Позже в 1973 г. С. Спикер публикует продолжение исследований, в которых утверждает, что прямое влияние определено было (пусть и его сложно подтвердить исторически, зато можно концептуально) и анализирует его в ходжсоновских понятиях процесса-смысла (*process-contents*) и «потока переживаний» (*Erlebnisstrom*) Э. Гуссерля⁶. С. Спикер указывает, что в сообщении Изо Керна из Лувена было написано, что «никто в архиве не может подтвердить, что Гуссерль изучал работу этого английского философа», и в личной философской библиотеке Э. Гуссерля не найдено ни одного сочинения Ш. Ходжсона⁷. Тем не менее С. Спикер ссылается на Рудольфа Бема, редактора Гуссерлианы, где в манускриптах 1907 г. Э. Гуссерль пишет, что многое, что

⁵ Цит. по: Andersen H., Grush R. A Brief History of Time-Consciousness: Historical Precursors to James and Husserl. Andersen, Holly and Grush, Rick // *Journal of the History of Philosophy*. 2009. Vol. 47. №2. См. также Hodgson S.H. *Philosophy of Reflection*. Vol. 1, 2. London: Longman, Green, Longman, Roberts, and Green, 1878. P. 249—250, 253.

⁶ Andersen H., Grush R. A Brief History of Time-Consciousness: Historical Precursors to James and Husserl. Andersen, Holly and Grush, Rick // *Journal of the History of Philosophy*. 2009. Vol. 47. №2. P. 277—307.

⁷ *Ibid.* P. 277—307; см. также Spicker S. Shadworth Hodgson's Reduction as an Anticipation of Husserl's Phenomenological

связано с его точкой зрения, найдено у Стаута и Ходжсона, но это сходство не настолько обширно, чтобы можно было сослаться на них⁸. Интересно предположение К. Шуманна, что Э. Гуссерль был знаком с полемикой Ходжсона и Стаута в журнале *Mind*. К. Шуманн сделал вывод о том, что эта полемика важна в срезе гуссерлевской идеи «ретенции», встречающейся в «Метафизике опыта», которую Дж. Ф. Стаут называет «образы памяти»⁹. Также К. Шуманн обращает внимание на черновик письма Э. Гуссерля к Уолтеру Питкину¹⁰, где тот пишет, что к сожалению работы Ходжсона и Стаута попались ему на глаза совсем недавно¹¹. Х. Андерсен и Р. Груш приводят еще одно

Psychology // *Journal of the British Society for Phenomenology*. 1971. Vol. 2. P. 57–73.

⁸ С. Спикер в статье в статье 1971 г. ссылается на *Husserliana Band X*, P. XVI – XVII.

⁹ Речь идет, скорее всего, о следующих статьях: Hodgson S.H. *Perception of Change and Duration-A Reply* // *Mind*. 1900. Vol. 9. №34 и Stout G.F. *Perception of Change and Duration* // *Mind*. 1900. Vol. 9. №33. P. 1–7. Дж. Ф. Стаут был шеф-редактором журнала *Mind* с 1891 по 1920 гг.

¹⁰ Американский философ, живший в Европе, и предложивший Э. Гуссерлю перевод «Логических исследований» на английский язык. Попытка не увенчалась успехом, поскольку не был найден издатель. Во вступлении Д. Морана к «Логическим исследованиям» это объясняется версией У. Питкина, а именно тем, что «Уильям Джеймс, будучи консультантом проекта, отговорил издателя, предполагая, что последнее, что еще нужно миру, так это очередной немецкий учебник по логике». Husserl, E. *Logical Investigations*. Translated by J. N. Findlay from the Second German edition of *Logische Untersuchungen* with a new Preface by Michael Dummett and edited with a new Introduction by Dermot Moran. Routledge. London and New York, 2001. P. XXIII. Д. Моран по данному обстоятельству отсылает к работам Н. Spiegelberg. What William James

свидетельство в пользу прямого влияния Ходжсона на Гуссерля — его письмо бывшему ученику Уинтропу Беллу от 22 января 1922 г., где он спрашивает у Белла, насколько активен Ходжсон, чьи некоторые поразительные главы он прочитал двадцать лет назад.¹²

По мнению исследователей, это влияние Ш. Ходжсона хорошо объясняется и тем, что к началу 1905 г. Э. Гуссерль активно занимался проблемой сознания и готовил лекции по этой теме. Более того, они приводят определенные места в «Метафизике опыта», которые концептуально схожи с базовой идеей феноменологии — феноменологической редукцией. Начинает Ш. Ходжсон с того, что описывает свой метод в ситуации, когда он находится в комнате в обычных обстоятельствах «цвета» и «звука». Цель метода состоит в проведении различия между сознанием как процессом-содержанием (process-content) и другими реальностями. Х. Андерсен и Р. Груш приводят цитату из «Метафизики опыта», на которую сошлемся и мы, но в более полном виде: «Как тогда осуществляется мой анализ? <...> Он состоит в отклонении настоящего рассмотрения и сохранения для будущего анализа всех тех сторон и знаков, что составляют реально существующий опыт, в котором идеи возникновения, истории, причинной обусловленности (real conditioning), или коротко причинности, очевидно настолько причастны, что то, что

Knew About Husserl. On the Credibility of Pitkin's Testimony' // Lester E. Embree (ed.), *Life-World and Consciousness. Essays for Aron Gurwitsch*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1972. P. 407—422.

¹¹ Andersen H., Grush R. *A Brief History of Time-Consciousness: Historical Precursors to James and Husserl*. Andersen, Holly and Grush, Rick. P. 277—307.

¹² См. Husserl E. *Briefwechsel*. Edited by Karl Schuhmann. Vol. 3. The Hague: Kluwer Academic Publishers, 1994. P. 33—34.

эти стороны существуют и никаким образом не воспринимаются без этих идей. Все остальное я удерживаю для настоящего анализа. В целом я удерживаю все (1) минус идею о том, что то, что я испытываю, является частью мира личностей, вещей, действий и событий, (2) минус идею, что я реальная личность и переживаю всех их. Это бытие всех объектов или знаков, которые не имеют непосредственно очевидного значения, требует дальнейшего анализа, показывающего их происхождение из комбинации переживаний, которые сами по себе по отдельности имеют непосредственное значение. <...> Тогда я отбрасываю все идеи о реальном происхождении непосредственно воспринимаемых цветов, звуков, запахов, тактильных и прочих ощущений, удовольствий и боли. Всех идей реальных объектов, предполагаемых памятью и воображением и тех, что полагаются реальными из-за эмоций, страстей, мыслей и желаний и о себе как реальной личности. В то же время я удерживаю цвета, звуки, запахи, тактильные и иные телесные ощущения, воспоминания, воспоминания, воображение, эмоциональные чувства, удовольствие и боль, желания, мысли и воления только как знак (character) многообразных содержаний опыта»¹.

Также авторы указывают на идею ретенции (retention), используемую Ш. Ходжсоном: «Нечто <...> вовлеченное в переживание как эмпирический процесс это ретенция-удержание, или память в низшем значении. Слово память, имеющее несколько иное значение, чем в повседневном употреблении, в котором обозначается обычно воспоминание или появление чего-то забытого <...> Теперь ретенция-удержание или память в низшем

¹ Hodgson S. Metaphysic of Experience. Vol. 1. London, 1898. P. 38—40.

значении <...> на самом деле участвует в воспринимаемой составляющей длительности. <...> как было показано, ретенция-удержание прошлого в настоящем моменте имеет место среди предельных фактов человеческого опыта»¹.

Эрик Фёгелин прямо указывает на ходжсоновское различие между актом и его содержанием. Содержание акта восприятия является «чтойностью» (whatness), сущностью акта, ее объектом, а факт конкретного восприятия есть «этовость» (thatness), его конкретное бытие в акте. Они не существуют независимо друг от друга и не могут объективировать друг друга². «Называя содержание „чтойностью“ (whatness) восприятия или опыта, мы можем назвать факт что (*музыкальная нота* — прим. Р.Ю.) воспринята как „этовость“ (thatness), или существование в настоящем времени»³. И та и другая сторона представляют собой «реципрокные» аспекты всего опыта как такового.

Х. Андерсен и Р. Груш приводят рассуждения Ш. Ходжсона, которые, по их мнению, указывают на очень явную концептуальную близость его философии и программы феноменологии: «Ретроспективный, или репрезентативный, момент опыта имеет, таким образом, для своего содержания восприятия процесс-содержание, отличный как от него самого по степени живости, так и по месту во временной последовательности. Его содержание как воспринимающего тождественно по своему

¹ Hodgson, S. *Metaphysics of Experience*. Vol. 1. P. 59, 71.

² Voegelin E. *On the Form of the American Mind // The Collected Works of Eric Voegelin*. Vol. I. Ed. by Juergen Gebhardt and Barry Cooper. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press, 1995. P. 289.

³ Hodgson, S. *Metaphysics of Experience*. Vol. 1. P. 60.

виду, но отлично по живости и времени от того объекта который был дан в восприятии. Здесь на самом деле повторение процесса-содержания в его объективном восприятии. И термины «объект» и «объективный аспект» всегда указывают, что восприятие, для которого они объективны, является ретроспекцией на нечто уже воспринятое, содержание которого идентично по своему виду содержанию ретроспективного восприятия или его повторения. То же самое по своему характеру можно назвать логической связью между двумя аспектами.

Тем самым процесс-содержание одного момента сознания является объектом или объективным аспектом следующего момента дополнительно к процессу-содержанию, который конституирует следующий момент таким, каков он есть. Каждый процесс сознания, помимо собственного содержания, содержит ретроспективное восприятие одного или многих предшествующих моментов. И каждый момент сознания содержит, помимо своего собственного содержания, ретроспективное восприятие одного или нескольких предшествующих моментов. Течение сознания во времени с различным содержанием является тем обстоятельством, что проливает свет на ретроспективный, или как я предпочел бы говорить, по далее сказанной причине, рефлексивный характер. Все сознание и опыт имеет этот двойной аспект, а именно, что всякое восприятие, данное само по себе, есть процесс-содержание или осознание чего-то, а второе, что это восприятие, в котором рефлексивный характер несомненен и является продолжением этого процесса, причем *чтойность* (whatness) — *этовость* (thatness) его начала воспринимаются как целое»¹.

При этом еще ранее Ш. Ходжсон в «Философии рефлексии» 1878 г. указывает на то, что «существование» и «сущности» как в схоластике, так и в обыденном опыте берутся как некритически взятые предпосылки. Су-

¹ Hodgson S.H. *Metaphysics of Experience*. Vol. 1. P. 74—75. Использование терминов *whatness* и *thatness* Ш. Ходжсоном отсылает к схоластическому употреблению «чтойности» — сущности и «этовости» — существования. LaZella A. T., *Thomas Aquinas, the real distinction between esse and essence, and overcoming the conceptual imperialism* (2010). Department of Philosophy College of Liberal Arts and Sciences DePaul University Chicago, Illinois. <https://via.library.depaul.edu/etd/32>. P. 371. Сравним с Э. Гуссерлем: «Когда раздаётся звук, я слышу его как теперь, при дальнейшем звучании он обладает постоянно новым. Теперь и каждое предыдущее Теперь превращается в прошлое. Следовательно, я каждый раз слышу только актуальную фазу тона, и объективность всего длящегося тона конституируется в континууме акта, который частью является воспоминанием, в своей наименьшей, точечной части — восприятием, а в более обширной части — ожиданием». *Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. Т. 1. М., 1994. С. 26.* «Если истек замкнутый (принадлежащий к длящемуся процессу или объекту) поток, то я могу все же обратить на него взгляд; он образует в памяти, как кажется, некоторое единство. Таким же образом и поток сознания конституируется, очевидно, в сознании как единство. В нем конституируется, например, единство тональной длительности, он сам, однако, снова конституируется как единство сознания-тональной-длительности <...> Взгляд может быть направлен, во-первых, сквозь „совпадающие“ в непрерывном продолжении потока фазы как интенциональности тона. Взгляд, однако, может так же направиться на поток, на интервал потока, на переход текущего сознания от вступления тона к концу тона». *Гуссерль Э. Там же. С. 84—85;* «Теперь возникает вопрос, может ли эта очевидность сознания времени сохраняться в репродукции. Это возможно только в результате совпадения репродуктивного и ретенциального протекания. Если я имею последовательность двух тонов с, d, то я могу, пока еще в свежей памяти, повторить эту последовательность, и притом в определенном отношении повторить адекватно. Я внутренне повторяю с, d, сознавая, что сначала имело место с, а затем d. И пока это „еще живо“, я могу снова так поступить и т. д. Несомненно, я могу таким образом выйти за пределы первичной сферы очевидности. Одновременно мы видим здесь тот способ, каким осуществля-

существование берется как объект, который «существует» как некое «это» (that) без знания его «сущности», то есть без знания «что» (what) он на самом деле «есть». В результате Ш. Ходжсон полагает, что это утверждение существования вещи-в-себе и всех проблем наличия внешнего мира, вытекающих отсюда. Чтобы узнать «что» такое существование «есть», требуется сверхъестественное вмешательство и Откровение. В итоге что-то полагается абсолютным, но при этом становится отделенным от разума, который это абсолютное открывает. Хотя обыденный опыт и Откровение имеют разные источники, тем не менее проблема разрыва между «сущностью» и «существованием» их объединяет, так как такого рода полагание связано с отрывом познающего субъекта от мира. В первом случае речь идет о некритически воспринимаемом мире в обыденном опыте, а во втором — о некритическом полагании наличия отдельных «сущностей», «субстанций», «существования» и так далее вне его. Источник обыденного знания — это чувственные восприятия, к которым наше знание реальных сущностей применяется. В сверхъестественном знании у нас есть знание о реальных сущностях посредством понятий, которые получены извне. В итоге «сущность» и «существование» существуют сами по себе, но при этом предполагается, что они должны познаваться благодаря понятиям, соответствующим их реальной и «сокровенной» природе². Скорее всего поэтому Ш. Ходжсон избегает классического языка понятий «сущности» и «существования», используя *thatness*

ются воспоминания (Wiedererinnerungen). Если я повторяю с, d, то это репродуктивное представление последовательности находит свое осуществление в еще живой предыдущей последовательности». Гуссерль Э. Там же. С. 54.

и *whatness* для того чтобы попытаться выразить единство и многообразие опыта в сознании как процессе-содержании. Ш. Ходжсон считал, что проблемы скептицизма Д. Юма могут быть решены при таком подходе. Как в свое время Д. Лаэртский писал, что «философы разделяются на догматиков и скептиков. Догматики — это все те, которые рассуждают о предметах, считая их постижимыми; скептики — это те, которые воздерживаются от суждений, считая предметы непостижимыми»³, так и Ш. Ходжсон следуя критической традиции, пытается обойти проблему догматизма и скептицизма, вводя сознание в центр философии и пытаясь снять различия между мышлением и созерцанием, актом и его содержанием. Тем самым если говорить о мотивах Ш. Ходжсона и Э. Гуссерля, то они схожи. Если нет прямых исторических свидетельств и ссылок самого Э. Гуссерля на работы британского философа, то Х. Андерсен и Р. Груш это связывают с тем, что работы по феноменологии внутреннего сознания времени готовились как лекции, а не в качестве текста для публикации. Поэтому возможно, что он при подготовке к лекциям читал в журнале *Mind* полемику между Ш. Ходжсоном и Дж. Ф. Стаутом по проблемам времени, а в его заметках к конспектам часто находились большие цитаты, без какого-либо указания источника. Отсюда если говорить об исполнении своего замысла, то авторы называют Ш. Ходжсона «невоспетым героем», а то, что он полностью забыт — скандалом.

² Hodgson S. *The Philosophy of Reflection*. Vol. II. P. 177—179.

³ Диоген Лаэртский. *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. М., 1986. С. 59.

Первый президентский доклад в Аристотелевском обществе

Первый доклад президента Аристотелевского общества Ш. Ходжсона под названием «Философия в отношении к собственной истории»¹ был прочитан 10 октября 1880 г. и распространен среди его участников как рукопись для частного использования внутри Общества. На тот момент времени доклады Общества еще не печатались в отдельных номерах журнала. Первый журнал Общества появился в 1888 г.² и включал в себя работы 1887—1888 гг. Через некоторое время доклад был опубликован Ш. Ходжсоном в «Журнале спекулятивной философии»³, который был в свое время одним из первых англоязычных журналов в области философии. Вполне возможно, что стилистика доклада напоминала скорее обзорную лекцию, поскольку первые собрания Общества включали в себя публику достаточно непрофессиональную, в которую входили британские энтузиасты-любители философии и представители лондонской интеллигенции. К слову, первое заседание от 3 мая 1880 г. было посвящено вопросу «Что такое философия?» и открыто медицинским работником и хирургом, доктором Дж. Бернсом-Гибсоном.

Основной вопрос, поднятый в докладе, — что такое предмет философии и его отношение к истории философии. Рассуждения Ш. Ходжсона о философии вполне

¹ Hodgson S. H. *Philosophy in Relation to its History an Address Delivered Before the Aristotelian Society, October 11, 1880*. Printed for Private Circulation.

² *Proceedings of the Aristotelian Society*. London, 1888. Vol. 1. №1. P. 1—11.

³ Hodgson S.H. *Philosophy In Relation To Its History // The Journal of Speculative Philosophy*. 1882. Vol. 16. №3. P. 225—244.

укладываются в рамки классических представлений о месте философии в системе знания. Его позиция близка к Аристотелю, которого он называет «великим эпонимом», считавшим философию наукой о причинах причин, и очевидно к Р. Декарту, для которого метафизика была корнем всего знания, давая ему необходимые принципы. Так или иначе классическая иерархическая модель места философии в системе знаний может быть отчетливо прослежена. «В любом великом или малом предмете мы подходим к его философии, объясняя факты и понятия, лежащие в основе его законов, в корнях его аксиом <...> аксиомы и законы этого предмета есть его наука, философией является связь аксиом и законов с более обширной областью мысли».¹ Он приводит несколько примеров: мастер, изготавливающий кирпичи, поэт и математик. Мастер может знать, из какой глины лучше они получаются и как их изготовить — и это и есть его наука. Философией же он овладеет лишь тогда, когда сможет соединить свое знание с архитектурным ремеслом. Искусство стихосложения становится поэзией лишь тогда, когда человек, умеющий замечательно соединять звуки между собой, знающий ритмы и метры, понимает, насколько его наука служит определенной цели, а именно, как составление стихов служит цели «передачи и усиления воображаемого удовольствия средствами оформленных звуков языка»². Так же математик может превосходно считать и оперировать аксиомами, определениями и методами, зная собственную науку, но не зная ее философию, не связывая математику с законами человеческого разума.

¹ Ibid. P. 226.

² Ibid. P. 227.

Таким образом, все человеческое знание — это представление о Вселенной, выраженное в универсальной философии, где от самых элементарных конкретных знаний мы можем постепенно восходить к знаниям более общего порядка. При этом Ходжсон указывает на особую проблему такого подхода к предмету, а именно того, что такое представление об универсальном знании как расширении его частных сфер является чисто гипотетическим, а возможно и иллюзией, которой ничего не соответствует в действительности. В общем-то здесь очевидно наследие философии немецкого трансцендентализма И. Канта. Обозначая эту проблему, Ш. Ходжсон отсылает к кантовской идее регулятивных и конститутивных принципов, хотя и не обозначает это прямо. От себя добавим, что иерархическое строение знания и представление о нем в таком контексте лучше рассматривать в качестве регулятивного принципа разума¹, поскольку говоря словами И. Канта это позволяет «сделать систематическим единство всех возможных эмпириче-

¹ См. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999. С. 497—498: [Трансцендентальные идеи] «имеют превосходное и неизбежно регулятивное применение, состоящее в том, что они устремляют рассудок к известной цели, ввиду которой линии направления (Richtungslinien) всех его правил сходятся в одной точке, и, хотя эта точка есть только идея (focus imaginarius), т. е. точка, из которой понятия рассудка в действительности [вовсе] не исходят (wirklich nicht ausgehen), так как она находится совершенно вне границ возможного опыта, тем не менее она служит для того, чтобы сообщить им величайшее единство наряду с величайшим расширением. Отсюда, правда, возникает иллюзия, как будто бы эти линии направления исходят из самого предмета, который находился бы за областью эмпирически возможного знания (подобно тому, как мы проецируем объекты за отражающую поверхность); однако эта иллюзия (которой, впрочем,

ских действий рассудка»². Мысленное обоснование Вселенной хотя и является давней, если не изначальной, целью философов, но не может быть завершено. Значит ли это, что нет никакого прогресса в этой области? Ш. Ходжсон отвечает отрицательно на этот вопрос. Иными словами, история философии — это бесконечный ряд философских теорий, и история прогресса в приближении к данной цели. Нужно обратить внимание на то, что при движении к этой цели были как заблуждения, так и ответвления от магистральной линии, а так же факты неизбежного антропоморфизма философских теорий. Ведь все, что человек знает о Вселенной, он знает через призму своих способностей, чувствований и представлений о благе и зле.

можно помешать вводить нас в заблуждение) неизбежно необходима, если кроме предметов, находящихся перед нашими глазами, мы хотим видеть также и те предметы, которые лежат далеко от них за нашей спиной, т. е. в нашем случае, если мы хотим направить рассудок за пределы всякого данного опыта ([составляющего] часть совокупности возможного опыта), следовательно, довести его до величайшего и самого крайнего расширения <...> специальной задачей, которую стремится осуществить разум, является систематичность знания, т. е. связь его на [основании] одного (aus einem) принципа. Это единство разума всегда предполагает идею, именно идею относительно формы целого знания, которое предшествует определенному знанию частей и содержит в себе условия, а priori определяющие для всякой части ее место и отношение к другим частям. Следовательно, эта идея постулирует для знаний рассудка полное единство, благодаря которому эти знания составляют не случайный агрегат, а связанную согласно необходимым законам систему. Эту идею, собственно, нельзя назвать понятием об объекте, она есть понятие о всестороннем единстве этих понятий, поскольку это единство служит правилом для рассудка».

² Кант И. Критика чистого разума. С.509.

Ш. Ходжсон дает обзор историко-философской периодизации, ставшей уже классической в современности. Разбор античности включает в себя ионическую философию, затем элеатов, далее идут теории Сократа, Платона, Аристотеля и неоплатонизм. Если рассматривать материалистическую традицию античности, то она характеризуется антропоморфизмом. Проявляется антропоморфизм в том, что конструкции чувственных способностей воспринимались как окончательные реальности и несмотря на то, что они имели более научный характер (по сравнению, судя по всему, с мифологией), по видимому, были дополнены в итоге мифологическими концептами любви и вражды. Ш. Ходжсон вполне вероятно здесь имеет в виду Гераклита и, по всей видимости, подразумевает, что связь познаваемых субстанций была опосредована неким умозрительным принципом, который впоследствии нашел свое воплощение в антропоморфизме более высокого порядка, а именно в антропоморфизме элеатов, который получил у него название «логического антропоморфизма». «Цель логического обоснования Вселенной сначала воспринималась, но воспринималась неясно»¹. Это подготовило, в свою очередь, почву для введения Сократом и Платоном нравственных категорий в иерархическую систему бытия. Благо у Платона — это высший принцип Космоса, в дальнейшем выразившееся в идеях актуального и потенциального, возможного и действительного и учения о причинах у Аристотеля. Эпикурейцы и стоики стали боковым ответвлением философии, делая акцент на нравственном принципе Вселенной, хотя Ш. Ходжсон сомневается, можно ли сделать этот нравственный принцип

¹ Hodgson S. Philosophy In Relation To Its History. P. 229.

принципом первостепенной важности, учитывая «ничтожные возможности человека воздействовать на нее»¹.

Неоплатоники берут платоновскую идею Блага (τὸ ἀγαθόν), комбинируя теологию и мораль, пытаясь создать всеобъемлющую теорию, которая впрочем не имеет успеха в связи с тем, что по мысли Ш. Ходжсона Аристотель уже превзошел Платона. Реалистическая доктрина идей Платона была уже «нежизнеспособной» (Ш. Ходжсон), так как «одно дело сказать вместе с Аристотелем, что реальное должно быть понято посредством определения, благодаря пересечению двух универсалий, и совсем другое дело говорить вместе с реалистами, что отдельная универсалия может выражать отдельную реальность»². Вторая причина нежизнеспособности неоплатонизма в том, что они пытались создать из философии религиозный культ, ведь одно дело, когда философия возникает из религии, другое, когда происходит наоборот — «религия будет чувствовать себя неуютно в столь обставленном жилище»³. Поэтому неоплатонизм, по мысли Ходжсона, был обречен быть «боковым ответвлением» или «побочным путем» в истории философии. Отсюда очевидно, что у Ходжсона вершина античности — это аристотелевская философия. Благодаря Аристотелю философская мысль стала системой теорий. «В системе Аристотеля мы имеем высший вид и форму всех истинно философских спекуляций»⁴. При этом возникает вопрос — ход истории философии является ли заполнением всех контуров аристотелевской системы, либо возможностью опрокидывания его философии при дальнейшем интеллектуальном развитии. Философия

¹ Ibid. P. 230.

² Ibid. P. 231.

³ Ibid. P. 231.

⁴ Ibid. P. 232.

Аристотеля в дальнейшем смогла прийти в состояние гармонии с христианством в схоластике. Христианство с помощью Откровения указало на некоторые факты человеческой природы и поэтому философия, хотя и вынуждена была существовать в новых культурных реалиях, так же осталась деятельностью по объяснению человека как такового. Но является ли схоластика достаточной в своем обосновании Вселенной, хотя ее попытки в достижении этой цели несколько не отличаются от попыток гегельянства, контовского позитивизма или агностицизма? Одно дело говорить, что неверие — это неверие в Бога, другое дело — это неверие в некоторую философскую религиозную систему. Только в тот момент, когда религия начинает оперировать философскими понятиями и становится философской системой, она становится уязвимой для критики. Далее в докладе Ш. Ходжсон кратко останавливается на философии Возрождения. Для изучения Возрождения нужно держать в уме вопрос влияния на философию греческой литературы, научного прогресса и религии. Возрождение в лице Бруно и Бэкона выступило не против философии Аристотеля, а против его схоластического толкования. Постепенная замена оккультизма научными и реальными знаниями требовала новой формулировки философских вопросов, хотя цель осталась одна и та же — рациональное обоснование Вселенной.

Это новая постановка проблемы по Ш. Ходжсону отличает современную философию от древней тем, что отношение человека к миру опосредовано философским исследованием субъективности. Вопрос теперь не только в том, что представляют собой вещи, а что мы знаем о них и каким образом. Человек теперь анализирует способности собственного ума, что означает для Ш. Ходжсона поворот внимания от метафизики к психологии. Теперь внимание философов направлено на субъективные факты, открытые для интроспективного анализа. Декар-

та, Спинозу, Гассенди, Мальбранша, Лейбница, Вольфа, Локка, Юма, Беркли начинают занимать вопросы взаимосвязи души и тела. Этот поворот к фактам сознания во многом зависел и от психофизиологических исследований. При этом самый решительный шаг в направлении субъективного анализа был проделан И. Кантом. Именно Кант заставил чуждую человеческому знанию материю «показать себя в истинных красках, но при этом не исключил ее из системы»¹ — а именно в идее «вещей-в-себе». После Канта философские системы либо пытались допустить их существование, либо отрицали его. Ходжсон проводит по этому критерию различие между Гегелем и Шопенгауэром, модифицированным Гартманом, Контом, Ренувье и Спенсером. Тем самым современность принадлежит «пост-кантианской» эпохе и может быть сравнима с эпохой Возрождения в философии. Материализм и скептицизм Ходжсон не относит к философским теориям, а называет «тенденциями», впрочем не уделяя им пристального внимания.

«Важно осознавать великий факт, что философия на любом этапе, как и современная философия является следствием и плодом предшествующей истории, которая в свою очередь находится под воздействием и влиянием социальных и политических обстоятельств, окружавших тех, кто посвятил себя философии»². Изучение философской истории помогает понять современную философию, «показывает направление философских вопросов», так же «как история нации важна для освещения значимости и направленности институций, законов и политических действий»³.

¹ Ibid. P. 239.

² Ibid. P. 240.

Историю философии мы используем не как историю, а как философию, обучаясь методам и понятиям прошлого. Есть два способа изучения истории философии, которые Ш. Ходжсон упоминает. Первый способ связан с ее изучением в качестве факта культурной жизни. И хотя мы можем изучать ее как историю в контексте всеобщей истории, это не подлинная история философии. Подлинной историей философии является небезразличное перебирание фактов существования той или иной системы («как редкого растения или животного, или ископаемого какой-либо геологической формации»). Тогда мы уподобились бы исследователю, который написав труды по истории литературы или поэзии, не проявлял бы к ним интереса, а его самого можно было обозначить «занудой» или «педантом» (*Dryasdust*)⁴. Историей философии является вхождение в круг философских идей и проблем. Поэтому вторым и более вер-

³ Ibid. P. 240.

⁴ Сравним с Г. В. Ф. Гегелем: «История философии, как рассказ о различных и многообразных мнениях, превращается, таким образом, в предмет праздного любопытства или, если угодно, в предмет интереса ученых *эрудитов*. Ибо ученая эрудиция состоит именно в том, чтобы знать массу бесполезных вещей, т.е. таких вещей, которые сами по себе бессодержательны и лишены всякого интереса, а интересны для ученого эрудита только лишь потому, что он их знает. <...> Если бы история философии представляла собою лишь *галерею мнений*, хотя бы и о боге, о сущности естественных и духовных вещей, то она была бы излишней и изрядно скучной наукой, сколько бы ни указывали на пользу, извлекаемую из таких движений мысли и учености. Что может быть бесполезнее ознакомления с рядом лишь голых *мнений*? Что может быть более безразличным? Стоит только бегло заглянуть в произведения, представляющие собою историю философии в том смысле, что они излагают и трактуют философские идеи на манер мнений, —

ным способом является такое изучение истории философии, в котором бы высвечивался ее изначальный смысл в рациональном обосновании Вселенной, а при этом вся история философии оценивалась с уже достигнутых современной философией высот. Наиболее крайними проявлениями Ш. Ходжсон считает здесь философию Г. В. Ф. Гегеля и схоластов. Отсюда, чтобы избрать второй способ, необходимо остановиться на окончательной теории и в ее контексте рассматривать всю предшествующую традицию. В конце доклада Ш. Ходжсон признает, что Аристотелевское общество вряд ли будет придерживаться крайностей и сразу же избирать подобную теорию: необходимо выяснить, возможно ли в принципе какое-либо рациональное объяснение Вселенной, может ли оно быть исчерпывающим и какова та система, которая имеет наибольшие шансы это осуществить. И судя по всему, задача Общества в данном контексте — это дискуссии о возможности существования подобной системы. История философии — это живая история, где системы погибают, но методы остаются. О философии, по Ходжсону, можно сказать словами английского поэта У. Вордсворта, а именно строками из его «Прощального сонета реке Даддон»: «Даруешь вечно жизнь и обновление».^{5,6}

стоит только, говорим мы, заглянуть в эти произведения, чтобы убедиться, как все это скучно и неинтересно». Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1. Санкт-Петербург, 1993. С. 78.

⁵ Дословно — «форма остается, функция никогда не умирает», в оригинале «*Still glides the Stream, and shall for ever glide; The Form remains, the Function never dies*» (курсив мной-Ю.Р.). В переводе В. Левика звучит «Ты катишь воды, вечный, озорной; Даруешь вечно жизнь и об-

Публикации в журнале «Труды Аристотелевского общества»

Hodgson S. H. On the Relation of Knowledge to Belief // Proceedings of the Aristotelian Society. 1887—1888. Vol. 1. P. 69—71;

Hodgson S. H. On Some Ambiguities in the Word Time // Proceedings of the Aristotelian Society. 1887—1888. Vol. 1. P. 71—72;

Hodgson S. H. On the «Ignava Ratio,» «Ἀργὸς Λόγος, or Idle Argument // Proceedings of the Aristotelian Society. 1887—1888. Vol. 1. P. 72—73;

Bain Alexander, Sorley W. R., Mann J. S., Scrymgour E. P., Hodgson S. H. Symposium: The Distinction between Will and Desire // Proceedings of the Aristotelian Society. 1887—1888. Vol. 1. P. 54—69;

Hodgson S. H., Ritchie D. G., Stout, G. F., Bosanquet B., Alexander S. Symposium: Is Mind Synonymous with Consciousness? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1887—1888. Vol. 1. P. 5—33;

Hodgson S. H. Presidential Address: What Is Logic? Proceedings of the Aristotelian Society. 1888—1889. Vol. 1. №3. P. 1—31;

новление». См. Прощальный сонет реке Даддон (Пер. В. Левика) // Ворсдворт У. Избранная лирика. М., 2001. На английском языке с параллельным русским текстом.

⁶ Дословно — «форма остается, функция никогда не умирает», в оригинале «Still glides the Stream, and shall for ever glide; *The Form remains, the Function never dies*» (курсив мой — Ю.Р.). В переводе В. Левика звучит «Ты катишь воды, вечный, озорной; Даруешь вечно жизнь и обновление». См. Прощальный сонет реке Даддон (Пер. В. Левика) // Ворсдворт У. Избранная лирика. М., 2001. На английском языке с параллельным русским текстом.

Hodgson S. H. Universals in Logic // Proceedings of the Aristotelian Society. 1889—1890. Vol. 1. №3. P. 82—91;

Hodgson S. H. Common-Sense Philosophies // Proceedings of the Aristotelian Society. 1889—1890. Vol. 2. P. 5—28;

Hodgson S. H. Presidential Address. The Laws of Association // Proceedings of the Aristotelian Society. 1890—1891. Vol. 4. P. 1—21;

Hodgson S. H. Presidential Address. Matter // Proceedings of the Aristotelian Society. 1891—1892. Vol. 1. P. 3—25;

Hodgson S. H. The Philosophical Pons // Proceedings of the Aristotelian Society. 1891—1892. Vol. 1. P. 51—65;

Hodgson S. H., Bosanquet B., Ritchie D. G. Symposium. Origin of the Perception of an External World // Proceedings of the Aristotelian Society. 1891—1892. Vol. 1. P. 26—43;

Hodgson S. H. Presidential Address. Mind // Proceedings of the Aristotelian Society. 1892—1893. Vol. 2. P. 1—20;

Hodgson S. H. Presidential Address. The Conception of Infinity // Proceedings of the Aristotelian Society. 1892—1893. Vol. 3. P. 1—19;

Hodgson S. H. Time-Measurement in Its Bearing on Philosophy // Proceedings of the Aristotelian Society. 1892—1893. Vol. 2. P. 77—91;

Hodgson S. H. The Conceptions of Cause and Real Condition // Proceedings of the Aristotelian Society. 1900—1901. Vol. 1. №1. P. 45—56;

Hodgson S. H. The Conscious Being // Proceedings of the Aristotelian Society. 1900—1901. Vol. 1. №1. P. 220—226;

Hodgson S. H. The Substance-Attribute Conception in Philosophy // Proceedings of the Aristotelian Society. 1900—1901. Vol. 1. №1. P. 90—102;

Bryant Mrs Sophie, Hodgson S. H., Benecke E. C. The Relation of Mathematics to General Formal Logic [with

Discussion] // Proceedings of the Aristotelian Society. 1901—1902. Vol. 2. P. 105—143;

Hodgson S. H. Time, Necessity, Law, Freedom, Final Cause, Design in Nature // Proceedings of the Aristotelian Society. 1902—1903. Vol. 3. №1. P. 47—79;

Hodgson S. H. Method in Philosophy // Proceedings of the Aristotelian Society. 1903—1904. Vol. 4. №1. P. 1—15;

Hodgson S. H. Reality // Proceedings of the Aristotelian Society. 1903—1904. Vol. 4. P. 53—86;

Hodgson S. H. Teleology // Proceedings of the Aristotelian Society. 1905—1906. Vol. 6. P. 35—67;

Hodgson S. H. Fact, Idea, and Emotion // Proceedings of the Aristotelian Society. 1906—1907. Vol. 7. №1. P. 112—157;

Hodgson S. H. The Idea of Totality // Proceedings of the Aristotelian Society. 1907—1908. Vol. 8. P. 95—114;

Hodgson S. H. On Mr. S. Waterlow's Paper // Proceedings of the Aristotelian Society. 1909—1910. Vol. 10. №1. P. 189—190.

Монографии

Hodgson S. H. Space and Time. Longman, Green et al., 1865;

Hodgson S. H. Philosophy of Reflection. London: Longmans, Green and Co. 1878;

Hinton J., Hodgson S. H. Chapters on the Art of Thinking. And Other Essays. C.K. Paul & Co., 1879;

Hodgson S. Metaphysic of Experience. Vol. 1—4. London, 1898.

1.2. Философия здравого смысла Джорджа Фредерика Стаута

Джордж Фредерик Стаут был президентом Аристотелевского общества дважды — в 1899–1904 гг. и 1938–1939 гг. В известной книге Дж. Пассмора¹ для первого президента общества Ш. Ходжсона нашлось совсем немного места, а его упоминание было ограничено всего одним комментарием. Что касается Дж. Ф. Стаута, то в главе восьмой под названием «Движение к объективности» ему уделена значительная заключительная часть, как и множество иных упоминаний. В качестве довольно сильного утверждения звучит и такое: «одновременно с работой над „Аналитической психологией“ Стаут преподавал философию Муру и Расселу. И во многих отношениях их философия продолжает философию Стаута»². Из крупных и новых исследований о Дж. Ф. Стауте можно выделить «Дж. Ф. Стаут и психологические истоки аналитической философии» Марии ван дер Сар и «Множественность и непрерывность: исследование теории универсалий Дж. Ф. Стаута» Дэвида Серджента³.

В ранние годы учителями Дж. Ф. Стаута были Генри Сиджвик (обучавшийся в свое время у Р. Лотце) и Джеймс Уорд. В конце XIX в. им читались лекции Дж. Э. Муру и Б. Расселу. Как указывает М. ван дер Сар «книги, которые Мур рекомендовал своим студентам,

¹ Пассмор Дж. Сто лет философии. М., 1998.

² Там же. С. 104.

³ Van der Schaar M. G.F. Stout and the Psychological Origins of Analytic Philosophy. Palgrave MacMillan. 2013; Seargent, D. A.J., Plurality and Continuity An Essay in G.F. Stout's Theory of Universals. The Hague: Martinus Nijhoff, 1985.

будучи лектором, были «Аналитическая психология» (1896) и «Руководство по психологии» (1898)»¹. К слову, на данные работы обширные обзоры в те же годы написали Т. Липпс и А. Пфендер. Поэтому неудивительно, что его имя более известно, чем имена других его предшественников. Дж. Ф. Стаут долгое время был редактором журнала *Mind*, и судя по всему его мнение пользовалось значительным авторитетом. Б. Рассел несколько раз упоминает Дж. Ф. Стаута в автобиографии. В частности, говоря о конце XIX — начале XX вв., Б. Рассел пишет: «Тогда я уже начал всплывать из купели немецкого идеализма, в которую меня окунули МакТаггарт и Стаут»². В письме У. О. Куайну от 4 февраля 1949 г. Бертран Рассел сетовал, что когда он в свое время отправил в *Mind* свою статью «Об обозначении», Дж. Ф. Стаут, будучи редактором, «считал ее таким откровенным вздором, что почти отказался ее печатать»³.

¹ Van der Schaar M. G.F. Stout and the Psychological Origins of Analytic Philosophy. P. 5.

² The Autobiography of Bertrand Russell 1872—1914. An Atlantic Mounthly Press Book. Little, Brown and Company, Boston-Toronto. 1967. P. 198—199. Фигура Дж. Э. МакТаггарта в негативном ключе упоминается в переписке между Б. Расселом и Дж. Уардом от 3 сентября 1916 г. и посвящена конфликту между Дж. Э. МакТаггартом и Б. Расселом. Пацифизм Рассела в годы Первой Мировой войны встретил у Дж. Э. МакТаггарта острое неприятие и Дж. Уард писал для поддержки Б. Расселу: «я удивлен и огорчен, увидев как тебя затравили и преследуют <...> Неужели они боятся, что ты улизнешь в Америку или какой-то бешеный фанатик пытается убедить их, что ты — как называют нас МакТаггарты — про-германец?». См.: The Autobiography of Bertrand Russell 1914—1944. An Atlantic Mounthly Press Book. Little, Brown and Company, Boston-Toronto. 1968. P. 88—89.

Аласдер Уркхарт⁴ более подробно разбирает эту историю и обстоятельства, которые этому сопутствовали. В конце статьи А. Уркхартом напечатано чудом уцелевшее письмо Дж. Ф. Стаута Б. Расселу. На самом деле, достаточно сложно реконструировать однозначно позицию Дж. Ф. Стаута, поскольку письмо датируется 1903 г., а статья «Об обозначении» Б. Рассела появилась в журнале *Mind* в 1905 г. и написана крайне запутанным языком. Судя по всему и Дж. Ф. Стаут это осознает, извиняясь в конце письма за его страстный пыл. В целом А. Уркхарт достаточно негативно характеризует критику Дж. Ф. Стаута, говоря, в частности: «бессвязные и странненькие комментарии Стаута образуют абсолютный контраст с пронизательными замечаниями Мура»⁵. Даже после нескольких чтений сложно понять, что Стаут называет своей «позицией». Поэтому легко понять, что Рассел, вполне возможно был в 1905 г. раздражен бесполой и упорной критикой Стаута»⁶.

³ *The Autobiography of Bertrand Russell (1944–1969)*. Simon and Schuster. New York, 1969. P. 49.

⁴ Urquhart A. G. F. Stout and the Theory of Descriptions // *Russell: The Journal of Bertrand Russell Archives*. 1994. Vol. 14. №2. P. 163–171.

⁵ Для иллюстрации пронизательных замечаний Дж. Э. Мура приводится, например, такое — «я очень заинтересовался твоей статьей в „Mind“ и в итоге принял основные заключения (если я их понимаю), хотя сначала я был твердо против одного из них. Вот что я хотел, чтобы мне объяснили. „Все эти конститuentы пропозиций, что мы постигаем суть сущности, с которыми мы имеем дело при непосредственном знакомстве“. Имеем ли мы, таким образом, непосредственное знакомство с переменной? Какого вида эта сущность?». Cit. Urquhart A. G. F. Stout and the Theory of Descriptions. P. 167.

Ч. Брод, бывший в свое время ассистентом Стаута в Сент-Эдрусском университете в Шотландии, в журнале *Mind* опубликовал очерк о Дж. Ф. Стауте через год после его смерти. В нем он указывает, что Дж. Ф. Стаут был «человеком ярчайшей внешности, чуть ниже среднего роста, со смуглой кожей, жесткой копной черных волос и темными птичьими глазами. Он был ужасно глух <...> Глухота Стаута и его друга и современника Александра иногда выглядела странно избирательной. Было занятно наблюдать и замечать, что когда два философа встретились и вступили в дискуссию, с каким трудом каждый находит сильные пункты оппонента и с какой легкостью замечает слабые».⁷ Глухота в свое время помешала Дж. Ф. Стауту продуктивно пообщаться с Э. Гуссерлем в Кембридже, когда присутствовал там в 1922 г. М. ван дер Сар пишет, что «так как Стаут плохо слышал, он не мог понять Гуссерля, а Гуссерль не мог понять его английского»⁸. Тем не менее, в 1933 г. он отправил на стажировку к Э. Гуссерлю и О. Финку одного из своих студентов. В 1939 г. Дж. Ф. Стаут переехал в Австралию, где стал общаться с Джоном Пассмором и принял активное участие в местном философском сообществе.

Будучи президентом Общества, Дж. Ф. Стаут опубликовал два доклада — «Материальная вещь в представлении здравого смысла» в 1900 г. и «Феноменализм» в 1938 г.⁹ Между двумя докладами прошло почти 40 лет. Если в начале XX в. основные дискуссии Дж. Ф. Стаута проводились с Ш. Ходжсоном, то в 30-е гг. XX в. вернул-

⁶ Urquhart A. G. F. Stout and the Theory of Descriptions. P. 168.

⁷ Broad C. D. Professor G. F. Stout (1860–1944) // *Mind*. 1945. Vol. LIV. №215. P. 285.

⁸ Van der Schaar M.G.F. Stout and the Psychological Origins of Analytic Philosophy. P.6.

ся из Вены А. Дж. Айер, ставший одним из проводников идей логического позитивизма. Известно, что А. Дж. Айер опубликовал книгу «Язык, истина и логика» после знакомства в Вене с идеями логического позитивизма Венского кружка. Именно А. Дж. Айер в Оксфорде активно распространял идеи логического позитивизма. В 40-е гг. XX в. между А. Дж. Айером и Дж. Л. Остином началась острая дискуссия по вопросу так называемых «чувственных данных». В исследовательской литературе указывается даже то, что возвращение А. Дж. Айера из Вены «отчасти было связано с его желанием противостоять гегемонии Дж. Остина в Оксфорде»¹⁰. При этом Дж. Ф. Стаут не остался в стороне от дискуссий по феноменализму А. Дж. Айера, о чем и указывает Дж. Пассмор. Два доклада объединяет, в общем-то, одна проблема — это проблема материального объекта.

Доклад 1900 г. выполнен в духе эмпиристской традиции, восходящей еще к Т. Гоббсу, который одним из первых среди английских эмпириков пытался выявить сущностные характеристики вещи как таковой. Для Т. Гоббса философия — это признак естественного разума и она «врождена каждому человеку, ибо каждый в известной мере рассуждает о каких-нибудь вещах»¹¹, а «предметом философии, или материей, о которой она

⁹ См.: Stout G. F. Presidential Address: The Common-Sense Conception of a Material Thing // Proceedings of the Aristotelian Society. 1900—1901. Vol. 1. P. 1—17; Stout G. F. Phenomenalism: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society. 1938—1939. Vol. 39. P. 1—18.

¹⁰ McKinlay A. Performativity: From J.L. Austin to Judith Butler // The Leading Journal in the Field: Destabilizing Authority in the Social Sciences of Management. Peter Armstrong and Geoff Lightfoot (eds), 2010. P. 120.

трактует, является всякое тело, возникновение которого мы можем постичь посредством размышлений и которое мы можем в каком-либо отношении сравнивать с другими телами, иначе говоря, всякое тело, в котором происходит соединение и разделение, т. е. всякое тело, происхождение и свойства которого могут быть познаны нами», а где «следовательно, <...> нет ни возникновения, ни свойств, философии нечего делать»¹². Тема материальной вещи крайне актуальна для английского эмпиризма в целом и связана с возникающими проблемами скептического характера. Ведь если еще Ф. Бэкон указал на то, что наука не может заниматься целевыми или финальными причинами, то в отсутствии цели, к которой должно стремиться все сущее, существование этого сущего само ставится под вопрос. Если Бог в христианском понимании является гарантом как существования вещей, так и их познания, то он исключается из философской деятельности, и требуется найти, прежде всего, опытными средствами прочный фундамент для наших верований относительно внешнего мира. Насколько эта проблема решена в рамках эмпиристской методологии — это другой вопрос. И так или иначе обращение Дж. Ф. Стаута снова к этому вопросу почти через сорок лет в своем втором президентском послании «Феноменализм» обнажает его крайне проблемный характер.

Среди базовых интуиций здравого смысла относительно материальной вещи Дж. Ф. Стаут выделяет в первую очередь пространственную протяженность и временную длительность, и предлагает посмотреть

¹¹ Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 73.

¹² Там же. С. 79.

на материальную вещь в двух аспектах — статическом и динамическом. Говоря о пространстве, он подчеркивает его первостепенную роль для материальной вещи. Пространство не может составлять из себя просто набор чувственных качеств, так как существуют чувственные качества без видимой пространственной локализации. Звуки и запахи локализованы с точки зрения «здорового смысла», но в тоже время они локализованы не в смысле их места, а в смысле их источника. Сама материальная вещь — это комплекс видимых и осязаемых чувственных качеств, внутри которого находится центральное ядро, конституированное видимыми и осязаемыми качествами, имеющими пространственное протяжение и позицию. Эти качества пространственно совпадающие и сопротяженные. Иные же качества имеют случайный характер и связаны с изменениями в этом ядре, или связаны с тем, что оно меняет пространственное положение. При этом Дж. Ф. Стаут указывает, что его позиция в этом пункте сходится с позицией Дж. Ст. Милля, определявшего вещь как группу постоянных возможностей ощущения. Здесь миллевское определение заканчивается. Далее Дж. Ф. Стаут обращает внимание на то, что если мы говорим о материальных вещах, то мы говорим прежде всего об их границах, при этом то, что находится между ними, а именно граница, — невидима и не ощущаема. Также если речь идет о толщине, то ее ведь тоже, в некотором смысле нельзя назвать постоянной возможностью ощущения. Хотя «толщина бильярдного шара включает в себя ту же комплексную систему постоянной возможности ощущений. Тем не менее, сама толщина остается постоянной невозможностью ощущения».¹ Если бы поверхности могли бы образовывать сплошную толщину, то они бы не были поверхностями, поскольку поверхности ее иметь не могут. Поверхность представляет собой линию и границу, и не является самой частью вещи, подоб-

но тому как линия, образованная встречей двух поверхностей разного цвета, не является частью какой-либо из них. Непроницаемость толщины представляет собой также и взаимную исключительность. Вещи, обладающие толщиной, тем самым занимают каждая свое место в пространстве, что наиболее важно для идеи механической обусловленности. В этом смысле помимо того, что вещи — это группы постоянных возможностей восприятия, это также и непроницаемые друг для друга толщины, опосредованные границами.

Далее, говоря о статическом аспекте, стоит упомянуть о том, что вещь имеет, используя язык Дж. Локка, силы «активные» и «пассивные». Здесь речь идет о возможности вещи как претерпевать какие-то изменения, так и быть их причиной. Вещь может изменить позицию, свое положение относительно других вещей, плотность, прочность, толщину. Дж. Локк считал, что силы вещей могут быть источниками цветов, вкусов и запахов по отношению к нашему восприятию. Однако здравый смысл приписывает всё это самим вещам, а не к их способности вызывать в нас какие-то восприятия. «Белизна листа бумаги, лежащего передо мной, действительно принадлежит бумаге: белизна распростерта на ее поверхности, а не на поверхности моего мозга, или моей сетчатки, или моей души, или моего сознания. Это естественный взгляд здравого смысла, и я не могу не добавить, что здравый смысл кажется мне здесь верным. Безусловно, что здесь есть проблема, но вы не можете решить ее, сказав, что цвет — это состояние воспринимающего ума или организма, а не видимой вещи»².

¹ Stout G. F. Presidential Address: The Common-Sense Conception of a Material Thing. // Proceedings of the Aristotelian Society. 1899—1900. Vol. 1. P. 3—4.

Отличие одной вещи от другой связано, помимо границ, у Дж. Ф. Стаута с нашим прагматическим использованием языка. У нас есть определенные и фиксированные интересы и нужды, которым соответствует определенное употребление — хотя если мы с дистанции созерцаем просто дерево, то это одно, а когда вынуждены вскарабкаться по нему, другое. Наш интерес вычленяет те части дерева, либо дерева как такового и неопределенного (a tree), либо дерева (the tree), что мы наблюдаем. «Диваны, столы, собаки, лошади, деревья — это части материи, отделённые от их окружения и так сказать обилеченные (ticketing) отдельными артиклями соответственно текущему использованию языка <...> материальная вещь меняется или постоянна в зависимости от того, меняется или постоянен наш интерес»³. Внимание и интерес к вещи обусловлен ее формой, ведь без формы как границы, отличие одной от другой невозможно, то есть она должна иметь ограничительные поверхности, отграничивающие ее как от пространства, так и от других вещей. С тем условием, что здравый смысл, не рассматривает пространство как наполненное неким воздухом, то достаточно указать, что «любая часть материи, что полностью или частично отделена от других частей этим практически пустым пространством, может быть воспринята как отдельная вещь»⁴. Таким образом, говоря о статическом аспекте вещи, в качестве итога обнаруживаются одинаковые условия восприятия и представления, да и всякого возможного опыта материальной вещи. А именно то, что материальная вещь, чтобы быть представленной в воображении или быть воспринятой,

² Ibid. P. 5.

³ Ibid. P. 6.

⁴ Ibid P.7.

должна быть «либо отделенной промежуточным пустым пространством, либо, по крайней мере, отделенной от окружающей материи различием в чувственном качестве ее ограничивающих поверхностей»¹ и соответственно этому выделена определенным образом в языке.

По сути Дж. Ф. Стаут здесь, говоря о пространственных условиях восприятия и представлений, во многом следует И. Канту, но при этом указывает, что объективность, присущая материальным вещам, является частным случаем объективности как таковой. «Все, что мы можем воспринимать или мыслить, имеет свое собственное бытие и природу независимо от процессов, с помощью которых мы это познаем <...> $2+1=3$, действительность силлогизма Барбара, необходимость или произвольность переходов в логике Гегеля, симфония Бетховена, моральный закон — все это возможные объекты нашего познания, и все они, поскольку являются объектами, обладают собственным бытием и природой, независимо от того, думает ли кто-нибудь о них в действительности или нет. Но их независимое бытие и природа глубоко отличаются от природы материальных вещей <...> $2+1$ было равно 3 до того, как кто-то начал считать, и эта планета существовала до появления на ней жизни»². Поэтому, «когда мы говорим о возможности опыта, нам нужно очень осторожно объяснять какой вид опыта мы имеем в виду»³.

Вернемся к дальнейшим рассуждениям Дж. Ф. Стаута. Следующий аспект, интересующий его, — динамический аспект. Первое различие, проводимое им в связи с этим, это различие между изменением самой вещи

¹ Ibid. P.7.

² Ibid. P.8—9.

³ Ibid. P.10.

и изменением вещи для воспринимающего. Изменения вещей, связанные со сменой точки зрения воспринимающего, изменениями в собственном смысле не являются. «Когда кажется, что подобные изменения происходят независимо от нашего собственного активного движения или изменения положения, они рассматриваются как изменения в видимых вещах, но как изменяющиеся вещи воспринимаются в своем положении в пространстве или в своей форме и размере <...> Движение кончика пальца по столу в моем тактильном опыте не рассматривается как изменение в осязаемом качестве стола. Последовательность изменений во мне, а не в нем. Напротив, когда подобные изменения происходят, а мой палец неподвижен, то я осознаю, что сам стол движется или иным образом претерпевает изменения»¹. Вещь не подвержена изменению в случае свободного движения, изменению подвержен лишь ее вид, и наоборот, движение с сопротивлением, «когда мы толкаем, тянем или сжимаем ее, рассматривается как изменение самого материального объекта, а не только его внешнего вида для нас»².

В связи с этим, Дж. Ф. Стаут поднимает три вопроса: «(1) Какая связь между вещью и ее изменениями, которые позволяют нам сказать, что это изменение в этой вещи? (2) В какой момент изменение становится трансформацией, так что, претерпевая изменение, вещь теряет свою идентичность? (3) Когда вещь изменяется, что же на самом деле претерпевает изменения?».

Дж. Ф. Стаут отвечает на первый вопрос таким образом, что когда «мы приписываем изменение материальной вещи, то имеем в виду, что новое содержание

¹ Ibid. P.11.

² Ibid. P.12.

является новым состоянием этой вещи, которая ранее существовала в ином состоянии»¹. Отсюда у нас возникает следующий вариант дальнейших рассуждений. А именно то, что новое содержание должно вытеснять предшествующее, «прежнее специфическое определение», и будучи изменением «в некотором отношении — изменении позиции, формы, размера, цвета, текстуры, температуры, твердого вещества, сил активных, пассивных и так далее»², каждое последующее состояние или определение должно быть исключаяющим относительно предыдущего состояния. Тем самым изменения вещи включает в себя несовместимость альтернатив. При этом альтернативы должны быть непрерывно вытесняющими друг друга по времени.

По второму вопросу Дж. Ф. Стаут говорит, что только распад вещи позволяет потерять ее идентичность. Но с распадом вещи не все так просто и зависит от проявляемого к вещи наблюдателем интереса. Поскольку «материальная вещь может быть рассмотрена как подерживающая свою идентичность через изменения», то никакие трансформации неспособны привести к утере ее идентичности. Здесь он приводит пример, цитируя шекспировского «Гамлета»:

*«Истлевшим Цезарем от стужи
Задельвают дом снаружи.
Пред кем весь мир лежал в пыли,
Торчит затычком в щели.»*³.

Словами поэта может быть показано, что идентичность вещи может потеряться для нас, но не как таковая

¹ Ibid. P.13.

² Ibid. P.13

в собственном смысле. Поэтому мы трансформации одной и той же вещи можем рассматривать как потерю ее идентичности, но в онтологическом смысле — это одна и та же вещь. Как для биолога яйцо и курица — это стадии развития одной и той же вещи, то и «поэта интересует непрерывность перехода, посредством которого одно стало другим»⁴. Тем самым, потеря/сохранение идентичности вещи по отношению к той же самой вещи не противоречит здравому смыслу. Кусок глины может быть рассмотрен и как Цезарь и как сам кусок глины. «Нож, у которого несколько раз менялись лезвие и рукоять, оставался тем же самым ножом с точки зрения его владельца. Он имеет историю и через эту историю личный интерес, проявляемый к нему его обладателем, не прерывался. Для него это одна вещь на протяжении всех изменений. С другой стороны посторонний сказал бы, что было несколько разных ножей, а не один»⁵. Отсюда мгновенное разрушение вещи на части не рассматривается как мгновенная потеря ее идентичности, и все снова зависит от нашего интереса, как если мы рассматриваем части вазы как способные быть собранными вместе.

По третьему вопросу, «когда вещь изменяется, что же на самом деле претерпевает изменения?», Дж. Ф. Стаут рассуждает так. Для И. Канта познаваемый объект наследует характеристики процесса материального мира — независимое постоянство и изменение в последовательные моменты времени. Третий вопрос «возвращает к утверждению Канта о неизменных изменениях, что только неизменное изменяется. Кант гово-

³ Шекспир У. Гамлет, принц Датский. Пер. Б. Пастернака.

⁴ Stout G. F. Presidential Address: The Common-Sense Conception of a Material Thing. P.15.

⁵ Ibid. P.15.

рит, что последовательные состояния не меняются, а только сменяют друг друга».¹ Дж. Ф. Стаут видит утверждение о том, что изменению подвергается только лишь неизменное, бессмысленным. Мы можем говорить о состоянии вещи, пусть даже в незначительный период времени, как об изменяющейся. Иными словами, если есть длительность, то есть и состояние, отсюда возникает и изменение даже в незначительный период времени. Если же состояние мы пытаемся рассмотреть вне длительности, то никакого состояния вещи нет. «Только существует граница между непосредственно предшествующим и непосредственно следующим состоянием <...> Подобно тому, как поверхность есть место встречи двух твердых тел, так и мгновение времени есть только встреча предшествующей и последующей частей длительности»². Таким образом, критически рассматривая кантовские парадоксальные утверждения, Дж. Ф. Стаут, имплицитно утверждает трюизмы о «неизменности

¹ Ibid. P.16. Дословно у И. Канта: «На этом [понятии] устойчивости основывается также и правильное толкование понятия изменения. Возникновение и исчезновение не суть изменения того, что возникает и исчезает. Изменение есть способ существования, следующий за каким-либо другим способом существования того же самого предмета. Поэтому то, что изменяется, пребывает, и только его состояния сменяются. Так как эта смена относится только к определениям, которые могут исчезать или возникать, то мы можем высказать следующее положение, кажущееся несколько парадоксальным: только устойчивое (субстанция) изменяется; изменчивое подвергается не изменению, а только смене, состоящей в том, что некоторые определения исчезают, а другие возникают». См.: Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999. С. 209.

² Stout G. F. Presidential Address: The Common-Sense Conception of a Material Thing. P. 16—17.

неизменного» и «изменчивости изменчивого». Изменение предполагает качественную непрерывность: «В наше понятие вещи мы включаем все ее действительные изменения, прошлые и будущие, и все возможные изменения, которые она претерпела бы при различных условиях»¹. Мысленное постижение этих изменений зависит от нашего интереса к ней.

Итак, в качестве способа решения Дж. Ф. Стаут в докладе 1900 г. выбирает обращение к аргументам «здорового смысла». «Здравый смысл» у Дж. Ф. Стаута представляет собой вполне традиционную философскую модель, в которой редуцируется все случайное, а все внимание обращено к сущностным характеристикам опыта как такового. В общем и целом при таком подходе материальная вещь обнажена и очищена от своих эмпирических свойств, устранив которые мы сталкиваемся, если мы можем так выразиться, с ее *свойствами свойств*. Другой вопрос, каким путем мы приходим к этому результату. И если пытаться реконструировать мотивы и шаги Дж. Ф. Стаута, то можно предположить, что ими явилась экспликация определений «материальной вещи», обладающая следующими характеристиками: 1) экспликация должна быть обоснована обращением к «здоровому смыслу» — причем в его эмпирическом измерении, то есть эмпирических свойств вещи; 2) требуется, чтобы она не противоречила интуициям «здорового смысла», причем интуициям дофилософским и донаучным, а именно то, что эти *свойства* определенным образом лежат в основании эмпирических *свойств*, и тогда у нас должна быть возможность ее перепроверки; 3) чтобы переход от эмпирических свойств к *свойствам свойств* был очевиден и до-

¹ Ibid. P. 17.

стоверен в наших рассуждениях; 4) необходимо, чтобы эти интуиции выступили мерилом непротиворечивости и адекватности любой философской системы. Иногда в некоторых рассуждениях Дж. Ф. Стаута, на первый взгляд, можно обнаружить платонические мотивы, когда он говорит об объективности как таковой ($2+1=3$, силлогизм Барбара, симфония Бетховена), критикуя в некоторых местах философию И. Канта. Но скорее речь идет о самоочевидности того, что здравый смысл воспринимается как данное. Отчасти это похоже на «дотематическое» исследование вещей «жизненного мира» в поздней феноменологии, например там, где Дж. Ф. Стаут говорит о том, что пространство как одно из условий представления и восприятия материальной вещи для «здорового смысла» «не заполнено воздухом», имея скорее всего в виду, что пространство — это возможность для его *modus operandi*, а не для его *modus cogitandi*. Однако у Э. Гуссерля это генетически вытекало из его исследования сознания времени и феноменологического метода редукции. Тогда как у Дж. Ф. Стаута, напротив, изначальная философская наивность дает возможность задавать философии каверзные вопросы. Философы забывают, что сначала есть опыт, а потом уже его философское и научное истолкование. Собственно Дж. Э. Мур чуть позже, эпатуруя своим знаменитым «доказательством внешнего мира», наследует тенденции рассмотрения «здорового смысла» у Дж. Ф. Стаута. Ведь и у того и у другого, если отталкиваться от самоочевидности данного, «здравый смысл», выражаясь словами Е. Н. Сухановой, может быть понят в рамках определенной методической «презюмции невинности»¹. Пусть даже у Дж. Ф. Стаута внимание к языку факультативно в отличие от его ученика (а Дж. Э. Мура можно отнести с полным правом к философам языка, что явно нельзя сделать в отношении его учителя). Тем не менее принципиальное доверие к «доксическим» очевидно-

стям, отталкиваясь от которых философские взгляды предшественников проходят проверку на прочность, а не наоборот, когда изначальное сомнение в них дает в сухом остатке первопринципы философских спекуляций, позволяет судить о преемственности их подхода к «здоровому смыслу» в общем и широком ключе. Даже декорации, посмотреть на которые своих читателей приглашают британские философы здравого смысла — все эти узнаваемые столы с их поверхностями, по которым обязательно философ проводит пальцем; стулья, на которых они сидят в своей комнате; бильярдные шары, обязательнодвигающиеся по направлению друг к другу и иногда заменяемые эвфемизмом «твердых тел», а во втором докладе против феноменализма у Дж. Ф. Стаута это еще и виски, разбавленный водой², — как будто бы зовут нас поучаствовать в философском священнодействии, где

¹ «Во-первых, могли бы начать философствование с полного доверия ко всем ним (способностям, суждениям здравого смысла). Во-вторых, можно было бы с самого начала поставить их все под сомнение. В-третьих, мы могли бы отнестись с подозрением к некоторым из них, а остальные принять как надежные. Дж. Э. Мур и Т. Рид выбирают первую опцию, тем самым предлагая процедуру философского „судопроизводства“, в основании которой лежит презумпция невиновности: первопринципы или суждения здравого смысла считаются истинными („невиновными“), пока не будет доказано обратное <...> Напротив, Р. Декарт, Д. Юм и „некоторые другие философы“ (воображаемые оппоненты Дж. Э. Мура) предпочитают вести философскую тяжбу от априорного обвинения к установлению (если таковое возможно) законности притязаний здравого смысла на достоверность». Суханова Е. Н. Смысл «доказательства внешнего мира» Дж. Э. Мура // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. 2009. №3. С. 80.

несмотря на обыденность и банальность обстановки, мы не только ведем беседу с великими предшественниками, но и сомневаемся в их подлинном величии.

Публикации в журнале «Труды Аристотелевского общества»

Hodgson S. H., Ritchie D. G., Stout, G. F., Bosanquet B., Alexander S. Symposium: Is Mind Synonymous with Consciousness? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1887—1888. Vol. 1. P. 5—33;

Stout G. F. Symposium: Is the Distinction of Feeling, Cognition, and Conation Valid as an Ultimate Distinction of the Mental Functions? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1888—1889. Vol. 1. №. 3. P. 142—156;

Boutwood A., Blunt H., Stout G.F. Symposium: Does Our Knowledge or Perception of the Ego Admit of Being Analysed? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1889—1890. Vol. 1. №4. P. 28—39;

Sidgwick H., Muirhead J., Stout G., Alexander S. Symposium: Is the Distinction between «Is» and «Ought» Ultimate and Irreducible? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1890—1891. Vol. 2. №1. P. 88—107;

Stout G. A General Analysis of Presentations as a Preparatory to the Theory of Their Interaction // Proceedings of the Aristotelian Society. 1890—1891. Vol. 2. №1. P. 107—120;

Brough J., Ritchie D., Stout G.F. Symposium: Is Human Law the Basis of Morality, or Morality of Human Law? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1891—1892. Vol. 2. №2. P. 120—131;

² Stout G. F. Phenomenalism: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society. 1938. Vol. 39. P. 1—18.

Constance Jones E.E., Mann J., Stout G.F. Symposium: The Relation between Thought and Language // Proceedings of the Aristotelian Society. 1892—1893. Vol. 2. №3. P. 108—123;

Stout G.F. Relative Suggestion // Proceedings of the Aristotelian Society. 1893—1894. Vol. 3. №1. P. 61—89;

Carr H.W, Muirhead J., Stout G.F. Symposium: Is the Knowledge of Space A Priori? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1893—1894. Vol. 3. №1. P. 119—133;

Stout G.F., Bryant S., Muirhead J. Symposium: In What Sense, If Any, Is It True That Psychological States Are Extended? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1894—1895. Vol. 3. №2. P. 86—97;

Stout G. F. Presidential Address: The Common-Sense Conception of a Material Thing. // Proceedings of the Aristotelian Society. 1899—1900. Vol. 1. P. 1—17;

Stout G.F, Carr H., Hodgson S., Sturt H., Lindsay J. Alleged Self-Contradictions in the Concept of Relation: A Criticism of Mr. Bradley's «Appearance and Reality,» Pt. I, Ch. III [with Discussion] // Proceedings of the Aristotelian Society. 1900—1901. Vol. 2. P. 1—24;

Stout G.F. Mr. Bradley's Theory of Judgment // Proceedings of the Aristotelian Society. 1901—1902. Vol. 3. P. 1—28;

Stout G.F. Primary and Secondary Qualities // Proceedings of the Aristotelian Society. 1902—1903. Vol. 4. P. 141—160;

Stout G.F., Hicks G. Neo-Kantism as Represented by Dr. Dawes Hicks [with Reply] // Proceedings of the Aristotelian Society. 1904—1905. Vol. 6. P. 347—390;

Alexander S., Ward J., Read C., Stout G.F. The Nature of Mental Activity. A Symposium // Proceedings of the Aristotelian Society. 1906—1907. Vol. 8. P. 215—257;

Stout G.F. Are Presentations Mental or Physical? A Reply to Professor Alexander // Proceedings of the Aristotelian Society. 1907—1908. Vol. 9. P. 226—247;

Bosanquet B., Pringle-Pattison A., Stout G.F., Haldane L. Symposium: Do Finite Individuals Possess a Substantive or an Adjectival Mode of Being? // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes. 1917—1918. Vol. 1. P. 75—194;

Moore G., Stout G., Hicks G. Symposium: Are the Characteristics of Particular Things Universal or Particular? // Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes. 1922—1923. Vol. 3. P. 95—128;

Stout G.F. Appendix: Postscript to Paper on «The Nature of Introspection» // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes. 1926—1927. Vol. 7. P. 244—249;

Stout G.F. The Inaugural Address. Universals Again // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes. 1935—1936. Vol. 15. P. 1—15;

Stocks J., Stout G.F., Lamont W. Symposium: Can Philosophy Determine What Is Ethically or Socially Valuable? // Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes. 1935—1936. Vol. 15. P. 189—235;

Stout G.F. Phenomenalism: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society. 1938—1939. Vol. 39. P. 1—18.

1.3. Философия науки и метафизика Альфреда Норта Уайтхеда

Альфред Норт Уайтхед — британский математик и философ, известный своими работами в области математической логики и философии науки. Интеллектуальную биографию Уайтхеда принято делить на три основных периода. Первый соответствует времени его пребывания в Кембридже (1884 — 1910 гг.). В эти годы он работал в основном над вопросами математики и логики, как единолично, так и в сотрудничестве с Бертраном Расселом. Второй период (1910 — 1924 гг.) соответствует времени его нахождения в Лондоне. В эти годы Уайтхед сосредоточился в основном на вопросах физики, философии науки и философии образования. Третий основной период творческой активности примерно соответствует времени его работы в Гарвардском университете (с 1924 г.). Именно в это время выходят его наиболее значимые работы по проблемам метафизики, которые впоследствии определялись некоторыми исследователями как неореализм¹.

Жизненный и творческий путь

Сын англиканского священника, Альфред Норт Уайтхед родился 15 февраля 1861 г. в Рамсгейте (восточное побережье графства Кент, Англия). Получил домашнее начальное образование: отец, в частности, с 10-

¹ Например, с точки зрения С. Никоненко, Уайтхеда, наряду с Дж. Муром, Б. Расселом и Ч. Д. Броудом, следует относить к неореалистам. *Никоненко С. В.* Современная западная философия: учебное пособие. Санкт-Петербург, 2007. С. 142.

летнего возраста учил его древнегреческому и латинскому языкам. Как отмечает один из биографов Уайтхеда, кроме языков отец преподавал Альфреду в некотором объеме и математику, но в то время «не наблюдалось никаких признаков гения, которые он проявил позднее»¹. Среднее образование получил в школе в Шерборне (графство Дорсет), где его талант к математике был впервые замечен и оценен: ему было разрешено уделить этому предмету больше времени, отказавшись от сочинения и декламации латинских стихов. В 1880 г. Уайтхед начинает учебу в Тринити-колледже (Кембридж). В 1884 г. представил на конкурс диссертацию по теории электричества и магнетизма Дж. К. Максвелла, и выиграл конкурс, получив стипендию, позволившую ему преподавать математику в должности ассистента и некоторое время не беспокоиться о средствах на жизнь. В 1888 г. он получил должность лектора в Кембридже. В декабре 1890 г. Уайтхед женился, а уже через две недели начал работать над своим первым крупным математическим сочинением. Оно было опубликовано в 1898 г. под названием «Трактат об универсальной алгебре».

Уайтхед остается в Кембридже на должности старшего преподавателя до 1910 г., однако, не видя перспективы получить кафедру математики, переезжает в Лондон. В 1911 г. он назначен на должность лектора в Университетском колледже Лондона. С 1914 г. Уайтхед — профессор прикладной математики в Имперском колледже науки и технологий. С 1924 по 1937 гг. — профессор кафедры философии Гарвардского университета. 30 сентября

¹ Lowe V. Alfred North Whitehead: The Man and His Work, Vol. I: 1861–1910. Baltimore: The John Hopkins University Press. 1985. P. 23.

1947 г. Альфред Норт Уайтхед скончался в г. Кембридж (штат Массачусетс, США).

Следует отметить, что выдающиеся заслуги мыслителя не оставались без признания в течение его жизни. Так, Уайтхед был избран в Королевское общество в 1903 г., награжден медалью Сильвестра за физико-математические работы (1925 г.), занимал пост президента Аристотелевского общества с 1922 по 1923 г.; также он был избран членом Британской академии в 1931 г. В 1945 г. Уайтхед был награжден Орденом Почета. Многие известные университеты присвоили ему почетную степень доктора (Манчестер, Йель, Монреаль, Гарвард, Висконсин).

Помимо Рассела, Уайтхед оказал влияние на многих других впоследствии весьма известных учеников. Среди них математики Дж. Харди и Дж. Литтлвуд, физики Артур Эддингтон и Джеймс Джинс, экономист Дж. М. Кейнс, философы Нельсон Гудман и Уиллард ван Орман Куайн. Однако Уайтхед не сформировал собственной философской школы, и большинство его учеников впоследствии так или иначе дистанцировались от его взглядов. У аналитических философов широкого признания его идеи не нашли, чего нельзя сказать о специалистах в области теологии, которые восприняли, по крайней мере, его философию процесса¹.

Взгляды Уайтхеда на математику и физику

Первая крупная работа Уайтхеда — «Трактат об универсальной алгебре» 1898 г. Как писал сам автор, его цель состояла в том, чтобы «представить тщательное исследо-

¹ Hartshorne C. Whitehead in Historical Context // Charles Hartshorne & W. Creighton Peden. Whitehead's View of Reality. UK: Cambridge Scholar Publishing, 2010. P. 7–30.

вание различных систем символических рассуждений, связанных с обычной алгеброй... Основными примерами таких систем являются кватернионы Гамильтона, исчисление расширения Грассмана и символическая алгебра Буля»¹. Здесь же, в предисловии к «Трактату» Уайтхед излагает свои взгляды на природу математики и философию математики: «Математика в самом широком смысле — это развитие всех форм необходимых дедуктивных рассуждений. Рассуждения математики следует считать формальными в том отношении, что смысл предложений не является частью исследования. Идеал математики должен заключаться в построении исчисления для облегчения рассуждений в связи с каждым актом мысли или внешнего опыта, в котором последовательность мыслей или событий может быть определено установлена и точно сформулирована. Так что всякая серьезная мысль, которая не является философией, индуктивными рассуждениями или художественной литературой, должна стать математикой, развитой посредством исчисления»².

В 1890 г. в Кембридж поступил Бертран Рассел. Уайтхед, будучи тогда экзаменатором по математическим дисциплинам, отметил выдающиеся способности Рассела на вступительных экзаменах. Биографы предполагают, что сотрудничество двух ученых началось на рубеже 1900 — 1901 гг. Импульсом послужил Международный математический конгресс, на котором Уайтхед и Рассел узнали о работе Дж. Пеано об основах математики. Повидимому, дальнейшее изучение идей Пеано явилось поводом для их интенсивного общения, превратившегося в итоге в грандиозную попытку построить основания ма-

¹ *Whitehead A. N. A Treatise on Universal Algebra with Applications.* Cambridge: Cambridge University Press. 1898. P. 3—4.

² *Ibid.* P. 3—4.

тематики на базе формальной логики — труд, вошедший в историю как «Principia Mathematica» (первый том вышел в свет в 1910 г., второй — в 1912 г., третий — в 1913 г.). Параллельно Уайтхед публикует исследования по аксиомам проективной и начертательной геометрии, а также научно-популярную книгу «Введение в математику».

В своем сочинении Уайтхед и Рассел расширили символическую логику Пеано, чтобы иметь возможность работать со всеми типами отношений абстрактных объектов, которые изучают математики. Благодаря «Principia Mathematica» можно говорить о появлении новой символической логики классов и отношений, то есть математической логики в строгом смысле слова.

Это исследование Уайтхеда и Рассела, а также аналогичные проекты редукции математики к логике, в том числе более ранний проект Готтлоба Фреге, классифицируются как «логицизм»¹. Первоначально Уайтхед задумал проект логических оснований математики как усовершенствование и развитие своих алгебраических взглядов. Он видел в математической логике инструмент,

¹ Исследователи отмечают, что логицизм Рассела и Уайтхеда отличается, по крайней мере, в одном важном отношении от проекта Фреге. Фреге придерживался радикального универсализма и хотел, чтобы математическое содержание полностью определялось внутри логической системы. Рассел и Уайтхед, однако, заняли иную — умеренную позицию в продолжающихся дискуссиях среди математиков относительно основных характеристик предварительно «логизированных» разделов математики. Другими словами, в отличие от Фреге, Уайтхед и Рассел умерили свое стремление к универсализму, дабы привлечь во внимание предметную специфику различных математических разделов. *Gandon S. Russell's Unknown Logicism: A Study in the History and Philosophy of Mathematics*, London: Palgrave Macmillan, 2012.

которым математики руководствуются интуитивно, и вследствие этого не стремился заменить математическую интуицию логической строгостью. Так что открытие Расселом парадокса, названного впоследствии его именем, было меньшим ударом для Уайтхеда, чем для самого Рассела.

При этом даже после публикации трех томов, работа над *Principia* не казалась Уайтхеду завершенной. Он считал, что требовалось дополнительно выполнить и опубликовать логическую реконструкцию всех основных разделов геометрии. Однако четвертый том так и не вышел, но в ходе его подготовки Уайтхед несколько расширил логицистскую парадигму, перейдя с чистой математики на прикладную или, иначе говоря, с математики — на физику. Вначале он сосредоточился на геометрии пространства (его отправной точкой была интуиция пространственных объемов и вложенности одного объема в другой).

Специалисты отмечают, что существует сходство между геометрическими интуициями Уайтхеда и построением действительных чисел, выполненным Георгом Кантором, поскольку Уайтхед определил точки как классы эквивалентности сходящихся рядов объемов, а Кантор определил действительные числа как классы эквивалентности сходящихся рядов рациональных чисел¹. В 1911—1912 гг. интерес Уайтхеда сместился от логической реконструкции евклидова пространства классической физики к логической реконструкции пространства-времени Минковского в специальной теории относительности. Результаты этого исследования были

¹ См.: *Desmet R. Principia Mathematica Centenary // Process Studies. 2010. Vol. 39. 2. P. 225–263.*

изложены в книге «Концепция природы» 1920 г. Примечательно, что в этом труде Уайтхед также критикует общую теорию относительности. Если Эйнштейн объяснил движение свободной частицы в окрестности массивного искривлением пространства-времени, вызванным этой массой, то по Уайтхеду концепция случайно искривленного пространства-времени не согласуется с нашими методами измерения, поскольку последние основаны на существенном единообразии нашей пространственной и временной интуиции.

На подступах к метафизике: президентский доклад в Аристотелевском обществе

К началу 1920-х гг. в работах Уайтхеда формируются принципы его философского анализа науки и процесса научного познания. Главное методологическое требование, о котором он настойчиво заявляет, состоит в том, чтобы физические теории согласовывались с нашими интуитивными представлениями о взаимосвязанности природы. В связи с этим он критикует не только «научный материализм» И. Ньютона, но и «сенсуалистический эмпиризм» Д. Юма. В частности, президентский доклад, представленный вниманию Аристотелевского общества и подготовленный Уайтхедом в 1922 г. под названием «Единообразие и контингентность», посвящен решению вопроса, можем ли мы на основании единственного (изолированного, по Уайтхеду) опыта заключать о единообразном поведении объектов того типа, экземпляр которого встретился нам в данном опыте. Как видно, сама формулировка проблемы выполнена в духе юмовской философии, но ответ, который дает Уайтхед, расходится с воззрениями шотландского мыслителя.

Ошибка Юма, утверждает Уайтхед, заключается в том, что свойства природы он переносит на познающе-

го природу субъекта. В частности, если объекты рассматриваются как смежные в пространстве, а свойства объектов — как сходные, то это может свидетельствовать лишь о пространственно-временном характере самого материального мира. То есть сам мир так устроен, что в нем возможны и объемность тел как таковых, и соседство между объемными телами в пространстве. Но этот пространственно-временной характер или способ устройства природы не влечет за собой пространственно-временного характера нашего восприятия или мышления. Тому подтверждением служит математическое знание. Оно, как заявляет Уайтхед, лишено подобных характеристик. Если мы рассмотрим простейшую логическую форму, связывающую суждения в рамках познавательного процесса, то есть импликацию («если P , то Q »), то увидим, что никакого намека на пространственно-временные характеристики здесь нет: сознание воспринимает импликацию одномоментно. Если бы наше сознание, как и всё, нами осознаваемое, обладало процессуальностью, мы не могли бы приостановить усилием воли ни одно созерцание и ни одно рассуждение, то есть не могли бы перейти от «если P , то Q » к содержательно иной конструкции «если не- Q , то не- P », а без этих двух умственных конструкций невозможны и более сложные формы мышления. Коль скоро таково математическое знание, всё прочее знание от него в этом отношении не отличается.

Субъект в соответствии с данной концепцией способен разработать и использовать радикальную эмпирическую методологию, которая опирается на восприятие не только чувственных данных (цветов, звуков, запахов), но и множества естественных отношений между объектами, носящих скорее логический, нежели сенсуалистский характер. В частности, каждый из нас, говорит Уайтхед, способен отличать пространственно-временной континуум бодрствования от пространственно-времен-

ного континуума сна. Это было бы невозможно, будь само наше восприятие чем-то подвижным во времени — тогда один континуум просто наслаивался бы на другой, и разница была бы недоступна восприятию.

Все наше восприятие, утверждает Уайтхед, можно рассматривать как проецирование вещей в некий главный (доминирующий) пространственно-временной континуум, который мы чаще всего просто не воспринимаем. Мыслитель оставляет без ответа важный вопрос относительно того, возможно ли в принципе восприятие нами доминирующего континуума или в данном случае следует говорить о неустранимых ограничениях нашего сознания, не позволяющих судить о нем так же, как мы судим о каком-либо отдельном объекте. Если бы Уайтхед как-то намекнул в своем докладе на второй вариант ответа, можно было бы говорить о нем как стороннике трансцендентализма, что, кстати, выглядело бы обоснованно: если восприятие есть проекция некой «фигуры» (объекта) на некий «фон» (континуум пространства-времени), то воспринимать можно всё, кроме самого «фона», ибо его уже некуда проецировать. Но здесь открывается область мысленного достраивания взглядов философа до некой законченной картины, что может представлять интерес, но к истории вопроса относиться не может.

Факт воздействия вещи или тела на наши телесные способности описывается Уайтхедом как факт нахождения объекта в континууме. По-видимому, эти способности всегда функционируют должным образом, раз наше восприятие природы не имеет разрывов и не влечет за собой контринтуитивных утверждений. Называя эти способности «восприятием в режиме репрезентативной непосредственности» и «восприятием в режиме причинной эффективности», Уайтхед заявляет: мы можем считать, что пространство-время единообразно, так как любая его часть позволяет проецировать на себя вос-

принимаемые объекты независимо от любой другой части. Следовательно, по крайней мере не существует препятствий к тому, чтобы на основании экспериментальных данных заключать о единообразном поведении объектов того типа, экземпляр которого встретился нам в данном опыте. Однако, добавим мы уже от себя, если такое суждение не является невозможным, из этого не вытекает, что оно достаточно хорошо обосновано

По Уайтхеду не следует говорить о качественном дуализме природы. Первичные качества — это основные качества телесных субстанций, пространственно-временные отношения которых и составляют природу. Явления природы каким-то образом воспринимаются разумом, но разум, функционируя, также испытывает ощущения, которые являются умственными качествами (по происхождению). Эти ощущения проецируются разумом, чтобы найти для соответствующих тел место в пространственно-временном континууме. Таким образом, тела воспринимаются как обладающие качествами, которые в действительности им не принадлежат, качествами, которые на самом деле являются исключительно порождением ума. Другими словами, нет никакой разницы между первичными и вторичными качествами.

При этом Уайтхед недоволен редукцией Юмом многообразия восприятия к одному лишь чувственному восприятию. Он подчеркивает, что вся «взаимосвязанность природы», а не только ее причинная взаимосвязь, была «разрушена юношеским скептицизмом Юма»¹. Проблема состоит в том, что чувственное восприятие при всей его практической важности весьма поверхностно в рас-

¹ Whitehead A. N. Uniformity and Contingency: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society. 1922—1923. Vol. 23. №1. P. 13.

критики природы вещей, оно не дает нам всего того набора данных, с помощью которых мы его интерпретируем. Недостаточно анализировать воспринимаемые процессы, ссылаясь на процессуальность самого восприятия, необходимо всю природу рассматривать как множество деятельностей и процессов.

Аналогичные претензии, т.е. обвинение в поверхностном характере и бесплодности содержания, Уайтхед адресует ньютоновской концепции материи (хотя это уже выходит за пределы его президентского доклада).

Философия науки и метафизика

Критикой Ньютона и Юма Уайтхед не ограничился. Как уже говорилось выше, в 1920-е гг. он проявляет особый интерес к теории относительности, полемизирует с Эйнштейном (в том числе при личной встрече), пытается создать собственную теорию гравитации и космологию, а впоследствии и философию науки.

В основе этих представлений лежат некоторые метафизические принципы, от которых Уайтхед старался не отступать и в дальнейшем (хотя его взгляды, безусловно, усложнялись и эволюционировали). С его точки зрения, и картезианский дуализм, и монизм (оба его варианта — помещающий ум в материю и помещающий материю в ум) неудачны, так как реальное развитие науки с ними очень часто не согласуется — и чем дальше, тем чаще.

Нужна новая философская платформа. Таковой должна была стать философия процесса. Ее базовый постулат — невозможность разделения мира на объективный мир фактов (который изучается научными дисциплинами — от физики до биологии и психологии) и субъективный мир ценностей (эстетических, этических и религиозных).

Уайтхед выступает за гармонизацию абстракций науки с абстракциями искусства, морали и религии, а также за включение в познание конкретных интуиций, простирающихся от наших математических и физических интуиций к поэтической и мистической видам озарения. В итоге должна быть сформирована новая онтология, в терминах которой субъект мог бы понять и безжизненную природу и жизнь, равно как материю, разум, науку, религию.

Теория Уайтхеда утверждает, что не только наше восприятие, но и наш опыт в целом представляет собой поток элементарных процессов слияния многих чувств в одно. Процесс восприятия целостного объекта обусловлен не содержанием задействованных чувств (их фактичностью), а их субъективной формой (их оценкой). Каждая действительная сущность — это «пульсация опыта», а помимо переживаний субъектов нет ничего. Сознание предполагает опыт, а не опыт предполагает сознание.

Как отмечают комментаторы, онтология реляционных событий, разработанная Уайтхедом в его лондонский период творчества, могла бы служить для развития реляционной интерпретации квантовой механики, но оказалась невостребованной. По-видимому, это объясняется тем, что в работах Уайтхеда дискретная или атомарная природа событий, лежащих в основе абстракций непрерывного пространства-времени и непрерывных электромагнитных и гравитационных полей, никак не раскрывалась, хотя в его гарвардских трудах и появились некие таинственные «кванты энергии»¹.

Если в лондонских работах Уайтхед стремился логически реконструировать специальную и общую теории

¹ *Epperson M.* Quantum Mechanics and the Philosophy of Alfred North

относительности Эйнштейна, то в своих гарвардских трудах он анализировал детерминированное взаимодействие как абстрактный предел в некоторых обстоятельствах в рамках творческого взаимодействия, которое управляет становлением реальных сущностей. Мыслитель поясняет, что его понятие причинности включает в себя как детерминацию предшествующим миром (эффективную причинность прошлых актуальных событий), так и самоопределение (окончательную причинность актуальным событием в процессе становления).

Концепция самоопределения Уайтхеда не может быть отделена от его идеи о том, что каждая реальная сущность является элементарным процессом опыта, и, следовательно, она актуальна как на более низком уровне детерминистских физических взаимодействий, так и на более высоком уровне свободных человеческих отношений. Каждая действительная сущность представляет собой совокупность чувств предшествующего мира, которые имеют не только объективное содержание, но и субъективную форму, и поскольку это совпадение определяется не только объективным содержанием (тем, *что* ощущается), но и субъективной формой (по тому, *как* она ощущается), она определяется не только предшествующим миром, который ощущается, но и тем, *как* это чувствуется.

Согласно Уайтхеду, самоопределение порождает вероятностные законы науки, а также свободу человека. Мы не можем решить, каковы причины нашего настоящего момента опыта, но — до определенной степени — мы можем решить, как мы их принимаем во внимание. Другими словами, мы не можем изменить то, что с нами

происходит, но мы можем выбирать, как мы это воспринимаем. Поскольку наша внутренняя жизнь состоит не только из того, что мы чувствуем, но и из того, как мы чувствуем то, что мы чувствуем, Уайтхед утверждает, что внешнее принуждение и причинность не имеют решающего значения в нашей жизни.

Неудивительно поэтому, что Уайтхед завершает свою метафизику, вводя Бога (Часть V «Процесса и Реальности») как один из элементов для дальнейшего понимания самоопределения. Согласно Уайтхеду: «Бог — орган новизны» и порядка. Если не считать вмешательства Бога, в мире не могло быть ничего нового и ничего упорядоченного. «Телеология Вселенной направлена на производство Красоты»¹. Так философ переходит от физики к метафизике и последняя эволюционирует у него до состояния тонкого мистического переживания, лишь косвенно выразимого в категориях.

Публикации в журнале «Труды Аристотелевского общества»

Whitehead A. N. Space, Time, and Relativity // Proceedings of the Aristotelian Society. 1915—1916. Vol. 16. №1. P. 104—129, <https://doi.org/10.1093/aristotelian/16.1.104>;

Whitehead A. N. The Organisation of Thought // Proceedings of the Aristotelian Society. 1916—1917. Vol. 17. №1. P. 58—76, <https://doi.org/10.1093/aristotelian/17.1.58>;

Symposium: Time, Space, and Material: Are they, and If So in What Sense, The Ultimate Data of Science? (A.

¹ Whitehead A. N. Adventures of Ideas (1933). New York: Macmillan Company. Reprinted New York: The Free Press, 1967. P. 265.

N. Whitehead, Oliver Lodge, J. W. Nicholson, Henry Head, Adrian Stephen) // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1918–1919. Vol. 2. №1. P. 44–108 <https://doi.org/10.1093/aristoteliansupp/2.1.44>;

Discussion: The Idealistic Interpretation of Einstein's Theory (H. Wildon Carr, T. P. Nunn, A. N. Whitehead, Dorothy Winch) // Proceedings of the Aristotelian Society. 1921–1922. Vol. 22. №1. P. 123–138, <https://doi.org/10.1093/aristotelian/22.1.123>;

Whitehead A. N. The Philosophical Aspects of the Principle of Relativity // Proceedings of the Aristotelian Society. 1921–1922. Vol. 22. №1. P. 215–223, <https://doi.org/10.1093/aristotelian/22.1.215>;

Whitehead A. N. Uniformity and Contingency: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society. 1922–1923. Vol. 23. №1. P. 1–18, <https://doi.org/10.1093/aristotelian/23.1.1>;

Symposium: The Problem of Simultaneity: Is there a Paradox in the Principle of Relativity in Regard to the Relation of Time Measured to Time Lived? (H. Wildon Carr, R. A. Sampson, A. N. Whitehead) // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1922–1923. Vol. 3. №1. P. 15–41, <https://doi.org/10.1093/aristoteliansupp/3.1.15>.

Монографии

Whitehead A. N. A Treatise on Universal Algebra with Applications. Cambridge: Cambridge University Press, 1898;

Whitehead A. N. The Axioms of Projective Geometry. Cambridge: Cambridge University Press, 1906;

Whitehead A. N. Russell B. Principia Mathematica, 3 volumes. Cambridge: Cambridge University Press, 1910, 1912, 1913;

Whitehead A. N. An Introduction to Mathematics (1911). Oxford: Oxford University Press, 1958;

Whitehead A. N. *The Organisation of Thought: Educational and Scientific* (1917). London: Williams and Norgate. Reprinted Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1974;

Whitehead A. N. *An Enquiry Concerning the Principles of Natural Knowledge* (1919). Cambridge: Cambridge University Press. Reprinted New York: Dover Publications, 1982;

Whitehead A. N. *The Concept of Nature* (1920). Cambridge: Cambridge University Press, 1986;

Whitehead A. N. *The Principle of Relativity with Applications to Physical Science*, Cambridge: Cambridge University Press, 1922;

Whitehead A. N. *Science and the Modern World* (Lowell Institute Lectures 1925). Cambridge: Cambridge University Press. Reprinted New York: The Free Press, 1967;

Whitehead A. N. *Religion in the Making* (Lowell Institute Lectures 1926), New York: The Macmillan Company. Reprinted New York: Fordham University Press, 1996;

Whitehead A. N. *Symbolism: Its Meaning and Effect* (1927). New York: Macmillan. Reprinted New York: Fordham University Press, 1985;

Whitehead A. N. *The Aims of Education and Other Essays*. New York: The Macmillan Company, 1929;

Whitehead A. N. *The Function of Reason* (1929). Princeton: Princeton University Press. Reprinted Boston: Beacon Press, 1958;

Whitehead A. N. *Process and Reality* (Gifford Lectures 1927–1928), New York: Macmillan. Corrected edition, David Ray Griffin & Donald W. Sherburne (eds.), New York: The Free Press, 1985;

Whitehead A. N. *Adventures of Ideas* (1933). New York: Macmillan Company. Reprinted New York: The Free Press, 1967;

Whitehead A. N. Nature and Life (1934). Chicago: University of Chicago Press. Reprinted Cambridge: Cambridge University Press, 2011;

Whitehead A. N. Modes of Thought (1938). New York: Macmillan Company. Reprinted New York: The Free Press, 1968;

Whitehead A. N. Essays in Science and Philosophy (1947). New York: Philosophical Library. Reprinted Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1968;

Dialogues of Alfred North Whitehead, Lucien Price (ed.), Boston: Little Brown. Reprinted Westport, Connecticut: Greenwood Press, 1977;

Whitehead A. N. The Interpretation of Science, Selected Essays. A. H. Johnson, (ed.), New York: Bobbs-Merrill, 1961;

Whitehead A. N. The Harvard Lectures of Alfred North Whitehead 1924–1925: Philosophical Presuppositions of Science (The Edinburgh Critical Edition of the Complete Works of Alfred North Whitehead). Paul Bogaard & Jason Bell (eds.), Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017.

Публикации на русском языке

Уайтхед А. Н. Введение в математику. Пер. под ред. [и с предисл.] С. О. Майзель. Петроград: тип. Н. П. Зандман пр-ки, 1916. 232 с.;

Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. Пер. с англ., общ. ред. и вступ. ст. М. А. Кисселя. М.: Прогресс, 1990. 716 с.;

Уайтхед А. Н., Рассел Б. Основания математики: в 3 т. Пер. с англ. Ю. Н. Радаева, И. С. Фролова; под ред. Г. П. Ярового, Ю. Н. Радаева. Самара: Сам. ун-т, 2005. Т. 1. 721 с.; Т. 2. 2006. 737 с.; Т. 3. 2006. 459 с.;

Уайтхед А. Н. Приключения идей. Пер. с англ. Л. Б. Тумановой; Российская акад. наук, Ин-т философии. М.: ИФ РАН, 2009. 382 с.;

Уайтхед А. Н. Символизм, его смысл и воздействие.
Томск: Водолей, 1999. 63 с.

Глава 2

Аналитическая философия в истории Аристотелевского общества

2.1. Джордж Эдвард Мур: реализм, здоровый смысл и этика

*Если ты знаешь, что вот это рука,
то это потянет за собой и все прочее.*

*Людвиг Витгенштейн
(«О достоверности», §1)*

«Апостол» новой философии из Кембриджа

Джордж Эдвард Мур — самый яркий представитель британского неореализма. На протяжении первой половины XX в. он оставался несомненным лидером этого философского течения, органичным и плодотворным образом сочетавшего в себе элементы классического британского эмпиризма с новыми оригинальными инструментами концептуального анализа выражений обычного языка.

Мур родился в многодетной и довольно состоятельной семье, проживающей в юго-восточной части Лондона¹. Он получил превосходное классическое образование в престижном частном колледже Далвич (Dulwich College), в совершенстве владел греческим и латинским

¹ Отец — Дэниел Мур был потомственным врачом, который до переезда в Лондон имел обширную частную практику в небольшом британ-

языками, прекрасно говорил по-немецки, хотя за долгие годы своего школьного обучения почти не уделял внимания математике и естественным наукам². Для продолжения образования Мур выбрал Кембриджский университет (1892 г.), где познакомился со многими выдающимися молодыми британскими интеллектуалами (Бертраном Расселом, Джоном Кейнсом, Литтоном Стрейчи, Леонардом Вулфом и др.)³. На третий год обучения (1894 г.) под влиянием некоторых своих учителей (Джеймса Уорда, Джорджа Стаута, Джона МакТагарта) Мур приступает к интенсивным занятиям моральными науками и философией⁴.

ском городке Гастингс. Мать — Генриета Стёрдж принадлежала к известной в Южной Англии квакерской семье, члены которой активно занимались благотворительностью. Braitwaite R. V. George Edward Moore 1873–1958 // G. E. Moore: Essays in Retrospect. Eds. A. Ambrose, M. Lazerowitz. London: Routledge, 1970. P. 17; Baldwin T., Preti C. Editors' Introduction // G. E. Moore: Early Philosophical Writings. Eds. T. Baldwin, C. Preti. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 14.

² Moore G. E. An Autobiography // The Philosophy of G. E. Moore. Ed. P. A. Schilpp. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1942. P. 5–6. Позднее, уже будучи лектором Тринити-колледжа, Мур на протяжении нескольких семестров (1911–1913 гг.) посещает лекции Рассела по основаниям математики.

³ На второй год своего пребывания в Кембридже (1893–1894 гг.) Мур вступает в знаменитый дискуссионный клуб «Апостолы» (The Apostles), который считался неформальным центром студенческой жизни. Braitwaite R. V. George Edward Moore 1873–1958 // G. E. Moore: Essays in Retrospect / Eds. A. Ambrose, M. Lazerowitz. London: Routledge, 1970. P. 19; Baldwin T., Preti C. Editors' Introduction // G. E. Moore: Early Philosophical Writings. Eds. T. Baldwin, C. Preti. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 15–16. Подробнее об этом также см.: Levy P. G. E. Moore and the Cambridge Apostles. London: Weidenfeld and Nicolson, 1979.

Благодаря исследовательской стипендии Тринити-колледжа (1896 г.), он получает возможность работать над своей диссертацией⁵ (1897—1898 гг.), после защиты которой заключает новый шестилетний исследовательский контракт (1898—1904 гг.). На протяжении нескольких лет Мур публикует целый ряд исследований⁶ и в их числе некоторые свои наиболее знаменитые работы⁷, ставшие драйверами глобальной философской революции, постепенно охватившей все ведущие британские университеты, и подгото-

⁴ Moore G. E. *An Autobiography* // *The Philosophy of G. E. Moore* / Ed. P. A. Schilpp. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1942. P. 18–20; Baldwin T., Preti C. Editors' Introduction // *G. E. Moore: Early Philosophical Writings*. Eds. T. Baldwin, C. Preti. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 16–17; Hurka T. *British Ethical Theorists from Sidgwick to Ewing*. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 14–15.

⁵ Часть этого исследования Мура была опубликована в виде отдельной статьи в журнале *Mind*. Moore G. E. *Freedom* // *Mind*. 1898. Vol. 7. №26. P. 179–204. Полностью же оно было издано только полвека спустя после его смерти. Moore G. E. *The 1897 Dissertation: The Metaphysical Basis of Ethics* // *G. E. Moore: Early Philosophical Writings* / Eds. T. Baldwin, C. Preti. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 1–94.

⁶ Довольно символично, что первая официальная публикация Мура, посвященная проблемам существования прошлого и будущего времени, была подготовлена как доклад на симпозиуме Аристотелевского общества, президентом которого он впоследствии стал в 1918—1919 гг. Издана же она была в журнале *Mind*, которым он руководил на протяжении многих лет с 1921 по 1947 гг. Moore G. E. In *What Sense, If Any, Do Past and Future Time Exist?* // *Mind*. 1987. Vol. 6. №. 2. P. 235–240.

⁷ Речь идет, прежде всего, о статьях «*The Nature of Judgment*» («Природа суждения») и «*The Refutation of Idealism*» («Опровержение идеализма»), а также о книге *Principia Ethica*. Moore G. E. *The Nature of Judgment* // *Mind*. 1899. Vol. 8. №. 2. P. 176–193; Moore G. E. *The*

вившей академическую почву Англии для возникновения одной из самых влиятельных современных философских традиций — аналитической философии⁸. После окончания контракта он покидает Кембридж⁹, чтобы спустя восемь лет вернуться в стены родного университета¹⁰ в 1911 г.. В интеллектуальной жизни Кембриджа Мур принимает самое активное участие, он занимает пост секретаря

Refutation of Idealism // *Mind*. 1903. Vol. 12. №4. P. 433–453; Moore G. E. *Principia Ethica*. Cambridge: Cambridge University Press, 1903.

⁸ Наряду с другими великими философскими фигурами — Готлобом Фреге, Бертраном Расселом, Людвигом Витгенштейном, — его считают одним из отцов-основателей современной аналитической философии. Nagel E. *Impressions and Appraisals of Analytic Philosophy in Europe*. I // *The Journal of Philosophy*. 1936. Vol. 33. №. 1. P. 10; Кюнг Г. *Онтология и логический анализ языка*. М.: ДИК, 1999. С. 49–50; Raatikainen P. *What Was Analytic Philosophy?* // *Journal for the History of Analytical Philosophy*. 2013. Vol. 2. №. 2. P. 21. Сравним с этим также: Baldwin T. *Moore's Rejection of Idealism* // *Philosophy in History: Essays on the Historiography of Philosophy*. Eds. R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 358. Однако сравним и с этим: Bell D. *The Revolution of Moore and Russell: A Very British Coup?* // *Royal Institute of Philosophy Supplement*. 1999. Vol. 44. P. 193–209.

⁹ Первоначально Мур поселился в доме своих друзей в Эдинбурге — столице Шотландии (1904–1908 гг.), а затем переехал жить к двум своим сестрам в небольшой провинциальный городок Ричмонд в графстве Суррей. Braitwaite R. B. *George Edward Moore 1873–1958* // *G. E. Moore: Essays in Retrospect*. Eds. A. Ambrose, M. Lazerowitz. London: Routledge, 1970. P. 21; Baldwin T. *G. E. Moore*. London: Routledge, 1999. P. 145; Baldwin T., Preti C. *Editors' Introduction* // *G. E. Moore: Early Philosophical Writings*. Eds. T. Baldwin, C. Preti. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 22.

ря и председателя совета факультетов моральных наук, становится членом Генерального совета факультетов (1933—1936 гг.), присутствует на еженедельных заседаниях знаменитого Кембриджского Клуба моральных наук. В этот период своей жизни он также много времени уделяет работе в должности главного редактора *Mind*, который под его руководством (1921—1947 гг.) становится ведущим британским философским журналом¹¹. После своей отставки с должности штатного профессора в 1939 г. Мур получает звание почетного профессора философии Кембриджского университета и сохраняет свое членство в Тринити-колледже. По приглашению своих бывших учеников Элис Эмброуз и Морриса Лазеровица он отправляется в США, где продолжительное время в 1940—1944 гг. занимается преподаванием в качестве приглашенного профессора во многих американских университетах¹², в частности в Смит-Колледже в Массачусетсе, Принстонском университете, Калифорнийском университете в Беркли, Суортмор-Колледже в Пенсильвании, Колумбийском университете и др.¹³. Авторитет и признание, ко-

¹⁰ Преподавательскую карьеру Мур начинает как лектор по моральным наукам, после же отставки одного из своих бывших учителей — Джеймса Уорда (1925 г.), он занимает освободившееся место профессора философии психологии и логики (the Professorship of Mental Philosophy and Logic). Braitwaite R. B. George Edward Moore 1873—1958 // G. E. Moore: Essays in Retrospect. P. 24, 31.

¹¹ Подробнее об этом см.: Levy C. *Mind under G. E. Moore (1921—1947)* // *Mind*. 1976. Vol. 85. №. 337. P. 37—46. Также см.: Braitwaite R. B. George Edward Moore 1873—1958 // G. E. Moore: Essays in Retrospect. P. 31.

¹² По свидетельствам современников лекции Мура пользовались большим успехом среди молодых американских философов. Например, см.: White M. *Memories of G. E. Moore* // *The Journal of Philosophy*. 1960. Vol. 57. №. 26. P. 806—807.

торами Мур заслуженно пользовался в мировом философском сообществе, не остались незамеченными и на родине: он был избран членом Британской академии (1918 г.), а также награжден орденом «За заслуги» (1951 г.) — высшей наградой Британской Империи.

Реализм и защита здравого смысла

По мнению Мура, главной задачей философского исследования должны стать поиски такого общего описания мира, где были бы перечислены все важные для нас виды вещей, о существовании которых мы *достоверно* знаем, а вместе с этим и анализ способов, которыми эти различные виды вещей связаны между собой¹⁴. Для достижения данной цели он предлагает использовать особый исследовательский инструмент — *концептуальный анализ*, где *здравый смысл* и значение выражений *обыденного языка* играют важную критериальную роль, обеспечивая условия для понимания и сопоставления различных пропозиций, с помощью которых мы обычно выражаем свои знания о мире и самих себе¹⁵. Мур предпочитает анализировать такие формы знания, источником которых является повседневный опыт¹⁶. Он не ставит перед собой задачи логического

¹³ Braitwaite R. B. George Edward Moore 1873–1958 // G. E. Moore: Essays in Retrospect. P. 32–33.

¹⁴ Например, см.: Moore G. E. Some Main Problems of Philosophy. London: George Allen & Unwin Ltd., 1953. P. 1.

¹⁵ По мнению Нормана Малкольма, «суть предложенной Муром техники опровержения философских высказываний состоит в выявлении их противоречия обыденному языку». Малкольм Н. Мур и обыденный язык // Аналитическая философия: Избранные тексты. Ред. А. Ф. Грязнов. М.: МГУ, 1993. С. 87. Сравним с этим: Lazerowitz

структурирования объектов нашего опыта, а напротив, стремится посредством анализа разложить их на такие составляющие, которые были бы *соразмерны* основаным на здравом смысле интуициям¹⁷. Именно поэтому выражения обыденного языка рассматриваются как основное средство проникновения в здравый смысл и присущие ему интуиции, связанные с нашим восприятием объектов внешнего мира¹⁸. Мур в своих работах детально исследует реальное употребление различных выражений обыденного языка и в особенности то, на-

M. Moore and Linguistic Philosophy // G. E. Moore: Essays in Retrospect. P. 107. Также см.: Малкольм Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения «Я знаю» // *Философия, логика, язык* / Ред. Д. П. Горского, В. В. Петрова. М., 1987. С. 250. Согласно базовым принципам концептуального анализа, любое философское утверждение, которое грубо нарушает нормы употребления обыденного языка, является ложным и в качестве такового должно быть нами отброшено. Сравним с этим: Малкольм Н. Мур и обыденный язык // *Аналитическая философия: Избранные тексты*. С. 99.

¹⁶ Сравним с этим: *Хилл Т. И.* Современные теории познания. М., 1965. С. 167. *Никоненко С. В.* Английская философия XX века. СПб, 2003. С. 207.

¹⁷ Мур, в частности, открыто признается в том, что он является «одним из тех философов, которые считают „мировоззрение здравого смысла“ в основных его чертах полностью истинным». Мур Дж. Э. Защита здравого смысла // *Аналитическая философия: Становление и развитие (антология)* / Ред. А. Ф. Грязнов. М.: ДИК, Прогресс-Традиция, 1998. С. 140. Также см.: Ambrose A. Three Aspects of Moore's Philosophy // *The Journal of Philosophy*. 1960. Vol. 57. №. 26. P. 816–8174 Ambrose A. The Defense of Common Sense // *Philosophical Investigations*. 1978. Vol. 1. №3. P. 1–13.

¹⁸ Среди представителей новой британской философии Мур стал одним из первых, кто обратился к обыденному языку как основному

сколько это употребление соответствует интуициям здравого смысла.

Для практики концептуального анализа характерно пристальное внимание к самым тонким нюансам употребления языковых выражений, так как в основе этого метода лежат техники и приемы перевода (перефразировки) высказываний обыденного языка в более ясные формы¹⁹. Прибегая к помощи соответствующих парфраз, мы осуществляем перевод одних имеющих неясный смысл языковых выражений обыденного языка в другие — более ясные и очевидные с позиций здравого смысла. При этом все участвующие в таком переводе (парафразировании) языковые выражения должны на всем протяжении нашего анализа сохранять *синонимичное* значение²⁰. Результаты концептуального анализа выражают так называемые «пропозиции здравого смысла» (commonsense propositions), — нечто, что уже не допуска-

инструменту философского исследования. Именно в обыденном языке он видел не только источник традиционных философских заблуждений, но и естественное воплощение здравого смысла. Ср. с этим: Lazerowitz M. Moore's Commonplace Book // G. E. Moore: Essays in Retrospect. P. 54. Малкольм Н. Мур и обыденный язык // Аналитическая философия: Избранные тексты. С. 98–99. Грязнов А. Ф. Аналитическая философия. М., 2006. С. 48–49, 51.

¹⁹ Сравним с этим: Lazerowitz M. Moore and Linguistic Philosophy // G. E. Moore: Essays in Retrospect. P. 106–107; Малкольм Н. Мур и обыденный язык // Аналитическая философия: Избранные тексты. С. 98. Грязнов А. Ф. Аналитическая философия. С. 49. Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка. С. 50.

²⁰ Например, в одном из своих ранних исследований, статье «Опровержение идеализма», Мур активно использует приемы концептуального анализа для опровержения идеалистического утверждения «esse est percipi» (существовать, значит быть воспринимаемым).

ет своего дальнейшего перевода в более ясные формы. Особенность этих пропозиций заключается в том, что мы не просто принимаем их на веру, но и непосредственно знаем, что содержащиеся в них трюизмы здравого смысла²¹ непременно должны быть истинными (например, что я обладаю телом с руками и ногами, что мир существовал задолго до моего появления, что в этом мире есть другие люди, обладающие телами с руками и нога-

Moore G. E. The Refutation of Idealism // *Mind*. 1903. Vol. 12. №. 48. P. 433–453. По мнению Мура, принимать это высказывание за реальное определение, значит признавать, что обе его части («существовать» и «восприниматься») должны быть синонимами. Однако, как считает Мур, неверно было бы думать, что обе части этого высказывания синонимичны, ведь в противном случае, само это утверждение стало бы излишним (подобно тому, как было бы совершенно бессмысленно утверждать, что «холостяк — это холостяк»). Тот факт, что сторонники идеализма испытывают потребность в утверждении самого этого тезиса, неопровержимо свидетельствует о том, что в действительности есть серьёзное различие в значениях таких выражений обыденного языка, как «быть» и «восприниматься», а стало быть, — и существенная разница в обозначаемых этими выражениями ситуациях.

²¹ Трюизмы здравого смысла всегда высоко ценились аналитическими философами. В частности, желая подчеркнуть их исключительную философскую полезность, Бертран Рассел замечал: «... то, что высказано в терминах здравого смысла, мы всегда можем перевести в тот философский язык, который нам нравится». Рассел Б. Об обозначении // Рассел Б. Избранные труды. Новосибирск, 2007. С. 21–22. Немного позднее Альфред Айер также отметит ценность и важность подобных трюизмов для философского исследования: «... философ не имеет права презирать убеждения здравого смысла. Если он так поступает, то просто демонстрирует свое незнание истинной цели своих исследований». Айер А. Дж. Язык, истина и логика. М., 2010. С. 71. Однако именно Мур превратил здравый смысл в базовый

ми, и т.д.)²². Ведь каждый такой трюизм включает в себе интуиции здравого смысла, которые ясно и точно определяют, *что* именно нам известно, когда высказывающий этот трюизм человек *достоверным* образом знает, что сделанное им высказывание истинно. Именно здравый смысл определяет привычное значение используемых нами языковых выражений и совершенно очевиден для каждого из нас. Поэтому пропозиции здравого смысла, которые, как мы точно знаем (know with certainty), соответствуют действительности, и в которых нам нельзя сомневаться, не только составляют ядро нашего общего взгляда на мир, но и, по мнению Мура, являются надежным фундаментом для философии, поскольку, как таковые, они не могут быть опровергнуты с помощью каких-либо скептических аргументов²³.

принцип своей философии. Сравним с этим: Nagel E. Impressions and Appraisals of Analytic Philosophy in Europe. I // The Journal of Philosophy. 1936. Vol. 33. №. 1. P.11–12; Ambrose A. Three Aspects of Moore's Philosophy // The Journal of Philosophy. 1960. Vol. 57. №. 26. P. 816–817; Malcolm N. George Edward Moore // G. E. Moore: Essays in Retrospect. P. 38–39. Впервые он открыто заявил об этом в своих кембриджских лекциях 1911 г.: «Мне кажется, существуют определенные взгляды на природу Вселенной, которые в настоящее время разделяют почти все. Они настолько универсальны, что, я думаю, их было бы справедливо назвать взглядами здравого смысла». Moore G. E. Some Main Problems of Philosophy. London: George Allen & Unwin Ltd., 1953. P. 2.

²² Подробнее см.: Мур Дж. Э. Защита здравого смысла // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). С. 130–132. Сравним также с этим: Грязнов А. Ф. Аналитическая философия. С. 53–54. Soames S. Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol.1: The Dawn of Analysis. Princeton: Princeton University Press, 2003. P. 4–5.

Реалистический взгляд на мир, в основе которого лежат трюизмы здравого смысла, используется Муром как плацдарм для осуществления критических атак, имеющих своей целью опровержение некоторых наиболее распространенных философских заблуждений, и прежде всего скандально известного тезиса о том, что никаких независимых от нашего сознания материальных объектов не существует²⁴. Мур считает, что всякая попытка отрицать на этом основании существование внешнего мира в корне ошибочна²⁵. Напротив, мы *достоверно* знаем,

²³ Отрицание подобных трюизмов здравого смысла, по мнению Мура, будет не просто ложным, но лишенным всякого смысла абсурдным высказыванием. Например, любая моя попытка отрицать истинность высказывания «Я знаю, что я одет» в ситуации, когда я действительно вижу, что в настоящий момент времени на мне есть какая-то одежда, окажется очевидным образом абсурдной, даже несмотря на то, что результатом подобного отрицания могут быть грамматически безупречные выражения «Я не знаю точно, одет ли я», «Я знаю, что я одет, хотя, возможно, это и не так» или «Я знаю о высокой вероятности того, что я действительно одет, однако, никогда не могу быть полностью в этом уверен». Ср. с этим: Мур Дж. Э. Достоверность // Язык, истина, существование. Томск, 2002. С. 41–42. Кроме того, см.: Малкольм Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения «Я знаю» // Философия, логика, язык. С. 250–251.

²⁴ Мур Дж. Э. Доказательство внешнего мира // Аналитическая философия: Избранные тексты. С. 66–67. Однако сравним с этим: Weatherall J. O. On G. E. Moore's «Proof of an External World» // Pacific Philosophical Quarterly. 2015. Vol. 98. №. 2. P. 233. После того как Иммануил Кант объявил об этом «скандале в философии» (необходимости принимать на веру существование вещей вне нас) вокруг него велась и ведется ожесточенная дискуссия. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 28. В частности, австралийский

философ Майкл Дэвитт признается, что современным философам по-прежнему приходится тратить массу времени, чтобы обосновать очевидное каждому из нас существование внешнего мира. Devitt M. *Realism and Truth*. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 7.

²⁵ По мнению Мура, это заблуждение может в равной степени разделяться не только сторонниками радикального скептицизма (*excessive skepticism*), но и защитниками идеализма. Поскольку метафизическая доктрина, провозглашающая существование лишь одной единственной вещи — Абсолюта, также скрывает в себе отрицание основанного на здравом смысле представления о внешнем мире как пространстве, которое занято множеством разных вещей, в том числе и тех, что никогда не были объектами нашего восприятия. Moore G. E. *A Reply to My Critics* // *The Philosophy of G. E. Moore* / Ed. P. A. Schilpp. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1942. P. 668–672. Сравним с этим: Baldwin T. G. E. Moore. London: Routledge, 1999. P. 282, 294; Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol. I: The Dawn of Analysis*. Princeton: Princeton University Press, 2003. P. 7–8; Sosa E. *Moore's Proof* // *Themes from G. E. Moore: New Essays in Epistemology and Ethics* / Eds. S. Nuccetelli, G. Seay. Oxford: Clarendon Press, 2007. P. 51–52; Morris K., Preti C. *How to Read Moore's «Proof of an External World»* // *Journal for the History of Analytical Philosophy*. 2015. Vol. 4. №. 1. P. 6–11. Похожий по своей структуре на «доказательство существования внешнего мира» аргумент Мур уже применял в *The Refutation of Idealism* («Опровержении идеализма»), только вместо своих рук он там ссылался на опыт цветового восприятия, утверждая, что если мы имеем ощущения синего цвета, значит, — существует независимая от нашего сознания реальность: «... если кто-то говорит нам, что существование синего цвета есть то же самое, что и существование ощущения синего, он совершает ошибку... <...> Ибо мы можем и должны представлять [*conceive*] существование синего цвета как нечто совершенно отличное от существования связанного с ним ощущения. Мы можем и должны понимать [*conceive*], что синий способен существовать, хотя при этом никакого ощущения синего нет». Moore G. E. *The Refutation of Idealism* // *Mind*. 1903. Vol. 12. №. 48. P. 445.

что некоторые материальные объекты существуют, и можем это убедительным образом доказать.

Согласно Муру, факт существования внешнего мира предполагает возможность существования хотя бы *двух* так называемых «внешних вещей» (external things), — то есть таких вещей, которые *встречаются в пространстве* (things to be met with in space)¹. Внешние вещи следует отличать от вещей, которые просто *представлены в пространстве* (things presented in space). Остаточные визуальные образы, болевые ощущения и галлюцинации, — вот типичные примеры вещей, которые представлены в пространстве, но в нем никогда *не* встречаются. Анализ наших обычных представлений о материальных объектах показывает, что между этими понятиями есть важное логическое различие: из моего утверждения «Я воспринимаю X, с которым можно встретиться в пространстве», следует не только то, что я *один* воспринимаю вещь, которую можно встретить в пространстве (руку, опечатку на странице текста или мыльный пузырь), но также и то, что она могла бы быть объектом восприятия *других* людей; тогда как из моего утверждения «Я вижу остаточный визуальный образ или галлюцинацию», следует лишь то, что *никто* другой в своем восприятии этого не переживает. Ведь абсурдно было бы думать, что кто-то еще, кроме меня самого, может видеть тот же самый остаточный визуальный образ, который вижу я, либо чувствовать ту же самую боль, что я ощущаю². Неустраняемая *приватность* нашего восприятия вещей, которые только представлены в пространстве, по мнению Мура, очевидным образом контрастирует с *публичным* характером существования

¹ Мур Дж. Э. Доказательство внешнего мира // Аналитическая философия: Избранные тексты. С. 69.

² Подробнее об этом см.: Мур Дж. Э. Доказательство внешнего ми-

внешних вещей, которые действительно можно встретить в пространстве. Аналогично вещам, просто представленным в пространстве, должны быть и вещи, которые могут встречаться в пространстве, однако, в нем никак *не* представлены: из моего утверждения «существует *X*, который может стать объектом восприятия», вовсе не следует, что этот объект действительно кем-либо воспринимался или воспринимается, но если вещь, которая может встречаться в пространстве, никем не воспринимается, тогда она и не представлена в пространстве. Поэтому, как считает Мур, нет ничего абсурдного в нашем предположении о том, что внешние вещи могут существовать даже тогда, когда мы их не воспринимаем, и даже в том случае, если в течение всего времени своего существования они так и не стали объектами чьего-либо восприятия³. Вещи, которые просто представлены в пространстве, зависят от нашего сознания (или «находятся в нашем сознании») в том смысле, что само существование таких вещей подразумевает наличие определенного приватного опыта их восприятия⁴. Напротив, вещи, с которыми можно встретиться в пространстве никак не зависят от нашего сознания, — они находятся «вне

ра // Аналитическая философия: Избранные тексты. С. 69–73. Также см.: Stroll A. Moore's Proof of an External World // *Dialectica*. 1979. Vol. 33. №. 3/4. P. 386–387; Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*. Vol.1: The Dawn of Analysis. P. 15–16. Morris K., Preti C. How to Read Moore's «Proof of an External World» // *Journal for the History of Analytical Philosophy*. 2015. Vol. 4. №1. P. 3–4.

³ Мур Дж. Э. Доказательство внешнего мира // Аналитическая философия: Избранные тексты. С. 72–73.

⁴ Например, ср. с этим: Moore G. E. *Some Main Problems of Philosophy*. P. 42–43. Таким образом, существование подобных вещей имеет два важных ограничения: принцип приватности (The

нас» (things outside of us), поэтому, утверждая существование внешнего мира, нам необходимо ссылаться только на такие вещи⁵. Именно это Мур и делает, когда предлагает так называемое «доказательство существования внешнего мира» (The Proof of an External World)⁶. Структура этого доказательства внешне выглядит предельно простой⁷:

1.1) Вот одна рука, а вот — другая;

Privacy Principle), который гласит, что «если X находится в сознании А, абсурдно предполагать, что кто-либо, кроме А, воспринимает X», и принцип зависимости (The Dependence Principle), согласно которому «самопротиворечиво предполагать, что если X находится в сознании А, такой X существует даже в тот момент времени, когда А не имеет опыта его восприятия». Подробнее об этом см.: Stroll A. Moore's Proof of an External World // *Dialectica*. 1979. Vol. 33. №. 3/4. P. 381–383.

⁵ В частности, Мур пишет об этом следующее: «Думаю, это последнее выражение („вещи, которые должны встречаться в пространстве“) как раз и имеет в виду то, что нас интересует. Мое тело, тела других людей, тела животных, разнообразные растения, камни, горы, солнце, луна, звезды, планеты, дома и другие здания, разнообразные продукты промышленного производства — стулья, столы, листы бумаги и т.п., — все это „вещи, которые должны встречаться в пространстве“. Короче говоря, все вещи, которые философы обычно называли „физическими объектами“, „материальными предметами“ или „телами“, явно подпадают под это определение». Мур Дж. Э. Доказательство внешнего мира // *Аналитическая философия: Избранные тексты*. С. 68. Также см.: Wright C. The Perils of Dogmatism // *Themes from G. E. Moore: New Essays in Epistemology and Ethics* / Eds. S. Nuccetelli, G. Seay. Oxford: Clarendon Press, 2007. P. 26. Однако сравним с этим: Weatherall J. O. On G. E. Moore's «Proof of an External World» // *Pacific Philosophical Quarterly*. 2015. Vol. 98. №. 2. P. 234–235.

⁶ Впервые свое доказательство Мур представил в виде ежегодной философской лекции Фонда Генриетты Герц, которая была прочитана

1.2) Если две разные руки существуют (т.е. существуют *два разных* объекта, которые можно встретить в пространстве), значит, — существует внешний мир;

1.3) Внешний мир существует.

на заседании Британской академии в ноябре 1939 г. Tallis R. *George Moore's Hands: Scepticism about Philosophy // In Defence of Wonder and Other Philosophical Reflections*. London: Routledge, 2014. P. 25.

⁷ Мур Дж. Э. Доказательство внешнего мира // Аналитическая философия: Избранные тексты. С. 81. Также см.: Sinnott-Armstrong W. *Begging the Question // Australasian Journal of Philosophy*. 1999. Vol. 77. №. 2. P. 186–187; Wright C. (Anti-) Sceptics Simple and Subtle: G. E. Moore and John McDowell // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2002. Vol. 65. №. 2. P. 330; Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*. Vol.1: The Dawn of Analysis. P. 18–19; Pryor J. *What's Wrong with Moore's Argument? // Philosophical Issues*. 2004. Vol. 14. №. 1. P. 349; Lemos N. *Moore, Skepticism, and the External World // Common Sense: A Contemporary Defense*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 85; Nuccetelli S., Seay G. *Introduction // Themes from G. E. Moore: New Essays in Epistemology and Ethics / Eds. S. Nuccetelli, G. Seay*. Oxford: Clarendon Press, 2007. P. 7; Wright C. *The Perils of Dogmatism // Themes from G. E. Moore: New Essays in Epistemology and Ethics / Eds. S. Nuccetelli, G. Seay*. Oxford: Clarendon Press, 2007. P. 25–26; Sosa E. *Moore's Proof // Themes from G. E. Moore: New Essays in Epistemology and Ethics*. Eds. S. Nuccetelli, G. Seay. Oxford: Clarendon Press, 2007. P. 49; Lycan W. G. *Moore's Anti-Skeptical Strategies // Themes from G. E. Moore: New Essays in Epistemology and Ethics*. Eds. S. Nuccetelli, G. Seay. Oxford: Clarendon Press, 2007. P. 89; Moretti L. *The Dogmatist, Moore's Proof and Transmission Failure // Analysis*. 2014. Vol. 74. №. 3. P. 383; Weatherall J. O. *On G. E. Moore's «Proof of an External World» // Pacific Philosophical Quarterly*. 2015. Vol. 98. №. 2. P. 219; De M. *On Moore's Notion of Proof // Canadian Journal of Philosophy*. 2020. Vol. 50. №. 3. P. 313; Walker M. *Moore's Proof, Theory-Ladenness of Perception, and Many Proofs // Philosophical Studies*. 2020. Vol. 177. №. 8. P. 2163.

Мур полагает, что непосредственные переживания, связанные с опытом наших собственных рук (1.1), способны предоставить надежное оправдание для веры в существование внешнего мира (1.3). Другими словами, любые переживания наподобие (1.1) служат *прямым* оправданием для нашей веры в пропозицию (1.3). Нам кажется абсолютно невероятной и лишенной всякого здравого смысла ситуация, в которой мы могли бы иметь непосредственные переживания, связанные с опытом наших собственных рук (1.1), в то время как пропозиция (1.3) при этом не была бы истинной. Поэтому Мур уверен, что *мы не можем разумным образом сомневаться в существовании внешнего мира*, — для нас это было бы рационально неоправданным убеждением, которое находится в очевидном противоречии со здравым смыслом. Но действительно ли здесь мы имеем дело с примером строгого формального доказательства, с которым нам следует согласиться¹?

Наиболее уязвимые для скептических возражений части доказательства — это содержание посылок (1.1)

¹ По мнению Мура, представленный аргумент полностью удовлетворяет всем условиям, которые мы обычно предъявляем к формальным доказательствам: (1) посылки отличаются от заключения (то есть заключение может оказаться истинным в ситуации, когда сами посылки были ложными, — например это было бы возможным, если бы Мур был в действительности безруким, но имел при этом ноги); (2) заключение действительно следует из посылок (то есть невозможно, чтобы при истинности посылок заключение оказалось ложным, ведь Мур предварительно показывает, что он использует термин «рука» в значении «вещь, которую нужно встретить в пространстве», а значит, — если существуют руки, также существуют и внешние по отношению к нашему сознанию вещи); (3) мы не только *верим* в истинность посылок, но *знаем* об их истинно-

и (1.2), а также сомнительный и неочевидный характер их связи с заключением (1.3). Доказательство существования внешнего мира держится, прежде всего, на фактах перцептивного оправдания нашей веры в существование собственных рук, предъявляемых нам как примеры вещей, которые можно встретить в пространстве. Однако в своем доказательстве Мур не представил никаких независимых от самой этой веры обоснований для важнейшей посылки (1.1). Поэтому мы вправе сомневаться в том, что Мур, демонстрируя свои руки, на самом деле

сти (в частности, демонстрирующий свои руки Мур не просто верит, что посылка (1.1) в представленном аргументе является истинной, — он это *достоверно* знает). Сравним с этим: Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol. 1: The Dawn of Analysis*. P. 19; Lemos N. Moore, Skepticism, and the External World // *Common Sense: A Contemporary Defense*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 86; Суханова Е. Н. Смысл «Доказательства внешнего мира» Дж. Э. Мура // *Вестник Томского государственного университета*. Серия: Философия. Социология. Политология. 2009. №3 (7). С. 76; De M. On Moore's Notion of Proof. P. 313; Walker M. Moore's Proof, Theory-Ladenness of Perception, and Many Proofs // *Philosophical Studies*. 2020. Vol. 177. №. 8. P. 2165–2166. Позднее, однако, под давлением критики Мур сделал различие между двумя высказываниями «Никаких материальных вещей не существует» (There are no material things) и «Достоверным образом никто не знает, что материальные вещи существуют» (Nobody knows for certain that there are any material things), признав тем самым, что с помощью рук можно убедительным образом показать ложность только первого высказывания, в то время как для доказательства ложности второго высказывания все же необходимы дополнительные аргументы. Moore G. E. A Reply to My Critics // *The Philosophy of G. E. Moore / Ed. P. A. Schilpp*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1942. P. 668–669.

представил нам подлинные примеры конкретных материальных вещей (то есть объектов, которые можно встретить в пространстве). Возможность актуального восприятия собственных рук еще не дает нам повода полагать, что значение посылки (1.1) чем-то отличается от простого набора чувственных данных (то есть объектов, которые просто представлены в пространстве), если только нет каких-либо дополнительных независимых оснований полагать, что наш перцептивный опыт способен служить надежным свидетельством существования внешнего мира. Но такие основания мы можем иметь только тогда, когда *уже* полагаем внешний мир, — частями которого являются конкретные вещи (например, руки), — существующим. Тем самым оказывается, что доказательство Мура требует своеобразного циклического обоснования: мы имеем независимые причины верить посылке (1.1), только если уже принимаем (без всякого доказательства) заключение (1.3)¹. Данное скептическое возражение (The Cyclic Justification Argument) можно представить в виде следующей формальной структуры²:

2.1) Вера в существование какой-либо конкретной вещи (например, двух разных рук) обоснована только

¹ Простым примером эпистемической цикличности подобного рода может служить высказывание «*A* невиновен, следовательно, *A* — невиновен». Здесь наша вера в обоснованность посылки, выражающей знание о невиновности *A*, держится только на том, что мы оправдываем ее при помощи самого заключения.

² Например, см.: Sinnott-Armstrong W. *Begging the Question* // Australasian Journal of Philosophy. 1999. Vol. 77. №. 2. P. 189–190; Wright C. (Anti-) Sceptics Simple and Subtle: G. E. Moore and John McDowell // Philosophy and Phenomenological Research. 2002. Vol. 65. №. 2. P. 336–337; Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*. Vol.1: The Dawn of Analysis. P. 22; Moretti L. *The Dogmatist*,

в том случае, если уже имеется независимое оправдание для веры в существование внешнего мира, частью которого являются эти конкретные вещи;

2.2) Внешний мир *не* существует;

2.3) Конкретные материальные вещи (например, две разные руки), как примеры объектов, которые можно встретить в пространстве, *не* существуют.

Мур откровенно признается, что он действительно не может дать какое-либо независимое обоснование для нашей перцептивной веры в посылку (2.1). Однако это не значит, что мы должны считать доказательство ошибочным. Скептическое возражение не имеет силы, — оно просто основано на неправильном анализе высказывания «*A* знает, что *X*, *только если A* знает, что *Y*». По мнению Мура, это высказывание не может иметь то же самое значение, что и высказывание «*A* знает, что *X*, *потому что A* знает, что *Y*»³, поскольку в противном случае ни одна пропозиция не могла бы быть нам известна как истинная⁴. Поэтому если кто-либо знает, что (2.1), он знает это вовсе не потому, что вывел свое знание из другой

Moore's Proof and Transmission Failure // *Analysis*. 2014. Vol. 74. №. 3. P. 382–389. Однако ср. с этим: Pryor J. What's Wrong with Moore's Argument? // *Philosophical Issues*. 2004. Vol. 14. №. 1. P. 358–3614 Lemos N. Moore, Skepticism, and the External World // *Common Sense: A Contemporary Defense*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 87–91.

³ В своей работе «Некоторые из основных проблем философии» Мур отмечает: «... мы способны знать, что хотя бы одна пропозиция является истинной, не зная ни одной другой пропозиции... И я предлагаю называть этот способ знания об истинности пропозиций, непосредственным знанием». Moore G. E. *Some Main Problems of Philosophy*. London: George Allen & Unwin Ltd., 1953. P. 123.

пропозиции (2.3). Мы способны иметь *непосредственное* достоверное знание о конкретных вещах (например, руках, карандашах, монетах, листах бумаги и т.д.) без каких-либо независимых обоснований⁵. И в частности, среди вещей, которые мы таким образом *достоверно* знаем (даже когда не имеем никаких независимых для этого причин) есть пропозиции здравого смысла, наподобие «Вот — рука, настоящая рука из плоти и крови, а не просто чувственные данные»⁶. Такие истинные пропозиции и служат нам посылками в доказательстве существования внешнего мира.

⁴ Сравним с этим: Moore G. E. The Presidential Address: Some Judgments of Perception // Proceedings of the Aristotelian Society. 1919. Vol. 19. №. 1. P. 8. По мнению Витгенштейна, «точка зрения Мура сводится, собственно, к следующему... утверждение „Я знаю“ не может быть ошибкой. Если же дело так и обстоит, то из такого высказывания можно делать вывод об истинности того, что в нем утверждается». Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы. Ч. 1. М., 1994. С. 325–326. Также см.: Малкольм Н. Мур и Витгенштейн о значении выражения «Я знаю» // Философия, логика, язык. С. 251, 253–255. Baldwin T. G. E. Moore. London: Routledge, 1999. P. 287.

⁵ Мур настаивает, что «... мы действительно *знаем* многие вещи, относительно которых мы *знаем*, далее, что должны иметь очевидное свидетельство о них, и, однако, мы не знаем, *каким образом* их знаем, то есть не знаем что это за свидетельство». Мур Дж. Э. Защита здравого смысла // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). С. 140.

⁶ Детально анализируя опыт восприятия карандаша, Мур заявляет о необходимости различать прямое восприятие (direct apprehension) и непосредственное знание (immediate knowledge): «Мы совершенно определенно верим, что чувственные данные, которые мы сейчас видим, являются признаками... существования чего-то, что, без-

Другим возможным скептическим возражением является ссылка на внутренний характер нашего перцептивного опыта, выраженного посылкой (2.1). Мы могли бы утверждать, что феноменология опыта восприятия собственных рук, например, во сне или при галлюцинациях, абсолютно ничем не отличается от такого же опыта, переживаемого в нормальных обстоятельствах, когда мы бодрствуем и находимся в неизменном состоянии сознания. А поскольку *достоверно* знать этого мы не можем (например, вдруг я просто мозги в бочке либо злой картезианский демон играет с моим восприятием), прежде чем принять знание, выраженное посылкой (2.1) как истинное, нам требуется доказать, что мы находимся не во сне или не испытываем галлюцинаций⁷. Данное скептическое возражение (The Dreaming Argument) имеет, таким образом, следующую структуру:

условно, имеет цилиндрическую форму, примерно цилиндрическую, и что, безусловно, имеет внутреннюю часть. <...> И я утверждаю, что знаю не только то, что это нечто иное является *причиной* [cause] чувственных данных, которые я вижу или чувствую: я утверждаю, что знаю, что эта причина находится *здесь*...». Moore G. E. *Some Main Problems of Philosophy*. London: George Allen & Unwin Ltd., 1953. P. 115–116. Именно поэтому, продолжает Мур: «... когда я верю, что карандаш существует, я верю, что существует нечто, действительно имеющее цилиндрическую форму, но не состоящее *просто* из какого-либо количества цветных пятен, гладкости или твердости, или любого другого рода чувственных данных, которые я когда-либо непосредственно переживал [directly apprehended]» Moore G. E. *Some Main Problems of Philosophy*. London: George Allen & Unwin Ltd., 1953. P. 119. Также см.: *Malmgren H.* Moore's Concept «Indirect Apprehension» // *Theoria*. 1971. Vol. 37. №. 3. P. 185–206.

⁷ Например, сравним с этим: Мур Дж. Э. Доказательство внешнего

3.1) Если я не уверен в том, что я в настоящий момент времени не нахожусь во сне или не испытываю галлюцинации, значит, — я не могу быть уверен в том, есть ли у меня руки⁸;

3.2) Я не уверен в том, что я в настоящий момент времени не нахожусь во сне;

мира // Аналитическая философия: Избранные тексты. С. 83–84; Мур Дж. Э. Достоверность // Язык, истина, существование. Томск, 2002. С. 57–62. Подробнее об этом также см.: Dretske F. I. Epistemic Operators // The Journal of Philosophy. 1970. Vol. 67. №. 24. P. 1011–1012; Stroud B. The Significance of Philosophical Scepticism. Oxford: Oxford University Press, 1984. P. 9–24; Sosa E. Beyond Scepticism, to the Best of Our Knowledge // Mind. Vol. XCVII. №. 386. P. 153–154; Wright C. Scepticism and Dreaming: Imploding the Demon // Mind. 1991. Vol. C. №397. P. 90–92; Brueckner A. The Structure of the Skeptical Argument // Philosophy and Phenomenological Research. 1994. Vol. 54. №. 4. P. 827, 831–832; Klein P. Skepticism and Closure: Why the Evil Genius Argument Fails // Philosophical Topics. 1995. Vol. 23. №. 1. P. 213–214; DeRose K. Solving the Skeptical Problem // Philosophical Review. 1995. Vol. 104. №. 1. P. 1; Cohen S. Two Kinds of Skeptical Argument // Philosophy and Phenomenological Research. 1998. Vol. 58. №. 1. P. 144–146; Cohen S. Contextualism, Skepticism, and the Structure of Reasons // Noûs. 1999. Vol. 33. №13. P. 61–62; Pryor J. The Skeptic and the Dogmatist // Noûs. 2000. Vol. 34. №. 4. P. 521–522; Lemos N. Moore, Skepticism, and the External World // Common Sense: A Contemporary Defense. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 91–92; Nuccetelli S., Seay G. Introduction // Themes from G. E. Moore: New Essays in Epistemology and Ethics / Eds. S. Nuccetelli, G. Seay. Oxford: Clarendon Press, 2007. P. 8–9. De M. On Moore's Notion of Proof. P. 314–315.

⁸ Скептическая посылка (IA1) также может быть дополнительно подкреплена утверждением о том, что если характер моих переживаний во время восприятия собственных рук в неизменном состоянии сознания ничем не отличается от такого же опыта во сне и при галлюци-

3.3) Я *не* могу быть уверен в том, есть ли у меня руки.

Для борьбы с этим скептическим возражением Мур использует собственный основанный на здравом смысле аргумент (The Common Sense Argument), в котором он принимает скептическую посылку (4.1), но ссылаясь на непосредственное достоверное знание о конкретных вещах (например, руках, карандашах, монетах, листах бумаги и т.д.), приходит к прямо противоположному заключению⁹:

4.1) Если я не уверен в том, что я в настоящий момент времени не нахожусь во сне или не испытываю галлюцинации, значит, — я не могу быть уверен в том, есть ли у меня руки;

4.2) Я *достоверно* знаю, что у меня есть руки;

4.3) Я *знаю*, что я в настоящий момент времени *не* нахожусь во сне.

С помощью этого аргумента Мур пытается обосновать важность устранения из наших рассуждений взглядов противоречащих здравому смыслу и выражающих их пропозиций: ведь если *A достоверно* знает, что *X* (напри-

нациях, тогда никакой объем и количество перцептивного опыта не может позволить мне определить, действительно ли я нахожусь в неизменном состоянии сознания, поскольку в любом случае мои переживания, связанные с восприятием собственных рук были бы в точности такими же, даже если бы я на самом деле спал или испытывал галлюцинации. Ср. с этим: Pryor J. The Skeptic and the Dogmatist // *Noûs*. 2000. Vol. 34. №. 4. P. 522.

⁹ Ср. с этим: *Soames S. Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol.1: The Dawn of Analysis. P. 22–23. Nuccetelli S., Seay G. Introduction // Themes from G. E. Moore: New Essays in Epistemology and Ethics. Eds. S. Nuccetelli, G. Seay. Oxford: Clarendon Press, 2007. P. 9.*

мер, рука), значит, — A вправе полностью исключить из своего рассмотрения любое Y (например, нечто в точности похожее на руку, но не являющееся рукой), которое несовместимо с тем, что « A знает, что X » (либо взамен может принять истинность « A знает, что $\sim Y$ »). Мур уверен, что нет ничего более очевидного, чем то, что мы способны достоверно знать многие конкретные вещи¹, — когда мы смотрим на X , например, на собственные руки, мы непосредственно видим чувственные данные, которые тождественны поверхностям наших рук. И при этом, по мнению Мура, в тот момент, когда у нас есть опыт восприятия X , мы имеем достаточное оправдание для своей веры в X , которое не предполагает и не опирается на какие-либо другие доказательства или оправдания². Для пропозиций здравого смысла, наподобие «Вот — рука», вполне естественно предполагать, что наличие соответствующего опыта восприятия должно

¹ Мур, например, пишет: «чем больше я всматриваюсь в объекты, которые меня окружают, тем больше моя уверенность в том, что я вижу, — ведь то, что я вижу действительно существует, оно столь же истинно и реально, как и мое восприятие. Эта уверенность является абсолютно непоколебимой [The conviction is overwhelming]». Moore G. E. *The Nature and Reality of Objects of Perception* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1905—1906. Vol. 6. №. 1. P. 126.

² В частности, британский философ Томас Болдуин поясняет замысел ответа Мура на это скептическое возражение следующим образом: «...он основан на размышлениях относительно разницы в достоверности, которой мы наделяем утверждения о знании конкретных фактов, по сравнению со знанием общих принципов человеческого познания, на которые ссылается скептик» Baldwin T. G. E. Moore. London: Routledge, 1999. P. 287. Также см.: De M. On Moore's Notion of Proof. P. 315—317, 318—320. Предложенный Муром аргумент (The Argument from Differential Certainty), ос-

целиком и полностью оправдывать имеющуюся у нас уверенность в истинности этой пропозиции³. Поэтому на вопрос «Откуда я это знаю?», я имею полное право ответить: «Я просто вижу руки». Простого факта того, что я получаю визуальный опыт соответствующего феноменологического типа, должно быть достаточно, чтобы сделать оправданной мою веру в существование собственных рук. И поскольку наше знание пропозиции «Вот — рука» является *непосредственным*, демонстрация того, что мы знаем не требует никакого дополнительного обоснования, что мы *это* знаем⁴.

Таким образом, в своей основанной на точке зрения здравого смысла философии Мур пытается придержи-

нованный на различиях в степенях достоверности наших знаний, призван устранить любое скептическое сомнение посредством апелляции к нашей субъективной уверенности в том, что мы действительно знаем такие пропозиции здравого смысла, например, как «Вот — рука». Например, ср. с этим: Moore G. E. *Some Main Problems of Philosophy*. P. 122–123.

³ С точки зрения Джеймса Прайора, дополнительным аргументом для защиты реалистических взглядов Мура могли бы быть свидетельства о том, что наш опыт иногда обладает пропозициональным содержанием, которое никак не связано с чувственными данными, но касается прежде всего очевидных и открытых для нашего наблюдения свойств различных материальных объектов. Такой наш опыт характеризуется особым ощущением того, что связанное с ним пропозициональное содержание является истинным, и именно это дает нам немедленное и не требующее никаких независимых оснований оправдание для веры в содержание этого опыта. Pryor J. *The Skeptic and the Dogmatist* // *Noûs*. 2000. Vol. 34. №. 4. P. 518–519, 538–539; Pryor J. *What's Wrong with Moore's Argument?* P. 357; Также сравним с этим: Soldati G. *Direct Realism and Immediate Justification* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 2011–2012. Vol. 112. №. 1. P. 29–30.

ваться ряда довольно простых принципов: (5.1) некоторые пропозиции здравого смысла мы можем знать достоверно и непосредственно (и особое место среди них занимают привычные перцептивные убеждения — «у меня есть две руки», «существуют многие подобные моему телу объекты, которых касались мои руки» и пр.), и эти наши знания практически неуязвимы для каких-либо скептических возражений; (5.2) поэтому именно пропозиции здравого смысла должны стать отправной точкой и надежным основанием для любого философского исследования.

Президентский доклад: демонстративные пропозиции и теория чувственных данных

В своей работе «Некоторые суждения о восприятии», ставшей президентским докладом к Аристотелевскому обществу, Мур предлагает оригинальный анализ значения ограниченного класса эмпирических пропозиций⁵. Примерами высказываний, обычно используемых для выражения таких пропозиций, служат фразы обыденно-

⁴ В частности, одной из своих работ Мур выражает этот свой взгляд следующим восклицанием: «В конце концов, вы знаете, это — действительно палец; в этом нет никаких сомнений; я это знаю, и вы все это знаете». Moore G. E. The Presidential Address: Some Judgments of Perception // Proceedings of the Aristotelian Society. 1918—1919. Vol. 19. №. 1. P. 8.

⁵ Важность анализа именно таких пропозиций, по мнению Мура, очевидна: «Я думаю, суждения такого рода обычно справедливо рассматривают как суждения, истинность которых предполагает существование материальных вещей или физических объектов». Moore G. E. The Presidential Address: Some Judgments of Perception. P. 3. Ср. с этим также: Moore G. E. Some Main Problems of Philosophy. P. 29. Мур Дж. Э. Защита

го языка, при помощи которых идентифицируются различные конкретные вещи⁶ («Это — рука», «Это — палец», «Это — монета», «Это — чернильница», «Это — карандаш» и т.д.). Согласно Муру, для правильного анализа таких высказываний нам важно понимать, о чем именно мы судим, когда делаем подобные утверждения⁷? Что в таких случаях является конечным или непосредственным объектом наших восприятий⁸?

Например, мы могли бы принять базовые принципы прямого реализма (*Direct/ Naïve Realism*), признав, что (6.1) конечными или непосредственными объектами наших суждений о восприятии служат сами конкретные вещи (или некоторые их ощущаемые части), с которыми мы сталкиваемся в нашем актуальном перцептивном опыте. Ключевая идея прямого реализма заключается в том, что (6.2) мы способны воспринимать существующие материальные объекты (конкретные вещи) без всякого знакомства с какими-либо объектами-посредника-

здорового смысла // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). С. 148. Ведь во всех случаях, когда мы употребляем подобный ограниченный класс эмпирических пропозиций, как пишет Мур, «в нашем собственном сознании нет никакой заметной степени неопределенности в отношении того, к какому именно из физических объектов, которые мы видим в данный момент, относится наше суждение». Moore G. E. *The Nature of Sensible Appearances* // *Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes*. 1926. Vol. 6. №. 1. P. 180.

⁶ Moore G. E. *The Presidential Address: Some Judgments of Perception*. P. 1.

⁷ *Ibid.* P. 26.

⁸ По мнению Мура, правильный анализ наших суждений о восприятии должен показывать, что значением фразы «непосредственный объект восприятия» является понятие объекта, существование и природа которого могут быть познаны исключительно на основе текущего перцептивного опыта.

ми других типов¹. В моменты, когда мы переживаем непосредственный перцептивный опыт некоторого материального объекта, скажем, монеты, наше суждение о том, что эта монета, которая выглядит в нашем опыте круглой, — круглая, является истинным и достоверным. Правильный анализ такого высказывания, как «*Это — монета*», должен тогда принять следующую форму². Во всех случаях восприятия (в частности, при наличии актуальных визуальных переживаний) существует некоторый объект (конкретная вещь), часть которого нам видна, или нами ощущается, и который, как таковой, является конечным или непосредственным объектом нашего суждения. Однако здесь важно понимать, что данный нам в восприятии объект не есть *вся* эта конкретная вещь, о которой, как кажется, мы судим, но только лишь *часть его поверхности*³. Ведь, согласно Муру, правильный анализ наших суждений о восприятии показывает очевидную противоречивость наивного предположения,

¹ Сравним с этим: Smith D. W. The Realism in Perception // *Noûs*. 1982. Vol. 16. №. 1. P. 42. Moltke S. G. Direct Realism: A Study of Perception. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1983. P. 1. Baldwin T. G. E. Moore. London: Routledge, 1999. P. 240. Brown D. H. Indirect Perceptual Realism and Demonstratives // *Philosophical Studies*. 2008. Vol. 145. №. 3. P. 378. Soldati G. Direct Realism and Immediate Justification // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 2012. Vol. 112. №. 1. P. 29.

² Ср. с этим: Baldwin T. G. E. Moore. London: Routledge, 1999. P. 238.

³ В одной из более поздних работ — *The Nature of Sensible Appearances* 1926 г. — Мур поясняет, что термин «часть поверхности объекта, которую я вижу» [the part of object's surface which I am seeing] он использует в своих исследованиях для обозначения «части поверхности объекта, частями которой являются все остальные части, которые я вижу» [the part of object's surface, of which all the other parts which I am seeing are

что, когда мы судим о таких конкретных вещах, как руки или монеты, высказывая фразы, вроде «Это — рука» или «Это — монета», мы в действительности выносим суждение о том, что «*Это*» (нечто действительно видимое нами) *вся* рука или *вся* монета. Лучшее, на что мы можем в таких случаях рассчитывать, — это предположить, что в действительности наши суждения касаются лишь части поверхности этой руки или этой монеты⁴.

Но если наш анализ является правильным, остается неясным, как в таком случае мы способны судить о *самих* материальных объектах⁵ (вроде, рук, пальцев, монет, чернильниц или карандашей)? Каким образом свидетельства наших органов чувств (и наш перцептивный опыт в целом) могут формировать основу для наших знаний о внешнем мире (и составляющих его конкретных вещах)⁶? Ведь, в конечном счете, здравый смысл подсказывает мне, что всякий раз, когда я произношу фразу, наподобие «Это — рука» или «Это — монета», я высказыв-

parts]. Moore G. E. The Nature of Sensible Appearances. P. 181.

⁴ Подробнее см.: Moore G. E. The Presidential Address: Some Judgments of Perception. P. 10. Иными словами, как считает Мур, «всякий раз, когда мы в грубом смысле говорим о видении какого-либо объекта, верно, что в другом, более строгом смысле слова видеть, мы видим лишь только его некоторую часть». Moore G. E. Some Main Problems of Philosophy. P. 34. Также ср. с этим: Мур Дж. Э. Защита здравого смысла // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). С. 150. Кроме того, см.: Clarke T. Seeing Surfaces and Physical Objects // Philosophy in America / Ed. M. Black. London: George Allen & Unwin Ltd, 1965. P. 98–114.

⁵ Например, см.: Moore G. E. Some Main Problems of Philosophy. P. 45.

⁶ Сохраняя верность традициям британского эмпиризма, Мур признает, что «свидетельства чувств — это свидетельства, на которых, по-

ваю свое суждение не только в отношении видимой мной *части* этих конкретных вещей, но и в отношении *самих* этих конкретных вещей *целиком*.

Существует способ, который позволяет взглядам прямого реализма избавиться от этого неприятного затруднения. Философская грамматика употребления большинства наших перцептивных глаголов, — например, глагола «видеть», — имеет много общего с ситуациями обычных тактильных переживаний, и в частности, опыта «прикосновения к ...». Если *A* прикоснется к очень маленькой части объекта *M*, мы вправе говорить о том, что *A* «коснулся» *M*. Иными словами, если бы мы приказали кому-то прикоснуться к каждому стулу, которые стоят в зале собраний Аристотелевского общества, мы считали бы, что он выполнил наше задание в том случае, если бы он в действительности прикоснулся только к небольшим частям поверхностей (пусть даже и очень малым) каждого стула, которые стоят в зале собраний Аристотелевского общества⁷. Поэтому есть веские основания полагать, что некоторые наши суждения восприятия (например, в случаях визуальных переживаний) все же касаются *самих* расположенных во внешнем мире материальных объектов (конкретных вещей).

видимому, основаны все наши остальные способы познания материальных объектов». Moore G. E. Some Main Problems of Philosophy. P. 29.

⁷ Аналогичный по форме анализ философской грамматики употребления перцептивных глаголов (при помощи которых мы обычно описываем свои ощущения, в том числе и свой визуальный опыт) предлагает британский философ Пол Сноуден. Подробнее см.: Snowdon P. F. G. E. Moore on Sense-Data and Perception // Themes from G. E. Moore: New Essays in Epistemology and Ethics / Eds. S. Nuccetelli, G. Seay. Oxford: Clarendon Press, 2007. P. 131.

Однако такая философская грамматика работает только тогда, когда мы готовы признать чувственные данные составными частями материальных объектов (конкретных вещей), — и имеем разумные независимые причины верить в то, что они на самом деле образованы или состоят из соответствующих наборов чувственных данных¹. На практике взгляды прямого реализма сталкиваются с существенными возражениями², не позволяющими так просто отождествить конечные

¹ Подобные взгляды близки базовым принципам феноменализма, согласно которым, внешний мир представляет собой ни что иное, как постоянную возможность испытывать ощущения, а материальные объекты — это лишь логические конструкции, образованные сериями перцептивных переживаний. На протяжении почти всей своей философской карьеры Мур с большим подозрением относился к любым таким утверждениям и в целом склонялся к тому, чтобы отвергнуть феноменализм на основании реалистических интуиций. Ведь кажется достаточно очевидным, что конкретные вещи не могут содержать в себе чувственные данные в качестве собственных частей, поскольку последние, как полагает Мур, не являются чем-то физическим (в буквальном смысле этого слова). Например, см.: *Moore G. E. The Status of Sense-Data // Proceedings of the Aristotelian Society. 1913—1914. Vol. 14. №. 1. P. 371—373. Moore G. E. Some Main Problems of Philosophy. P. 42—43. Ср. с этим: Хилл Т. И. Современные теории познания. С. 173. Более того, и сам термин «часть» вводит здесь в заблуждение. Действительно, иногда нам может казаться, что конкретные вещи состоят из соответствующих чувственных данных, как своих частей, подобно тому, как пальцы являются частями наших рук, — хотя Мур признает эти взгляды ошибочными. Например, см.: *Moore G. E. The Presidential Address: Some Judgments of Perception. P. 17—18. Moore G. E. The Nature of Sensible Appearances. P. 183. Другая очевидная проблема связана с отсутствием удовлетворительного феноменалистского объяснения примеров повторной идентификации объектов. Мура смущает откоро-**

и непосредственные *объекты* наших восприятий с какими-либо частями *самих* материальных объектов (конкретных вещей), о которых, как нам кажется, мы выносим свои суждения, когда произносим такие привычные высказывания, как «Это — рука» или «Это — монета». Аргумент относительности восприятия (The Argument from Perceptual Relativity) в его наиболее сильной форме служит демонстративным определением того, *что* мы

венная неспособность феноменализма проводить различие между двумя случаями восприятия одного и того же объекта и просто восприятиями двух одинаковых объектов. Например, см.: Мур Дж. Э. Защита здравого смысла // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). С. 153. Ср. с этим: Baldwin T. G. E. Moore. London: Routledge, 1999. P. 235.

² В вопросах восприятия и природы объектов нашего перцептивного опыта ранние взгляды Мура в основном опираются на идеи близкие принципам прямого реализма. Подробнее см.: Baldwin T. G. E. Moore. London: Routledge, 1999. P. 145–146, 148. Считается, что последней работой, в которой Мур открыто поддерживает взгляды прямого реализма, стала статья *The Nature and Reality of Objects of Perception* 1906 г. Moore G. E. The Nature and Reality of Objects of Perception // Proceedings of the Aristotelian Society. 1905–1906. Vol. 6. №. 1. P. 68–127. В своих более поздних работах Мур, по-видимому, полностью отказывается от принципов прямого реализма. В частности, см.: Moore G. E. Visual Sense-Data // British Philosophy in the Mid-Century / Ed. C. A. Mace. London: George Allen & Unwin Ltd, 1957. P. 205–211. Кроме того, не следует забывать, что большая часть исследований Мура проходила в стенах его лекционных аудиторий. Malcolm N. George Edward Moore // G. E. Moore: Essays in Retrospect. P. 36. Есть свидетельства, что в середине 1930-х гг. на его лекциях в Кембридже «феноменализм обрел гораздо более благосклонное отношение, чем можно было ожидать». Braitwaite R. B. George Edward Moore 1873–1958 // G. E. Moore: Essays in Retrospect. P. 23.

обязаны понимать под чувственными данными¹. Он используется как доказательство их особого онтологического статуса, — того, что они не могут быть тождественны частям поверхностей материальных объектов (конкретных вещей). В самой общей форме этот аргумент может быть сформулирован следующим образом²:

7.1) Чувственные данные, принадлежащие материальному объекту (конкретной вещи), в опыте нашего восприятия имеют множество несовместимых качеств;

¹ Термин «чувственные данные» (sense-datum) в значении «все, что дается в качестве объекта сенсорного осознания» Мур впервые вводит в цикле своих публичных лекций (1910—1911 гг.) для лондонского колледжа Морли (Morley College), позднее опубликованных в виде отдельной книги 1953 г. *Moore G. E. Some Main Problems of Philosophy*. London: George Allen & Unwin Ltd., 1953. Рассел сделал этот термин необычайно популярным благодаря читательскому успеху своей книги *Проблемы философии* 1912 г. Сравним с этим также: *Baldwin T. G. E. Moore*. London: Routledge, 1999. P. 150. *Martin M. G. F. Moore's Dilemma // Phenomenal Qualities: Sense, Perception, and Consciousness / Eds. P. Coates, S. Coleman*. New York: Oxford University Press, 2015. P. 147. *Snowdon P. Sense-Data // The Oxford Handbook of Philosophy of Perception*. Ed. M. Matthen. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 118.

² *Moore G. E. The Presidential Address: Some Judgments of Perception*. P. 18, 23—24. Также см.: *Moore G. E. The Status of Sense-Data*. P. 371—373. Наиболее ясное и последовательное изложение этого аргумента можно найти в работе Мура *Some Main Problems of Philosophy* («Некоторые из основных проблем философии»), первоначально представленной как лекционный курс для его учеников в Кембридже в 1911 г. Подробнее см.: *Moore G. E. Some Main Problems of Philosophy*. P. 32—38. Кроме того, ср. с этим: *Мур Дж. Э. Защита здравого смысла // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология)*. С. 151. Также см.: *Dicker G. Perceptual Knowledge: An Analytical and Historical Study*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1980. P. 30—33. *Robinson H.*

7.2) Материальный объект (конкретная вещь) не может обладать несовместимыми качествами;

7.3) Принадлежащие материальному объекту (конкретной вещи) чувственные данные не могут быть ему (либо отдельным его частям) тождественны³.

Для иллюстрации этого аргумента можно воспользоваться любым конкретным материальным объектом, — например, монетой. В ситуации, когда некоторое число *разных* наблюдателей располагают актуальным визуальным опытом *одной и той же* монеты, чувственные данные, переживаемые ими в этот момент, были бы очевидным образом разными (наблюдатели в зависимости от расстояния и угла зрения воспринимали бы форму этой монеты либо в виде эллипса определенной кривиз-

Perception. London: Routledge, 1994. P. 31–32. *Snowdon P. F. G. E. Moore on Sense-Data and Perception // Themes from G. E. Moore: New Essays in Epistemology and Ethics.* Eds. S. Nuccetelli, G. Seay. Oxford: Clarendon Press, 2007. P. 134–135.

³ Иногда этот аргумент дополняется следующими утверждениями: (4) если не все, а только некоторые чувственные данные, принадлежащие материальному объекту (конкретной вещи) или его поверхности, тождественны им, тогда должна быть осязаемая разница между чувственными данными, которые тождественны этим поверхностям, и чувственными данными, которые им не тождественны; однако, (5) восприятие материального объекта (конкретной вещи) не может нам предоставить реальный опыт таких качественных различий, скорее напротив, в реальном опыте восприятия нет никакой осязаемой качественной разницы между такими чувственными данными; следовательно, (6) принадлежащие материальному объекту (конкретной вещи) или его поверхности чувственные данные не могут быть им тождественны. Подробнее об этом см.: *Dicker G. Perceptual Knowledge: An Analytical and Historical Study.* Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1980. P. 30–33.

ны, либо в виде правильной окружности)¹. Это значит, что чувственные данные, воспринимаемые наблюдателями, не могут быть тождественны *этой* монете (либо одной из ее поверхностей). Ведь одна и та же монета не может иметь одновременно разные размеры и формы².

По мнению Мура, это вынуждает нас принять довольно обременительный онтологический тезис о том, что существуют особые конечные объекты непосредственного восприятия, отличные от поверхностей материальных объектов (конкретных вещей). А значит, вновь ставит нас перед вопросом о правильном анализе природы объектов нашего восприятия. Что именно происходит, когда мы «*Это*» видим? И что, в конечном счете, значит видеть «*Это*»?

Устанавливая границы между видением материального объекта и нашей возможностью делать о нем суждения в случаях, когда мы при помощи фраз «*Это — рука*» или «*Это — монета*» идентифицируем различные конкретные вещи (руки или монеты), Мур признает, что в таких наших суждениях всегда есть некоторого рода неустранимая *косвенность*: мы способны судить о материальных объектах лишь благодаря тому, что в нашем восприятии *присутствует нечто от них отличное* — чувственные данные, которые на самом деле и есть конечные и непосред-

¹ По мнению Мура, вполне очевидно, что в равной степени это было бы справедливо и для одного единственного наблюдателя: он также имел бы *разный* визуальный опыт *одной и той же* монеты, если бы в процессе своего наблюдения то приближался бы к ней, то отдалялся бы, либо ошутимым образом менял бы свой угол зрения на нее.

² Ср. с этим: Moore G. E. The Presidential Address: Some Judgments of Perception. P. 23–24. Также см.: Moore G. E. The Status of Sense-Data. P. 372.

ственные объекты наших восприятий¹. Поэтому правильный анализ высказывания «Это — монета» должен иметь следующую форму². «*Это*» здесь определяется Муром как совокупность *чувственных данных*, о которой каждый наблюдатель, находящийся в ситуации актуального перцептивного опыта, непосредственно осведомлен³. Но тогда в чем заключается природа самого этого отношения R? И что, в итоге, это значит для наших знаний о самих материальных объектах (конкретных вещах)? Возможный и, как считает Мур, довольно правдоподобный ответ на этот вопрос включает в себя базовые принципы непрямого реализма (Indirect Realism): (8.1) существует некоторое изначальное, не поддающееся

¹ Иными словами, *реальными* объектами таких суждений (the real or ultimate subjects of all such judgments) служат сами чувственные данные: «... я просто не могу вынести суждение ни об одной из... [конкретных вещей, наподобие руки или монеты. — прим. А. Н.] так, чтобы это не было суждением о соответствующих чувственных данных». Moore G. E. The Presidential Address: Some Judgments of Perception. P. 14.

² Подробнее см.: Moore G. E. The Presidential Address: Some Judgments of Perception. P. 14–15. Мур Дж. Э. Защита здравого смысла // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). С. 152. Также сравним с этим: Baldwin T. G. E. Moore. P. 238. Martin M. G. F. Moore's Dilemma // Phenomenal Qualities: Sense, Perception, and Consciousness / Eds. P. Coates, S. Coleman. New York: Oxford University Press, 2015. P. 152–153.

³ Сравним с этим: Moore G. E. The Presidential Address: Some Judgments of Perception. P. 14–15. Также см.: Baldwin T. G. E. Moore. P. 150. Полагаясь в своих поисках, прежде всего, на психологическую интроспекцию, Мур пытается отыскать наиболее устойчивое к любым скептическим возражениям объяснение природы перцептивного опыта.

дальнейшему анализу отношение «*быть проявлением*» (being a manifestation of) между материальными объектами (конкретными вещами) и переживаемыми нами в актуальном перцептивном опыте чувственными данными; причем такое, (8.2) что на его основе мы способны интуитивно (или немедленно) знать, что *именно «Это»* (актуально переживаемая нами совокупность чувственных данных) служит проявлением некоторого напрямую не воспринимаемого материального объекта¹; (8.3) и то, какими нам кажутся в переживаемом восприятии конкретные вещи, является конститутивным для их *реальных* свойств².

Признание того, что переживаемые нами в актуальном перцептивном опыте чувственные данные являются

¹ Эпистемологическая составляющая доктрины непрямого реализма обязательно включает в себя утверждение о том, что «мы никогда не воспринимаем внешний мир напрямую, вместо этого мы сперва „воспринимаем“ такие зависимые от нашего сознания сущности, как ощущения». *Brown D. H. Indirect Perceptual Realism and Demonstratives // Philosophical Studies. 2008. Vol. 145. №. 3. P. 377.* В этой связи возникает соблазн рассматривать доктрину непрямого реализма (и составляющие ее различные теории чувственных данных) в качестве одной из форм репрезентационизма. Однако такое довольно популярное толкование не столь очевидно и однозначно, как может показаться на первый взгляд. Подробнее об этом см.: *Macpherson F. Is the Sense-Data Theory a Representationalist Theory? // Ratio. 2014. Vol. 27. №. 4. P. 369–392.*

² Подробнее см.: *Moore G. E. The Presidential Address: Some Judgments of Perception. P. 27.* Позднее, в своей *Защите здравого смысла* 1925 г. Мур подтвердит свою приверженность этому анализу: «... я считаю достоверно истинным, что я не воспринимаю *непосредственно свою руку* и что когда мне предлагают (вполне корректно) „воспринять“ ее и я делаю это, происходит следующее: я воспринимаю (в другом и более фундаментальном смысле) нечто, являющее-

конечными и непосредственными объектами наших суждений о восприятии, неизбежно влечет за собой онтологическую инфляцию³, которая, в свою очередь, становится источником серьёзных проблем, поскольку вступает в открытый конфликт с точкой зрения здравого смысла. Ведь мы вполне могли бы задаться вопросом: все ли актуальные случаи нашего перцептивного опыта включают в себя ссылки на *реально* существующие материальные объекты (конкретные вещи)? Как быть с примерами восприятия, когда мы переживаем некоторый галлюцинаторный опыт⁴?

С одной стороны, кажется, что возможность галлюцинаторного перцептивного опыта должна подкреплять

ся... *представителем* [representative] моей руки, а именно определенной части ее поверхности». Мур Дж. Э. Защита здравого смысла // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). С. 150. Ср. с этим также: Moore G. E. The Nature of Sensible Appearances. P. 183.

³ В этой связи, в частности, Мур указывает: «... мы не судим в отношении представленного объекта, о котором мы делаем наше суждение, что это — вещь того же рода, для которой термин, как кажется, выражающий предикат нашего суждения, является именем». Moore G. E. The Presidential Address: Some Judgments of Perception. P. 11.

⁴ Важно отличать подлинные галлюцинации от обычных иллюзий. Например, при определенных обстоятельствах (интенсивности освещения, угле зрения и пр.) я могу смотреть на серого слона и видеть его *как* розового. Несмотря на это, я точно знаю, что такая конкретная вещь, как слон, существует в поле моего зрения (допустим, я прямо перед закатом нахожусь в зоопарке). В галлюцинаторном же опыте я лишь обладаю некоторым чувственным восприятием, имея разумные основания полагать, что в действительности моим текущим переживаниям не соответствует никакая конкретная вещь (скажем, я достоверно

представление о существовании особых конечных объектов непосредственного восприятия, отличных от поверхностей материальных объектов (конкретных вещей). И действительно, аргумент галлюцинации (*The Argument from Hallucination*) обладает следующей формальной структурой⁵:

9.1) Галлюцинаторный перцептивный опыт феноменологически неотличим от примеров негаллюцинаторного восприятия;

9.2) Если галлюцинаторный перцептивный опыт невозможно отличить от негаллюцинаторного, тогда непосредственный объект восприятия для обоих этих видов перцептивного опыта должен быть одинаковым;

9.3) Если непосредственный объект восприятия одинаков как для галлюцинаторных, так и для негаллюцинаторных переживаний, тогда для обоих этих видов перцептивного опыта объектами восприятия являются чувственные данные;

9.4) Когда мы переживаем перцептивный опыт (галлюцинаторный или негаллюцинаторный) непосредственными объектами нашего восприятия являются чувственные данные.

знаю, что в настоящий момент времени нахожусь у себя дома, а не в зоопарке, но также я осведомлен и о том, что прямо сейчас вижу перед собой розового слона). В частности, ср. с этим: *Fish W.* Perception, Hallucination, and Illusion. Oxford: Oxford University Press. P. 80, 146.

⁵ Ср. с этим: *Moore G. E.* The Presidential Address: Some Judgments of Perception. P. 24–25. Также см.: *Dicker G.* Perceptual Knowledge: An Analytical and Historical Study. P. 68–75. *Moltke S. G.* Direct Realism: A Study of Perception. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1983. P. 111–112. *Robinson H.* Perception. London: Routledge, 1994. P. 87. *Fish W.* Philosophy of Perception: A Contemporary Introduction. New York: Routledge, 2010. P. 12–13.

Однако, с другой стороны, этот же аргумент ставит под сомнение наши привычные реалистические интуиции (8.2) и (8.3) о существовании независимых от сознания материальных объектов (конкретных вещей), проявлениями которых должны быть переживаемые мной в актуальном опыте чувственные данные, поскольку мое восприятие объекта *X* как некоторой конкретной вещи *M* не влечет за собой знания о существовании *X*, потому что опыт восприятия *X* как *M* может быть точным образом продублирован моими актуальными переживаниями, даже если сам этот *X* не существует¹. Мур не знает, каким образом мы могли бы отклонить очевидные скептические интуиции, поддерживаемые аргументом гал-

¹ Более распространенная скептическая формулировка этого аргумента позволяет, в частности, показать эпистемическую уязвимость любых наших знаний о внешнем мире, если они основаны на суждениях о чувственных данных: (1) метафизически возможно, чтобы кто-то из нас был обманут злым демоном, и это вполне совместимо со всеми переживаниями, которые мы в настоящий момент времени испытываем; (2) поскольку наше знание каузально зависит от переживаний, которые мы испытываем, любой из тех, кого действительно обманывает злой демон, не может знать на основании своих переживаний о том, что злой демон его не обманывает; (3) поскольку мы имеем в точности такие же переживания, что и любой из тех, кого действительно обманывает злой демон, каждый из нас может прямо сейчас находиться в его положении; (4) а это значит, что каждый из нас оказывается не в лучшем положении относительно своего знания о том, обманывает ли его злой демон, чем любой из тех, кого действительно обманывает злой демон. Иными словами, если мы действительно хотим узнать что-либо о внешнем мире на основе своего перцептивного опыта, тогда мы должны иметь возможность знать заранее, что злой демон нас не обманывает. Подробнее см.: Pryor J. *The Skeptic and the Dogmatist* // *Noûs*. 2000. Vol. 34. 3. 4. P.

люцинации², полагая, что нашей веры в достоверность некоторых пропозиций здравого смысла (и прежде всего, наших привычных перцептивных убеждений³) вполне достаточно, чтобы мы могли позволить себе просто их игнорировать.

Тем самым, мы видим, что в собственной теории восприятия Мур довольно последовательно пытается придерживаться одновременно нескольких трудно сов-

522–528, 543.

² В отличие от любых примеров с восприятием иллюзий, которые в целом, по-видимому, не способны заблокировать действие наших реалистических интуиций (IR2) и (IR3). В частности, одна из ранних работ Мура *The Nature and Reality of the Object of Perception* (1906 г.) содержит типичное для основанного на здравом смысле реализма описание переживаний иллюзорного перцептивного опыта: «... некоторые из чувственных качеств, которые мы воспринимаем, действительно не существуют в тех местах, где они кажутся нам существующими, однако, другие — существуют». *Moore G. E. The Nature and Reality of Objects of Perception*. P. 124–125. Ср. с этим: *Хилл Т. И. Современные теории познания*. С. 173. Наиболее простой способ борьбы с примерами подлинных галлюцинаций склоняет к тому, чтобы отказаться от трактовки содержания наших чувственных данных как партикулярий. Тем не менее, Мур не был готов поддержать такое решение; напротив, он упорно настаивал на том, что перцептивный опыт должен толковаться именно как переживания определенных объектов, обладающих некоторыми чувственными качествами, а не как переживания самих этих чувственных качеств. Ср. с этим: *Baldwin T. G. E. Moore*. P. 234.

³ Мур призывает нас больше доверять тому, во что мы все привычно верим в своей обычной жизни, ведь, как он пишет: «... в тот момент, когда я действительно смотрю на свою руку, мне очень трудно поверить, что цвета, которые я вижу, на самом деле на поверхности руки отсутствуют [are not really on the surface of the hand], — там же, где она сейчас — как материальный объект — находится». *Moore G. E. Some Main Problems of Philosophy*. P. 137.

местимых принципов: (ТВ1) нельзя судить о конкретных материальных вещах как об объектах восприятия независимо от переживаемых в актуальном перцептивном опыте чувственных данных; (ТВ2) суждения об этих чувственных данных есть также (в определенном смысле) и суждения о самих этих конкретных материальных вещах; (ТВ3) это значит, что нормальный (негаллюцинаторный) перцептивный опыт наряду с ощущениями и фактами непосредственной осведомленности о переживаемых качествах воспринимаемых нами чувственных данных, также включает в себя («как само собой разумеющееся») и наши пропозициональные убеждения, что существуют некоторые независимые причины этих переживаний — материальные объекты, представленные во внешнем мире в виде различных конкретных вещей¹ (рук, пальцев, монет, чернильниц, карандашей и пр.).

¹ Подобные взгляды на природу восприятия разделяли многие сторонники теории чувственных данных. Например, Генри Прайс в своем знаменитом исследовании *Perception* (1932 г.) также говорит о том, что правильный анализ ситуации восприятия, где мы переживаем некоторый актуальный перцептивный опыт, показывает одновременное присутствие в ней не только одних чувственных данных (феноменальных компонентов), которые мы непосредственно осознаем (to have acquaintance with a sense datum), но и соответствующих убеждений в существовании воспринимаемого объекта (пропозициональных компонентов), которые мы принимаем как нечто само собой разумеющееся без всяких размышлений и дополнительных свидетельств (to take for granted the existence of material thing). Подробнее см.: Price H. H. *Perception*. London: Methuen, 1932. P. 141, 166. Также см.: Fish W. *Philosophy of Perception: A Contemporary Introduction*. New York: Routledge, 2010. P. 24.

«Натуралистическая ошибка» и метаэтика¹

История моральной философии XX века открывается знаменитым исследованием Мура «Principia Ethica»² 1903 г. Именно эта работа, скромного по философским меркам объема, подготовила почву для появления новых оригинальных исследований языка этики и значения нормативных понятий³.

Мур считает, что принципы этики должны опираться на *понятие простого неприродного морального свойства*⁴. Чтобы подкрепить свои взгляды, он проводит аналогию между моральными свойствами и нашим понятием цве-

¹ Материалы этого раздела частично были опубликованы в виде отдельной статьи: *Hexaев А. В.* Джордж Эдвард Мур в истории Аристотелевского общества XX века // *Философия, социология, право: традиции и перспективы: сборник научных трудов Всероссийской научной конференции, посвященной 30-летию Института философии и права СО РАН, Новосибирск, 19–20 ноября 2020 г.* Под ред. М. Н. Вольф. Новосибирск, 2020. С. 78–81.

² Основой этой работы стала серия публичных лекции по этике (1898 г.), прочитанных Муром для слушателей Лондонской школы этики и социальных наук (London School of Ethics and Social Philosophy). *Baldwin T., Preti C.* Editors' Introduction // *G. E. Moore: Early Philosophical Writings / Eds. T. Baldwin, C. Preti.* Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. xx–xxi.

³ Ср. с этим: *Darwall S., Gibbard A., Railton P.* Toward Fin de Siècle Ethics: Some Trends // *The Philosophical Review.* 1992. Vol. 101. №. 1. P. 115. *Baldwin T. G. E. Moore.* London: Routledge, 1999. P. 66. *Rosati C. S.* Agency and the Open Question Argument // *Ethics.* 2003. Vol. 113. №. 3. P. 491. Кроме того, см.: *Sinclair N.* The Naturalistic Fallacy and the History of Metaethics // *The Naturalistic Fallacy.* Ed. N. Sinclair. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 10–13, 24–29.

та. По мнению Мура, наглядным примером того, что мы могли бы называть «простым понятием», служит понятие желтого цвета, ведь такое понятие нельзя объяснить в терминах каких-либо других понятий или свойств⁵. Сложные понятия, напротив, допускают дальнейший анализ, — например, если взять понятие лошади в качестве образца сложного свойства, в рамках анализа его можно будет разложить на сумму определений, включающих в себя более простые понятия, обозначающие совокупность свойств, которыми в природе обычно обладают реальные лошади⁶. Понятие желтого цвета, однако, не допускает дальнейшего анализа, его невозможно объяснить тому, кто не имел реального визуального опыта, связанного с восприятием объектов, окрашенных в желтый цвет. Именно поэтому понятие желтого цвета является простым, которое в ходе анализа нельзя разбить на какие-либо составные части⁷. То, что мы *видим как* желтое — это просто желтый цвет и более об этом цвете нам сказать нечего⁸. Согласно взглядам Мура, это в равной степени верно и в отношении всего того, что мы могли бы назвать «моральными свойствами»⁹. Никакое

⁴ Мур Дж. Э. Принципы этики. М, 1984. С. 79. Также см.: Moore G. E. Preface to the Second Edition // Principia Ethica: Revised Edition. Ed. T. Baldwin. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 13–15.

⁵ Мур Дж. Э. Принципы этики. С. 63–64.

⁶ Там же. С. 64.

⁷ Там же. С. 67. Другими словами, благо не является, «в противоположность большинству предикатов, частью предмета, которому мы его приписываем». Мур Дж. Э. Принципы этики. С. 203. Ср. с этим: Soames S. Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol.1: The Dawn of Analysis. P. 38.

⁸ Предвосхищая грядущие споры о природе феноменальных квалиа,

моральное свойство (например, понятие блага¹⁰) нельзя посредством *правильного анализа* свести к каким-либо неморальным (природным¹¹ или даже метафизическим¹²)

Мур отказывается принять любые определения, основанные на знании физики цвета, в качестве релевантных для нашего понятия желтый цвет. Ведь если бы кто-либо сказал, что желтый цвет есть электромагнитное излучение с длинами волн от 550 до 590 нанометра, мы совершили бы ошибку, приняв такое заявление в качестве определения того, что такое желтый цвет, поскольку, как замечает Мур: «... минутного размышления достаточно для того, чтобы убедиться в неадекватности световых волн тому, что мы подразумеваем под желтым цветом. *Самих волн* мы не воспринимаем». Мур Дж. Э. Принципы этики. С. 67. Также см.: Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol.1: The Dawn of Analysis*. P. 10, 42–44. Логинов Е. В. Понятие «универсальность» в моральной философии Дж. Э. Мура // *Этическая мысль*. 2020. Т. 20. №. 2. С. 56–57.

⁹ Мур лаконичным образом резюмирует свои этические взгляды в следующих словах: «Если меня спросят: „Что такое благо?“, — я скажу, что благо есть благо, и что мне больше нечего к этому добавить [that is the end of the matter]. Либо если меня спросят: „Как благо должно быть определено?“, — я отвечу, что оно не может иметь никакого определения, и это все, что я могу о нем сказать» [*Перевод исправлен. — Прим. А. Н.*]. Мур Дж. Э. Принципы этики. С. 63.

¹⁰ Понятие блага (goodness) является в некотором смысле ключевым, поскольку именно на нем основываются все остальные нормативные понятия этики и наши моральные высказывания, — в частности, о правильном и неправильном действии или наших обязательствах в отношении других. Например, см.: Moore G. E. *Preface to the Second Edition // Principia Ethica: Revised Edition / Ed. T. Baldwin. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 5*. Ср. с этим: Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol.1: The Dawn of Analysis*. P. 10, 35–37. Hurka T. *British Ethical Theorists from Sidgwick to Ewing*. Oxford: Oxford University

свойствам, ведь в противном случае, оно не было бы подлинным примером простого понятия¹³.

По мнению Мура, вся прежняя моральная философия была основана на подобной натуралистической

Press, 2014. P. 22–23. *Логинов Е. В.* Понятие «универсальность» в моральной философии Дж. Э. Мура. С. 56. Однако позднее Мур все же отказывается от своего представления, что любое нормативное этическое понятие (правильное/неправильное, должное и т.д.) может быть определено в терминах блага. Причина такого изменения во взглядах, прежде всего, связана с тем, что наши нормативные высказывания (например, утверждения о должном), по мнению Мура, не могут быть аналитически связаны с понятием обладающего собственной внутренней ценностью блага, иначе всякое нормативное высказывание, обязывающее нас совершать действие, максимально способствующее достижению такого блага, выражало бы очевидную тавтологию. Например, см.: *Russell B.* Review of G. E. Moore's *Principia Ethica* // *Russell on Ethics* / Ed. C. Pigden. London: Routledge, 1999. P. 100. Также см.: *Мур Дж. Э.* Этика // *Природа моральной философии.* М., 1999. С. 252–253, 285–288. Ср. с этим: *Olson J. G.* E. Moore on Goodness and Reasons // *Australasian Journal of Philosophy.* 2006. Vol. 84. №4. P. 528.

¹¹ Значением термина «природный» (natural) здесь может служить любое свойство, которое доступно для исследования с помощью эмпирических научных методов. *Мур Дж. Э.* Принципы этики. С. 103. *Moore G. E.* Preface to the Second Edition // *Principia Ethica: Revised Edition.* Ed. T. Baldwin. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 13. Ср. с этим: *Feldman F.* The Naturalistic Fallacy: What It Is, and What It Isn't // *The Naturalistic Fallacy* / Ed. N. Sinclair. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 49–52.

¹² Мур использует термин «метафизический» для указания на различные виды свойств и понятий, которые обладают интенциональным существованием и находятся за пределами любых возможных эмпирических исследований. *Мур Дж. Э.* Принципы этики. С. 189. *Moore G. E.* Preface to the Second Edition. P. 12. Также см.: *Feldman F.* The Naturalistic Fallacy: What It Is, and What It Isn't. P. 50–52.

ошибке¹⁴ (Naturalistic Fallacy) — представлении о том, что понятие блага на самом деле является тождественным некоторым природным (неморальным) свойствам¹⁵ и поэтому оно может стать объектом нашего анализа¹⁶. Для надежного обоснования своих этических взглядов Мур прибегает к помощи так называемого «аргумента

¹³ В неопубликованном при жизни Мура предисловии ко второму изданию *Principia Ethica* (1921—1922 гг.) он выражает свои этические взгляды в чуть более осторожной манере: «... *G* [благо. — Прим. А. Н.] не может быть полностью проанализировано в терминах природных или метафизических свойств, и даже если бы... оно в принципе было доступно для анализа, нам для этого непременно потребовалось бы... другое, неразложимое посредством анализа понятие [some unanalysable notion], которое не тождественно каким-либо природным или метафизическим свойствам». *Moore G. E. Preface to the Second Edition. P. 14.* Ср. также с этим: *Feldman F. The Naturalistic Fallacy: What It Is, and What It Isn't. P. 37, 40.*

¹⁴ По словам самого Мура, натуралистическая ошибка заключается «... в отождествлении простого понятия, обозначаемого словом „благо“, с каким-либо другим понятием». *Мур Дж. Э. Принципы этики. С. 123.* Подробнее см.: *Мур Дж. Э. Принципы этики. С. 263—264.* Первые упоминания об ошибке подобного рода, свойственной любым эмпирическим определениям блага [the fallacy involved in all empirical definitions of the good], появляются еще в диссертации Мура (1897 г.). *Moore G. E. The 1897 Dissertation: The Metaphysical Basis of Ethics // G. E. Moore: Early Philosophical Writings / Eds. T. Baldwin, C. Preti. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 10.*

¹⁵ Вполне очевидно, что цена подобной ошибки невероятно высока, поскольку, как пишет Мур, вопрос о должном определении блага («How «good» is to be defined?») и есть наиболее фундаментальный вопрос этики. Ср. с этим: *Мур Дж. Э. Принципы этики. С. 62.* *Moore G. E. Preface to the Second Edition. P. 5.*

открытого вопроса» (The Open Question Argument). Он применяется Муром как своеобразный практический тест и опирается на наши общие интуиции в отношении значения слов, которые мы обычно используем для выражения моральных свойств, показывая, что любое возможное определение для понятия блага в действительности не работает. Например, мы можем вполне разумно предположить, что подлинное благо (*G*) заключается в стремлении к удовольствиям (*P*). Если мы согласны с таким определением, тогда замена в наших моральных высказываниях «блага» (*G*) на «удовольствие» (*P*) никак не должна влиять на их значение. Тем не менее, на конкретных примерах легко убедиться, что это вовсе не так. Скорее напротив, мы убеждаемся, что всякая такая замена меняет исходное значение наших моральных высказываний. Допустим, мы интуитивно согласны с высказыванием (*PI*) «Вкусная пища приносит удовольствие», а значит имеем, казалось бы, все основания утверждать, что (*G2*) «Вкусная пища — это благо». Нетрудно заметить, однако, что «стремление к удовольствиям» в (*PI*)

¹⁶ Например, см.: Мур Дж. Э. Принципы этики. С. 67–68. Критика Муром традиционных оснований моральной философии породила невероятное множество самых разных пониманий того, в чем же именно заключается натуралистическая ошибка. Простые (и даже в чем-то грубые) интерпретации настаивают на том, что совершить натуралистическую ошибку — значит дать *определение неопределимого* свойства; более тонкие и изощренные — понимают под натуралистической ошибкой любые попытки неправильного определения свойства, например, когда мы, допустив по небрежности в своем определении категориальную ошибку, ложно думаем (на основе неадекватных доказательств), что два *разные* свойства *тождественны*. Ср. с этим: Baldwin T. G. E. Moore. P. 69–70. Также см.: Feldman F. The Naturalistic Fallacy: What It Is, and What It Isn't. P. 41–48.

имеет иное значение, нежели «благо» в (*G2*), поскольку, даже если мы интуитивно принимаем истинность (*PI*), мы могли бы разумно и оправдано задать вопрос «Является ли благом вкусная пища?». Иными словами, мы можем знать, что (*PI*) истинно, в то время как истинность (*G2*) остается для нас открытым вопросом. Истинность (*PI*) не делает высказывание (*G2*) тривиальным фактом, поскольку мы видим, что эти высказывания имеют разные значения. И оправданные подозрения в том, что моральные высказывания (*PI*) и (*G2*) в действительности не означая одного и того же, открыто свидетельствуют против нашей исходной веры в обоснованность определения блага как стремления к удовольствиям¹. По мнению Мура, какие бы в конечном счете определения для понятия блага мы не предложили, пытаюсь редуцировать

¹ Разумеется, приведенный здесь пример — это всего лишь упрощенная форма оригинального «аргумента открытого вопроса», подробно изложенного Муром в §13 *Principia Ethica*. Подробнее см.: Мур Дж. Э. Принципы этики. С. 73–75. Также см.: Lewy C. G. E. Moore on the Naturalistic Fallacy // *Proceedings of the British Academy*. 1964. Vol. 50. P. 251–262. Rosati C. S. Agency and the Open Question Argument // *Ethics*. 2003. Vol. 113. №. 3. P. 490–527. Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century*. Vol.1: The Dawn of Analysis. P. 45–62. Strandberg C. In Defence of the Open Question Argument // *The Journal of Ethics*. 2004. Vol. 8. №. 2. P. 179–196. Altman A. Breathing Life into a Dead Argument: G.E. Moore and the Open Question // *Philosophical Studies*. 2004. Vol. 117. №. 3. P. 395–408. Feldman F. The Open Question Argument: What it Isn't; and What it Is // *Philosophical Issues*. 2005. Vol. 15. P. 31–37. Fisher A. *Metaethics: An Introduction*. Durham: Acumen Publishing, 2011. P. 12–23. Sinclair N. The Naturalistic Fallacy and the History of Metaethics // *The Naturalistic Fallacy* / Ed. N. Sinclair. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 20–24. FitzPatrick W. J. Open Question Arguments and the Irreducibility of Ethical Normativity // *The Naturalistic Fallacy* / Ed.

понятие блага (G) к некоторому неморальному (природному или метафизическому) свойству X , вопрос «Действительно ли это X есть благо (G)?» всегда останется открытым и осмысленным². Вполне очевидно, что этот вопрос было бы неразумно задавать, если бы нам все же удалось подыскать верное определение для понятия блага (G)³, успешно редуцирующее его каким-либо неморальным (природным или метафизическим) свойствам.

Аргумент открытого вопроса, таким образом, мож-

N. Sinclair. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 138–161.
Vessel J.-P. Moore's Open Question Maneuvering: A Qualified Defense // The Journal of Ethics. 2020. Vol. 24. №. 1. P. 91–117.

² Свою критику Мур адресует не только таким этическим системам, которые мы вправе были бы называть натуралистическими (гедонизм, утилитаризм, эволюционизм и пр.). Мур Дж. Э. Принципы этики. С. 104. В равной степени эта критика применима и к метафизическим этикам (стоицизм, кантианская этика долга и пр.). Подробнее об этом см.: Мур Дж. Э. Принципы этики. С. 186–225. Более того, речь не идет также исключительно об одних лишь светских этиках, ведь в натуралистической ошибке можно обвинить любые формы религиозной этики (христианство, ислам и пр.). В частности, используя аргумент открытого вопроса, мы можем убедиться, что любая попытка свести понятие блага к «тому, что хочет Бог», также оказывается провальной, но не из-за того, что обычно «Бог хочет смерти всех неверных», а по причине того, что вопрос « X есть то, чего хочет Бог, но благо ли это?» здесь также остается открытым и осмысленным. Ср. с этим: Мур Дж. Э. Принципы этики. С. 209. Кроме того, см.: Fisher A. Good, God, and the Open-Question Argument // *Religious Studies*. 2005. Vol. 41. №. 3. P. 335–341.

³ Ведь, например, верность нашего определения холостяка как неженатого мужчины оборачивается откровенной бессмысленностью вопроса «Является ли неженатый мужчина холостяком?».

но представить в виде следующей формальной структуры:

1) Термины « G » и « X » обозначают одно и то же свойство, если и только если они являются по своему значению синонимами;

2) Термины « G » и « X » не являются синонимами во всех тех случаях, когда вопрос «Являются ли G -объекты X ?» оказывается закрытым (бессмысленным), а вопрос «Являются ли X -объекты G ?» остается открытым (осмысленным);

3) Если « G » есть «благо», тогда при любом натуралистическом понимании значения термина « X » вопрос «Являются ли X -объекты G ?» остается открытым (осмысленным);

4) Благо (G) не является тождественным никакому природному свойству (X)¹.

При помощи этого аргумента Мур вскрывает характерные особенности нашего интуитивного понимания феноменов морали, равно как и семантические возможности традиционных этических словарей, используемых для их описания. Ведь если бы, например, наш анализ

¹ Иногда вместо классического семантического толкования структуры аргумента открытого вопроса используется модифицированная нормативная интерпретация. В этом случае аргумент принимает следующий вид: (OQA1*) если что-либо является благом, тогда необходимым образом существует причина, обязывающая нас этого добиваться; (OQA2*) однако не существует ни одного такого неморального (природного или метафизического) свойства, которое могло бы выступать в качестве обязывающей причины для наших действий; (OQA3*) следовательно, благо не является неморальным (природным или метафизическим) свойством. Ср. с этим: *Darwall S., Gibbard A., Railton P. Toward Fin de Siècle Ethics: Some Trends // The Philosophical Review. 1992. Vol. 101. 3. 1. P. 116–117.*

понятия блага действительно оказался правильным, любые вопросы в отношении этого морального свойства были бы, в конечном счете, либо сняты, либо казались бессмысленными, поскольку в результате такого анализа мы должны были бы получить корректное определение в терминах, значение которых *синонимично* понятию блага, где есть описание некоторого неморального (природного или метафизического) свойства тождественного тому, что мы интуитивно принимаем в качестве подлинного блага¹.

В целом этические взгляды Мура можно суммировать в следующих принципах:

¹ Разумеется, революционная критика Мура традиционных оснований моральной философии не могла не встретить сопротивления. Многие исследователи находили «аргумент открытого вопроса» недействительным, путанным и лишенным всякой доказательной силы, либо полагали, что его следует отвергнуть по причине некорректности семантических взглядов Мура, который, как известно, не делал никаких различий между свойствами, именами свойств и понятиями. Например, подробнее об этом см.: *Frankena W. K.* The Naturalistic Fallacy // *Mind*. 1939. Vol. XLVIII. №. 192. P. 464–477. DOI: 10.1093/mind/XLVIII.192.464. *Hancock R.* The Refutation of Naturalism in Moore and Hare // *The Journal of Philosophy*. 1960. Vol. 57. №. 10. P. 327–330. *Harman G.* the Nature of Morality. New York: Oxford university Press, 1977. P. 19–20. Другие обвиняли Мура в том, что на самом деле существуют очевидные примеры истинных утверждений о тождестве, в которых используемые термины не являются синонимами (в частности, «вода» и «H₂O»). *Lycan W.* Judgements and Justification. New York, Cambridge University Press, 1988. P. 200–201. *Sturgeon N.* Metaphysics and Epistemology // *The Encyclopedia of Ethics*. Ed. L. Becker, C. Becker. New York: Routledge, 2001. P. 1088–1089. *Sturgeon N.* Moore on Ethical Naturalism // *Ethics*. 2003. Vol. 113. 3. 3. P. 533–534.

(Э1) благо, обладающее внутренней ценностью, является простым неприродным моральным свойством¹ и не может быть определено нами при помощи каких-либо других, неморальных (природных или метафизических) свойств; (Э2) обладая в силу этого уникальным статусом, простое понятие блага² служит независимым объектом этического знания, определяющим его подлинные границы³.

¹ Мур пишет: «*G* — это свойство, зависящее только от внутренней природы вещей, которые им обладают... <...> Тем самым, хотя *G* и зависит от одних лишь внутренних свойств вещей, которые им обладают, и в этом смысле является внутренней ценностью, само оно, все же, не является внутренним свойством». *Moore G. E.* Preface to the Second Edition. P. 22. Также ср. с этим: *Moore G. E.* The Conception of Intrinsic Value // *Philosophical Studies*. London: Routledge & Kegan Paul, 1922. P. 260. Кроме того, см.: *Hutchinson B. G. E.* Moore's Ethical Theory: Resistance and Reconciliation. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 44–45.

² По мнению Мура, «... представляется необходимым рассматривать мир как сформированный из понятий. Это — единственные объекты знания. <...> Вещь становится понятной, когда она анализируется в составляющих ее понятиях». *Moore G. E.* The Nature of Judgment // *Mind*. 1899. Vol. VIII. №. 30. P. 182. Такой взгляд на мир во многом объясняет, почему Мур в своих исследованиях обычно не делает различия между понятиями и свойствами. Ср. с этим: *Regan D. H.* How to Be a Moorean // *Ethics*. 2003. Vol. 113. №. 3. P. 652.

³ В частности, ср. с этим: *Ewing A. C.* Recent Development in British Ethical Thought // *British Philosophy in the Mid-Century: A Cambridge Symposium*. Ed. C. A. Mace. London: George Allen & Unwin Ltd, 1957. P. 84.

Публикации в журнале «Труды Аристотелевского общества»

Moore G. E. Is Existence a Predicate? // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes. 1935—1936. Vol. 15. №. 1. P. 175—188. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/15.1.154;

Moore G. E. Imaginary Objects // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes. 1932—1933. Vol. 12. №. 1. P. 55—70. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/12.1.18;

Moore G. E. Is Goodness a Quality? // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes. 1931—1932. Vol. 11. №. 1. P. 116—131. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/11.1.116.

Moore G. E. Indirect Knowledge // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes. 1928—1929. Vol. 9. №. 1. P. 19—50. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/9.1.19.

Moore G. E. Facts and Propositions // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes. 1926—1927. Vol. 7. №. 1. P. 171—206. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/7.1.153.

Moore G. E. The Nature of Sensible Appearances // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes. 1925—1926. Vol. 6. №. 1. P. 179—189. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/6.1.142.

Moore G. E. Are the Characteristics of Particular Things Universal or Particular? // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes. 1922—1923. Vol. 3. №. 1. P. 95—113. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/3.1.95.

Moore G. E. The Character of Cognitive Acts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1920—1921. Vol. 21. №. 1. P. 132—140. DOI: 10.1093/aristotelian/21.1.123.

Moore G. E. Is the «Concrete Universal» The True Type of Universality? // Proceedings of the Aristotelian Society.

1919—1920. Vol. 20. №. 1. P. 132—140. DOI: 10.1093/aristotelian/20.1.125.

Moore G. E. External and Internal Relations // Proceedings of the Aristotelian Society. 1919—1920. Vol. 20 №. 1. P. 40—62. DOI: 10.1093/aristotelian/20.1.40.

Moore G. E. Is There «Knowledge by Acquaintance»? // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1918—1919. Vol. 2. №. 1. P. 179—193. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/2.1.159.

Moore G. E. The Presidential Address: Some Judgments of Perception // Proceedings of the Aristotelian Society. 1918—1919. Vol. 19. №. 1. P. 1—29. DOI: 10.1093/aristotelian/19.1.1.

Moore G. E. The Conception of Reality // Proceedings of the Aristotelian Society. 1917—1918. Vol. 18. №. 1. P. 101—120. DOI: 10.1093/aristotelian/18.1.101.

Moore G. E. Are the Materials of Sense Affections of the Mind? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1916—1917. Vol. 17. №. 1. P. 418—429. DOI: 10.1093/aristotelian/17.1.418.

Moore G. E. The Implications of Recognition // Proceedings of the Aristotelian Society. 1915—1916. Vol. 16. №. 1. P. 201—223. DOI: 10.1093/aristotelian/16.1.179.

Moore G. E. The Status of Sense-Data // Proceedings of the Aristotelian Society. 1913—1914. Vol. 14. №. 1. P. 355—380. DOI: 10.1093/aristotelian/14.1.355.

Moore G. E. The Subject-Matter of Psychology // Proceedings of the Aristotelian Society. 1909—1910. Vol. 10. №. 1. P. 36—62. DOI: 10.1093/aristotelian/10.1.36.

Moore G. E. Professor James' «Pragmatism» // Proceedings of the Aristotelian Society. 1907—1908. Vol. 8. №. 1. P. 33—77. DOI: 10.1093/aristotelian/8.1.33.

Moore G. E. The Nature and Reality of Objects of Perception // Proceedings of the Aristotelian Society. 1905—1906. Vol. 6. №. 1. P. 68—127. DOI: 10.1093/aristotelian/6.1.68.

Moore G. E. Kant's Idealism // Proceedings of the Aristotelian Society. 1903—1904. Vol. 4. №. 1. P. 127—140. DOI: 10.1093/aristotelian/4.1.127.

Moore G. E. Experience and Empiricism // Proceedings of the Aristotelian Society. 1902—1903. Vol. 3. №. 1. P. 80—95. DOI: 10.1093/aristotelian/3.1.80.

Moore G. E. Mr. McTaggart's «Studies in Hegelian Cosmology» // Proceedings of the Aristotelian Society. 1901—1902. Vol. 2. №. 1. P. 177—214. DOI: 10.1093/aristotelian/2.1.177.

Moore G. E. Identity // Proceedings of the Aristotelian Society. 1900—1901. Vol. 1. №. 1. P. 103—127. P. 10.1093/aristotelian/1.1.103.

Монографии

Moore G. E. Lectures on Philosophy. Ed. C. Lewy. London: George Allen & Unwin Ltd., 1966. 198 p.

Moore G. E. Philosophical Papers. London: George Allen & Unwin Ltd., 1959. 324 p.

Moore G. E. Some Main Problems of Philosophy. London: George Allen & Unwin Ltd., 1953. 380 p.

Moore G. E. Commonplace Book 1919—1953. Ed. C. Lewy. London: George Allen & Unwin Ltd., 1962. 410 p.

Moore G. E. Philosophical Studies. London: Routledge and Kegan Paul, 1922. 342 p.

Moore G. E. Ethics. London: Oxford University Press, 1912. 256 p.

Moore G. E. Principia Ethica. Cambridge: Cambridge University Press, 1903. 232 p.

Публикации на русском языке

Мур Дж. Э. Является ли существование предикатом? (пер. с англ. В. Е. Мельникова) // Вестник Томского го-

сударственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2009. №4 (8). С. 111–122.

Мур Дж. Э. Достоверность (пер. с англ. В. А. Суровцева) // Язык, истина, существование. Томск: ТГУ, 2002. С. 41–62.

Мур Дж. Э. Этика (пер. с англ. Л. В. Коноваловой) // Природа моральной философии. М.: Республика, 1999. С. 223–326.

Мур Дж. Э. Природа моральной философии (пер. с англ. Л. В. Коноваловой) // Природа моральной философии. М.: Республика, 1999. С. 327–346.

Мур Дж. Э. Защита здравого смысла // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). Ред. А. Ф. Грязнов. М.: ДИК, Прогресс-Традиция, 1998. С. 130–154.

Мур Дж. Э. Доказательство внешнего мира / Пер. с англ. И. В. Борисовой // Аналитическая философия: Избранные тексты. Ред. А. Ф. Грязнов. М.: МГУ, 1993. С. 66–84.

Мур Дж. Э. Принципы этики. Пер. с англ. Л. В. Коноваловой. М.: Прогресс, 1984. 326 с.

2.2. Альфред Джулис Айер: язык, логика и этика

Не существует никакой другой проверки или обоснования истин помимо наблюдения и научного опыта.

Мориц Шлик («Поворот Философии»)

Вена—Лондон—Оксфорд

Альфред Джулис Айер — ведущий представитель английского логического эмпиризма, приобрел мировую известность благодаря своей ранней работе «Язык, истина и логика» 1936 г., в которой основополагающие идеи участников Венского кружка (Морица Шлика, Рудольфа Карнапа, Отто Нейрата и др.) сочетались с набирающей популярность и влияние в британских университетах новыми формами лингвистического анализа (теорией дескрипций Бертрانا Рассела, концептуальным анализом Джорджа Эдварда Мура и диспозициональным анализом Гилберта Райла).

Благодаря своим родителям¹ Айер получил образование в престижном частном колледже Итона (The King's College of Our Lady of Eton beside Windsor), после окончания которого он поступает в университет Окс-

¹ Родители Айера принадлежали к очень состоятельным семьям: отец — Джулис Айер, выходец из швейцарского франкофонного кантона Нёвшатель, работал финансистом в семье Ротшильдов; мать — Рейн Ситроен была племянницей основателя французской автомобильной компании. Подробнее см.: *Rogers B. A. J. Ayer: A Life.* New York: Grove Press, 1999. P. 10, 12. Также см.: *Quinton A. Alfred Julis Ayer, 1910–1989 // Proceedings of the British Academy.* 1997. Vol. 94. P. 255.

форда, где его философским наставником становится выдающийся британский философ — Гилберт Райл. Именно по его настоянию Айер отправляется на стажировку в столицу Австрии и посещает регулярные заседания Венского кружка¹. Проведенное в Вене время (1932—1933 г.) становится определяющим для его философских взглядов. Базовые принципы традиционного эмпиризма Джона Локка, Джорджа Беркли и Дэвида Юма (поиски надежных эмпирических предпосылок знания и апелляция к чувственным данным), которые он прочно усвоил в философской среде Оксфорда, дополнились интересом к строгому логическому анализу и стремлением отрицать любые формы спекулятивной метафизики. После возвращения из австрийской столицы, Айер занимается публикацией своей первой книги *Язык, истина и логика*² и продолжает преподавать в родном Оксфорде, пока не получает предложение занять место профессора в Лондонском университетском колледже (1946 г.). Он принимает предложение и переезжает в Лондон, где активно занимается новыми исследованиями в области философской логики, философии языка и сознания, уделяя также время публичной медийной деятельности³. В Оксфорд на место профессора логики

¹ *Quinton A. Ayer's Place in the History of Philosophy // A. J. Ayer Memorial Essays / Ed. A. Phillips Griffiths. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 35. Крафт В.* Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. М., 2003. С. 45. *Stadler F. The Vienna Circle: Studies in the Origins, Development, and Influence of Logical Empiricism. Dordrecht: Springer, 2015. P. 67.*

² Айер приступает к написанию своего opus magna во время рождественских каникул 1933—1934 г. и в июле 1935 г. заканчивает работу над рукописью. Сразу же после своего издания, книга «Язык, истина и логика» становится мировым философским бестселлером.

Айер вернется только спустя тринадцать лет⁴ в 1959 г. За время своей продолжительной академической карьеры в качестве приглашенного лектора Айер посещает многие ведущие университеты мира⁵, становится действительным членом Британской Академии (1952 г.) и почетным членом Американской Академии искусств и наук (1963 г.).

Принцип слабой верификации и значение эмпирических пропозиций

Являясь открытым сторонником логического эмпиризма, Айер признает, что логический анализ значения наших высказываний — единственная достойная цель

³ Он примет именную профессию Уикема (Wykeham Professor of Logic at Oxford), которая освободилась после отставки Генри Прайса — известного британского философа первой половины XX века, специалиста в области теории восприятия и президента Аристотелевского общества (1943—1944 гг.).

⁴ В частности, Айер много писал для популярного британского еженедельника *Spectator*, а также некоторых других не менее известных литературных периодических изданий (еженедельников *Listener*, *New Statesman*, *Observer* и ежемесячника *Encounter*), комментировал футбольные матчи, постоянно выступал на радио и телевидении по различным общественно-политическим темам.

⁵ Многие из прочитанных Айером лекционных курсов станут основой для его поздних публикаций. Например, гарвардские лекции Уильяма Джеймса (1970 г.) публикуются отдельной книгой «Russell and Moore: The Analytical Heritage»; прочитанные в Колумбийском университете лекции Джона Дьюи (1970 г.) издаются позднее в виде книги «Probability and Evidence»; лекции лорда Адама Гиффорда для университета Сент-Эндрюс (1973 г.) также выходят из печати как отдельная книга «The Central Questions of Philosophy».

философского исследования¹. Любые наши знания основываются на опыте и правильный логический анализ того, как значение наших высказываний связано с опытом, показывает бессмысленность любых форм традиционной спекулятивной метафизики².

По мнению Айера, принцип верификации³ является критерием эмпирической осмысленности высказываний⁴. Любое высказывание, выражающее некоторую эмпирическую пропозицию, должно быть верифицируе-

¹ Как и остальные сторонники логического эмпиризма, он считает, что «вопросы, с которыми связана философия, — это чисто логические вопросы». *Ayer A. Дж.* Язык, истина и логика. М., 2010. С. 192.

² В одной из своих ранних работ *Demonstration of the Impossibility of Metaphysics* Айер прямо заявляет, что является главной мишенью его критики: «Моя цель — доказать, что любая попытка описать природу или даже просто утверждать существование чего-либо, лежащего за пределами эмпирического наблюдения, должна заключаться в провозглашении псевдо-пропозиций [pseudo-propositions], последовательностей слов, которые кажутся чем-то похожими на структуры предложения, но которые в действительности лишены всякого значения [meaningless]». *Ayer A. J.* *Demonstration of the Impossibility of Metaphysics* // *Mind*. 1934. Vol. XLIII. №. 171. P. 335. Ср. также с этим: *Ayer A. Дж.* Язык, истина и логика. С. 45–46, 56, 63, 72, 79–81. Более того, Айер настаивает, что подобная невозможность выйти за пределы чувственного опыта служит правилом, определяющим буквальное значения любых языковых выражений. *Ayer A. Дж.* Язык, истина и логика. С. 47–48.

³ Этот принцип, служивший ядром исследовательской программы логического эмпиризма, можно обнаружить в большинстве работ представителей этого философского течения. Например, в *Logische Syntax der Sprache* Рудольфа Карнапа. Айер стойко придерживался принципа верификации на протяжении всей своей творческой жизни, даже после того как во второй половине XX века этот принцип

мым при помощи определенного класса предложений наблюдения⁵. Принцип верификации, таким образом, устанавливает, что высказывание *S*, выражающее некоторую эмпирическую пропозицию, обладает значением, если и только если оно *имеет некоторое отношение к реальному или возможному наблюдению*, — то есть значение *S* зависит от утверждений, истинность или ложность которых можно определить при помощи простого наблюдения⁶.

Айер проводит различие между *сильным* и *слабым* принципом верификации⁷. Сильная трактовка требова-

под воздействием многочисленных критиков в стане аналитической философии растерял почти всех своих приверженцев. Ср. с этим ироничные ремарки Айера из его автобиографии, что пусть даже принцип верификации и стал повсеместно презираемым, тем не менее, этот принцип как работал, так и продолжает работать: *Ayer A. J. Part of My Life. London: Collins, 1977. P. 153.*

⁴ В логическом эмпиризме принцип верификации обычно имеет двойное назначение — либо применяется как способ элиминации псевдопропозиций (pseudo-propositions), выраженных не поддающимися какой-либо эмпирической проверке высказываниями, либо используется как метод определения значения высказываний, выражающих подлинные эмпирические пропозиции (genuine factual proposition). Например, см.: *Braithwaite R. B. Two Ways of Definition by Verification // Erkenntnis. 1937. Vol. 7. №. 1. P. 281.*

⁵ Парадигматическими образцами подобных высказываний для логического эмпиризма обычно служат предложения, выражающие научные гипотезы.

⁶ Данное требование выражает, по мнению Айера, основное содержание принципа верификации: «Я понимаю пропозицию, если знаю, какие наблюдения мне необходимо сделать, чтобы установить ее истинность или ложность». *Ayer A. J. Demonstration of the Impossibility of Metaphysics // Mind. 1934. Vol. XLIII. №. 171. P. 337.*

ний принципа верификации гласит, что высказывание не имеет значения, если и только если наш опыт не позволит окончательно образом определить его истинность или ложность, — то есть высказывание S является окончательно верифицируемым \equiv_{df} некоторый конечный набор утверждений о наблюдениях O влечет за собой S , либо высказывание S является окончательно фальсифицируемым \equiv_{df} некоторый конечный набор утверждений о наблюдениях O влечет за собой $\sim S$ ⁸. Однако, как полагает Айер, такая трактовка сталкивается с неразрешимым затруднением: универсальные высказывания («Все люди смертны», «Всякое физическое тело расширяется при нагревании» и др.), которые являются основным содержанием научного знания, не подлежат окончательной верификации⁹. Тем не менее очевидно, что эмпирические пропозиции, выраженные подобными высказываниями, вполне осмысленны, а стало быть, по мнению Айера, — *сильный принцип верификации не стоит рас-*

Также см.: Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 48. Кроме того, ср. с этим: Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol.1: The Dawn of Analysis*. Princeton: Princeton University Press, 2003. P. 272. Никоненко С. В. *Английская философия XX века*. СПб., 2003. С. 263.

⁷ Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 50.

⁸ Подробнее см.: Soames S. *Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol.1: The Dawn of Analysis*. P. 277–282. Также см.: Никоненко С. В. *Английская философия XX века*. С. 266.

⁹ Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 51–52. Ayer A. J. *Verification and Experience* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1936–1937. Vol. 37. №. 1. P. 138. Ср. также с этим: Lazerowitz M. *Strong and Weak Verification* // *Mind*. 1939. Vol. XLVIII. №. 190. P. 206. Никоненко С. В. *Английская философия XX века*. С. 268–269. Никоненко С. В. *Аналитическая философия: основные концепции*. СПб., 2007. С. 133–134.

*считать в качестве корректного критерия определения значения высказываний*¹.

Взамен Айер предлагает использовать слабый принцип верификации, который требует только того, чтобы утверждение о наблюдении *O* могло иметь некоторое отношение к определению истинности или ложности высказывания *S*. Айер разумно предполагает, что на самом деле значение высказывания *S* состоит не в том, чтобы выражать некоторую эмпирическую пропозицию, которая может быть верифицирована при помощи конечно-го набора наблюдений, но лишь в том, что такое высказывание должно быть эмпирически осмысленным, если и только если утверждение о наблюдении *O* могло бы иметь некоторое значение для определения истинности или ложности высказывания *S*². Другими словами, чтобы быть эмпирически осмысленным, высказывание *S* должно являться составной частью некоторой эмпирической теории *T*, из которой можно было бы вывести конкретные прогнозы относительно возможных наблюдений, и такие прогнозы были бы невозможны, если бы эмпирическая теория *T* не включала в себя высказывание *S*³. В этом случае истинность наших предсказаний относительно возможных наблюдений подкрепляла бы уверенность в том, что высказывание *S* также является

¹ В своем анализе сильного принципа верификации Айер, однако, полностью игнорирует класс предложений, включающих в себя смешанные формы квантификации (вроде предложений «На всякий вопрос существует ответ», «Большинство всех яблок зеленые» и др.), которые также очевидным образом не могут быть подвергнуты окончательной верификации.

² Ср. также с этим: *Никоненко С. В.* Английская философия XX века. С. 272–273. *Никоненко С. В.* Аналитическая философия: основные концепции. С. 133–134.

истинным (хотя и не верифицировала бы S окончательно); ложность же таких предсказаний, напротив, снижала бы уверенность в его истинности (но и не опровергала бы S окончательно). Ранняя формулировка слабого принципа верификации, таким образом, устанавливает, что высказывание S обладает значением, если есть некоторый набор предложений, а также некоторое утверждение о наблюдении O , — такое, что O следует из S вместе с набором предложений, но не следует из одних только из них³. Более поздняя формулировка накладывает определенные ограничения на множество возможных высказываний, которые нам необходимы, чтобы сделать утверждение о наблюдении O . Для этого Айер устанавливает новое различие, в котором он разграничивает процедуры *прямой* и *косвенной* верифи-

³ Ср. с этим: *Soames S. Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol.1: The Dawn of Analysis. P. 282–283.*

⁴ *Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 53.* Базовая идея Айера здесь заключалась в следующем: очевидная невозможность окончательной верификации (фальсификации) подлинных эмпирических пропозиций показывает, что критерий эмпирической осмысленности высказываний не может быть равносителен отношениям логической эквивалентности между высказыванием S и некоторым набором утверждений о наблюдениях O , а значит, требуется найти новый способ для определения принципа верификации, в котором утверждения о наблюдениях O имели бы некоторое значение для определения истинности высказывания S , даже в тех условиях, когда они не могут быть эквивалентными друг другу. Проще говоря, Айер полагает, что высказывание S будет обладать значением и являться эмпирически осмысленным, когда в сочетании с некоторым множеством других высказываний T оно способно повлиять на то, какие именно утверждения о наблюдениях O окажутся выводимыми из этого множества высказываний. В противном случае, высказывание S оказывается эмпирически бессмысленным.

кации¹: высказывание S может быть подвергнуто прямой верификации (directly verifiable) \equiv_{df} либо S непосредственно есть утверждение о наблюдении O , либо S в сочетании с набором наблюдений влечет за собой некоторое утверждение о наблюдении O , которое нельзя вывести из самих этих наблюдений; высказывание S может быть подвергнуто косвенной верификации (indirectly verifiable) \equiv_{df} S в сочетании с определенным множеством других высказываний T влечет за собой

¹ Во многом это было сделано под давлением критики, которая убедительным образом показывала, что в данной формулировке слабый принцип верификации становится слишком либеральным, позволяя придавать смысл абсолютно любому высказыванию. Ср. с этим: *Ayer A. Дж. Язык, истина и логика*. С. 24. Например, вполне очевидно, что конъюнкция любого высказывания S (вроде фразы «Эта логическая проблема ярко-зеленая») с условным утверждением, которое устанавливает связь этого высказывания с некоторым наблюдением, влечет за собой утверждение о наблюдении O . И поскольку O не следует из одного только условного утверждения, высказывание S должно выражать подлинную эмпирическую позицию, что абсурдно. В частности, см.: *Berlin I. Verification // Proceedings of the Aristotelian Society*. 1939. Vol. 39, No. 1. P. 234. Более того, если мы допустим, что условное утверждение является аналитической истиной, тогда оно с необходимостью влечет за собой O , т.е. если, например, мы допустим существование таких двух утверждений о наблюдении O_1 и O_2 , для которых связка между ними является аналитической истиной, S будет с необходимостью следовать из этих условных утверждений, а это значит, что абсолютно любое высказывание тогда должно будет обладать значением. Подробнее об этом см.: *Lewis D. Ayer's First Empiricist Criterion of Meaning: Why Does It Fail? // Analysis*. 1988. Vol. 48. No. 1. P. 1–3. Также см.: *Soames S. Philosophical Analysis in the Twentieth Century*. Vol.1: The Dawn of Analysis. P. 284–285.

некоторое утверждение о наблюдении O , которое нельзя вывести только из самого T и это дополнительное множество T также не содержит в себе ничего, что является аналитически истинным либо не может быть подвергнуто прямой верификации. В этой новой формулировке высказывание оказывается эмпирически осмысленным, если оно доступно для прямой или косвенной верификации¹. Ведь высказывание, которое может быть использовано для объяснения или предсказания наших наблюдений, по мнению Айера, обязано быть эмпири-

¹ Несмотря на дополнительные ограничения, новая формулировка слабого принципа верификации все равно осталась уязвимой для возражений. В частности, после выхода второго издания *Языка, истины и логики* в 1946 г., американский логик Алонзо Чёрч в своей рецензии обратил внимание, что данная формулировка имеет очень неприятные следствия — она позволяет доказать верифицируемость как самого высказывания S , так и его отрицания. Например, если взять три логически независимых утверждения о наблюдениях O_1 , O_2 и O_3 , а также любое высказывание S , можно получить следующие выводы. Конъюнкция O_1 и O_2 влечет за собой O_3 , хотя одно O_1 само по себе не влечет за собой O_3 (ведь согласно условиям, они логически независимы друг от друга), а это значит, что конъюнкция доступна для прямой верификации. Теперь если допустить, что конъюнкция не влечет за собой O_2 , тогда S должно быть доступно для косвенной верификации, поскольку конъюнкция O_1 и S влечет за собой O_2 , а конъюнкция доступна (как уже было установлено) для прямой верификации. Если же допустить, что конъюнкция влечет за собой O_2 , тогда связка между O_1 и S влечет за собой O_2 , а это значит, что $ne-S$ доступно для прямой верификации, поскольку, хотя связка и влечет за собой O_2 , одно O_1 само по себе не влечет за собой O_2 (ведь опять же согласно условиям, они логически независимы друг от друга). На основании таких выводов следует признать, что для высказывания S , которое не является аналитической истинной, S и $ne-S$ должно оказаться эмпирически осмысленным. *Church A. Review of the*

чески осмысленным. Слабый принцип верификации не исключает универсальные высказывания, в которых находят свое выражение научные законы, однако, его вполне достаточно, чтобы элиминировать любые формы спекулятивной метафизики, поскольку очевидно, что никакое наблюдение в принципе не может иметь отношение к выявлению условий истинности метафизического высказывания.

Принцип слабой верификации Айера, таким образом, включает в себя следующие ключевые положения: (В1) существуют только два класса языковых выражений, которые обладают значением, — тавтологии, выражающие различные аналитические истины, и эмпирические гипотезы, основная функция которых заключается в том, чтобы обеспечить нас правилами предвосхищения опыта²; (В2) эмпирические осмысленные пропозиции верифицируются реальным или возможным наблюдением; (В3) утверждение о наблюдении является истинным, если это может быть установлено

Second Edition of «Language, Truth and Logic» by A. J. Ayer // The Journal of Symbolic Logic. 1949. Vol. 14. №. 1. P. 53. Кроме того, см.: Lewis D. Statements Partly about Observation // Philosophical Papers. 1988. Vol. 17. №. 1. P. 1–31. Soames S. Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol.1: The Dawn of Analysis. P. 289–291. Также ср. с этим оригинальную модификацию слабого принципа верификации: Wright C. Scientific Realism, Observation and the Verification Principle // Fact, Science and Morality: Essays on A. J. Ayer's «Language, Truth and Logic» / Eds. G. Macdonald, C. Wright. Oxford: Blackwell, 1986. P. 247–274. Wright C. The Verification Principle: Another Puncture — Another Patch // Mind. 1989. Vol. XCVIII. №. 392. P. 611–622. Дополнительные критические замечания см.: Suarez A. G. The Verification Principle: Another Puncture // Analysis. 2000. Vol. 60. №. 3. P. 293–295.

² Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 57–58.

некоторым набором реальных или возможных наблюдений.

Президентский доклад: принцип верификации и высказывания о прошлом

Принцип верификации должен быть применим ко всем без исключения подлинным эмпирическим пропозициям независимо от того, на какие именно временные формы наблюдения они опираются. Однако провозглашая независимость утверждений о наблюдениях от временных условий, в которых такие наблюдения были бы возможны, мы сталкиваемся с очевидной скептической проблемой. Как тогда нам следует относиться к высказываниям о прошлом? Ведь если эмпирический доступ к прошлому для нас блокирован¹, каким образом наши переживания в актуальном настоящем могут стать надежным основанием для веры в существование прошлого события? Логически возможно, чтобы любое событие, о котором, как кажется, мы помним, было событием, которое никогда не происходило в действительности. Нет никакого противоречия в том, чтобы представить себе мир, история существования которого насчитывает всего

¹ Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 33–34. Тем не менее, Айер не считает это чисто практическое затруднение чем-то серьезным, поскольку с его точки зрения ничто не мешает нам предположить, что наблюдатель мог бы занимать другую временную позицию, отличную от его актуальной временной позиции, точно так же, как он мог бы занимать разные пространственные позиции. Ayer A. J. *Statements about the Past: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society*. 1951–1952. Vol. 52. №. 1. P. 9–10. Однако ср. с этим: Данто А. Аналитическая философия истории. М., 2002. С. 47–49.

лишь пять минут со всем возможным множеством воспоминаний об отдаленных событиях прошлого, которые в действительности никогда не происходили¹. А это значит, что любые известные нам события, которые обычно считаются нашим «знанием прошлого», логически от него никак не зависят. Такие события всегда анализируются нами в актуальном настоящем, которое бы являлось тем, чем оно в действительности является даже в том случае, если бы никакого прошлого и вовсе не существовало.

Привычное решение скептической проблемы относительно нашего знания прошлого² требует, по мнению Айера, сильных метафизических допущений, согласно которым мы вправе полагать, что содержание нашего ак-

¹ Подобный скептический аргумент в отношении нашего знания прошлого можно обнаружить, например, в трудах Бертрانا Рассела. *Russell B. The Analysis of Mind*. London: George Allen & Unwin LTD, 1921. P. 159–160.

² В своих исследованиях Айер, разумеется, не склонен обсуждать запутанные технические вопросы методов исторического исследования, ведь очевидно, что скептическая проблема, решение которой он намерен предложить, на самом деле намного более фундаментальна: «... [само] существование прошлого становится философской проблемой. И здесь скептицизм... не оспаривает какой-либо особый набор или тип исторических верований. Вопрос, который он поднимает, заключается в том, достаточно ли у нас оснований для принятия какого-либо высказывания о прошлом, и оправдана ли в целом наша вера в то, что это прошлое было» *Ayer A. J. Statements about the Past: The Presidential Address*. P. 2. В целом же скептическая проблема, возникающая в случае такого особого подкласса эмпирически осмысленных высказываний, как пропозиции о прошлом, привлекала внимание многих исследователей. Например, — известного гарвардского философа Кларенса Льюиса, который в своей работе *Mind and the World-Order* ссылается на похо-

туального опыта может быть *буквально* тождественным содержанию прошлого опыта. Для этого всего лишь необходимо признать, что события прошлого никогда не прекращают существовать, но навсегда остаются в нашем мире, существуя где-то «там»³ и ожидая, чтобы в нужный момент мы их припомнили⁴. И коль скоро события прошлого сохраняют подобным образом свое существование, нет никаких особых причин, по которым мы не могли бы вступать с ними в какие-либо когнитивные отношения⁵. Другим возможным решением могло бы стать утверждение о том, что события прошлого воспринимались нами непосредственно, а значит, — всякое знание о них является достоверным. Но это решение, как считает Айер, не менее проблематично, поскольку не существует никакого удовлетворительного способа доказать, что любые свидетельства нашей памяти являются

жие трудности, связанные с необходимостью представить эмпирическое обоснование для возможности нашего знания о прошлом: «... знание... отождествляется с верификацией, а верификация осуществляется посредством перехода от настоящего к будущему. Тогда прошлое в той мере, в которой мы можем его знать, преобразуется в нечто настоящее и будущее, и мы сталкиваемся с двумя равно неприемлемыми альтернативами: либо прошлое не может быть познано, либо оно в действительности таковым не является». *Lewis C. I. Mind and the World-Order. Outline of a Theory of Knowledge. New York: Charles Schribner's Sons, 1929. P. 148–149. Ср. также с этим: Lewis C. I. An Analysis of Knowledge and Valuation. LaSalle, IL: Open Court, 1946. P. 197–200.*

³ Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 146.

⁴ Ср. с этим также представление о памяти как «магической камере прошлого»: *Ayer A. J. The Problem of Knowledge. London: Macmillan, 1956. P. 186.*

⁵ *Ayer A. J. Statements about the Past: The Presidential Address. P. 5–6, 12.*

безусловно достоверными и заслуживают полного доверия. Ведь вопрос о том, является ли опыт нашей памяти правильным или ошибочным, на самом деле никак не связан с внутренним феноменальным характером самого этого опыта¹.

Поскольку метафизические конструкции, призванные оправдать наше знание прошлого, не справляются со своей задачей, Айер предлагает собственное решение того, в чем именно состоит значение высказываний о прошлом. В предварительном наброске этого решения, основанном на ранней формулировке слабого принципа верификации, пропозиции о прошлом (как и любые другие эмпирические пропозиции) рассматриваются в качестве правил для предсказания возможного «исторического» опыта, который позволял бы нам их верифицировать². Наши высказывания о прошлом, чтобы быть эмпирически осмысленными, являются ничем иным, как вероятностными гипотезами³. В противном случае они были бы лишены для нас всякого значения⁴. По мнению Айера, все обладающие фактуальным содержанием высказывания о прошлом («Юлий Цезарь

¹ *Ayer A. J. Statements about the Past: The Presidential Address.* P. 6–8.

² *Айер А. Дж. Язык, истина и логика.* С. 146. Айер здесь придерживается своей общей позиции относительно эмпирически осмысленных высказываний, согласно которой «все пропозиции, имеющие фактуальное содержание, являются эмпирическими гипотезами... функция эмпирической гипотезы — обеспечить правило предвосхищения опыта». *Айер А. Дж. Язык, истина и логика.* С. 57.

³ Впрочем, похожее объяснение того, как возможно наше знание прошлого, было предложено еще Льюисом. Например, см.: *Lewis C. I. Mind and the World-Order. Outline of a Theory of Knowledge.* New York: Charles Schrinbner's Sons, 1929. P. 150–153. *Lewis C. I. An Analysis of Knowledge and Valuation.* Lasalle, IL: Open Court, 1946. P. 190–192, 197–200.

переправился со своими легионами через реку Рубикон в 49 г. до н. э.», «Недалеко от города Гастингс в 1066 г. армия англосаксонского короля Гарольда II вступила в битву с войсками нормандского герцога Вильгельма I» и т.д.) должны допускать возможность своего перевода в некоторые конкретные наборы утверждений о наблюдениях, касающихся нашего будущего опыта, при помощи которого мы могли бы установить истинность или ложность соответствующих высказываний⁵.

Необходимость ревизии требований слабого принципа верификации повлекла за собой и пересмотр прежних взглядов на значение высказываний о прошлом⁶. Новое решение, предложенное Айером, становится более умеренным: предложение, выражающее пропозицию о про-

⁴ Позднее, когда Айер пересмотрит свои взгляды на значение высказываний о прошлом, он будет лишь признавать, что только «в случае воспоминаний мы имеем дело с принятием по умолчанию неких общих гипотез, которые устанавливают соответствующие корреляции между определенными событиями прошлого и последующим опытом памяти». *Ayer A. J. Statements about the Past: The Presidential Address*. P. 8.

⁵ Несмотря на то, что со дня битвы при Гастингсе прошла почти тысяча лет, в этом качестве нас могли бы удовлетворить различные косвенные свидетельства до сих пор доступные для актуального наблюдения (знаменитый гобелен из Байё, пергаменты королевского архива, археологические останки и т.д.).

⁶ Во введении ко второму изданию *Языка, истины и логики* Айер, в частности, открыто признает ошибочность подобного радикального взгляда на значение пропозиций о прошлом. *Ayer A. Дж. Язык, истина и логика*. С. 33. Помимо прочего, возможное спасение более радикальных взглядов относительно нашего знания прошлого также требовало молчаливого согласия с довольно неприятным метафизическим тезисом о существовании особых расширенных во времени объектов (*temporal extended objects*), которые

шлом, нельзя буквальным образом перевести в конкретный набор утверждений о будущих наблюдениях, скорее его следует рассматривать как эквивалент соответствующего контрфактического утверждения. Другими словами, эмпирически осмысленная пропозиция о прошлом может быть выражена с помощью предложения в сослагательном наклонении («Если бы я в 49 г. до н. э. находился на берегу реки Рубикон, я мог бы наблюдать как через нее переправляются легионы Цезаря» или «Если бы в 1066 г. я находился недалеко от Гастингса, я видел бы

могли бы выполнять роль подлинных референтов в соответствующих высказываниях о прошлом. Именно так, например, поступил Льюис, — он считал любые события прошлого столь далеко расширяющимися во времени, что они включают в область своего существования все возможные свидетельства, которые мог бы воспринимать в своем чувственном опыте некоторый более поздний наблюдатель. Исторические события, вроде «Переправы легионов Цезаря через Рубикон» или «Битвы при Гастингсе», трактовались Льюисом как сложные объекты, составленные из множества временных частей, более поздние из которых были вполне доступными для реального наблюдения свидетельствами. *Lewis C. I. Mind and the World-Order. Outline of a Theory of Knowledge. New York: Charles Schribner's Sons, 1929. P. 150–153.* Ср. с этим также: *Данто А.* Аналитическая философия истории. С. 45. Айер не был готов зайти так далеко в поисках оправдания наших знаний прошлого, ведь тогда нам следовало бы принимать в качестве примеров эмпирически осмысленных высказываний целый класс предложений, наподобие «Легионы Юлия Цезаря все еще переправляются через Рубикон» или «Битва при Гастингсе до сих пор не закончилась», что было бы очевидным образом абсурдным решением. Ср. с этим: *Данто А.* Аналитическая философия истории. С. 45, 50–52. Также см.: *Todd W. Analytical Solipsism. The Hague: Martinus Nijhoff, 1968. P. 289–290.*

как армия англосаксов сражается с войсками нормандского герцога»). Антецеденты контрфактических утверждений описывают то, что мы могли бы наблюдать, если бы находились в соответствующий момент времени в подходящем для наблюдений положении¹. И если бы мы действительно занимали такое положение относительно события, описываемого пропозицией о прошлом, в нашем распоряжении имелись бы все необходимые для ее верификации наблюдения. Однако, как признается Айер, вполне очевидно, что ни один *реальный* наблюдатель такое положение занимать не способен².

Но как тогда мы можем считать подобные высказывания эмпирически осмысленными, если в реальности *никто* не в состоянии верифицировать их непосредственно — переживая на опыте то, о чем они сообщают? Чтобы ответить на этот вопрос, Айер обращается за помощью к конструктивным особенностям языка чувственных данных, которым мы оперируем в своих утверждениях о наблюдении. Поскольку в моменты восприятия наши чувственные данные не содержат никакого специального ощущения, ответственного за так называемое «чувство прошлости» (*pastness*) актуально испытываемого нами на опыте переживания, Айер считает, что любые временные свойства, как таковые, могут быть безболезненно сведены с помощью примитивного реляционного предиката «предшествования» к простым отношениям следования между событиями. Это значит, что «быть прошлым» или «быть будущим» не является свойством самих собы-

¹ Важно понимать, что контрфактические утверждения, как таковые, не являются примерами пропозиций о будущем опыте. Ср. с этим: *Todd W. Analytical Solipsism*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1968. P. 292.

² *Айер А. Дж.* Язык, истина и логика. С. 33.

тий, а лишь выражает временные отношения внутри некоторой серии событий¹. Если мы как наблюдатели знаем, что одни события предшествуют другим, тогда для нас не составляет труда представить «прошлое» в виде только лишь тех событий, которые непосредственно предшествуют какому-либо событию «настоящего», принятого в качестве произвольной точки отсчета для фиксации существующих временных отношений², а будущее в виде только лишь тех событий, которым это «настоящее» непосредственно предшествует³. Эмпирическая осмысленность высказываний, описывающих эти события, и следовательно, способы их верификации, в этом смысле оказываются абсолютно независимыми от каких-либо временных условий наблюдения⁴.

Таким образом, по мнению Айера, (П1) контрфактические утверждения, выражающие наши знания о про-

¹ Похожие трактовки временных свойств, рассматриваемых не как полноценные субстанциальные атрибуты, но лишь в качестве простых субъективных производных от временных отношений, можно также найти в трудах Рассела. Например, см.: *Russell B.* On the Experience of Time // *The Monist*. 1915. Vol. 25. №. 2. P. 212–233. Также см.: *Oaklander L. N.* The Russellian Theory of Time // *Philosophia*. 1983. Vol. 12. №. 3/4. P. 365–367.

² *Ayer A. J.* Statements about the Past: The Presidential Address. P. 11. Произвольность выбора некоторого события на роль эталона такого «настоящего» объяснима, прежде всего, агент-ориентированной архитектурой любого феноменалистского языка описания.

³ Подобные конструктивные особенности феноменалистского языка описания, позволяют Айеру даже утверждать, что с его помощью некие воображаемые существа, вовсе не имеющие никаких воспоминаний, легко могли бы рассуждать о событиях прошлого. *Ayer A. J.* Statements about the Past: The Presidential Address. P. 10.

⁴ Ср. с этим: *Ibid.* P. 10–13. Немного позднее, в работе *The Problem*

шлом, на самом деле *не* отсылают нас к каким-либо прошлым событиям⁵, актуальными наблюдателями которых мы не могли бы стать ни при каких обстоятельствах⁶. Но этого и не требуется, поскольку (П2) мы знаем, о чем

of Knowledge Айер подтвердит верность подобным взглядам на значение высказываний о прошлом: «... учитывая только фактическое содержание высказывания, независимо от времени, когда оно выражено, ни одно высказывание не является таковым относительно прошлого. <...> События, рассматриваемые сами по себе, не принадлежат ни настоящему, ни прошлому, ни будущему... так как верифицируемость высказывания зависит только от его значения, — высказывание, которое верифицируемо, поскольку в настоящем присутствует соответствующее событие, на которое оно ссылается, в равной степени можно верифицировать, когда такое событие находится в будущем или прошлом». *Ayer A. J. The Problem of Knowledge*. P. 180–181. Такие взгляды Айера на значение высказываний о прошлом, можно дополнительно подкрепить ссылками на так называемые «*B*-теории времени» (*B*-theory of time), согласно которым не существует никаких онтологических различий между событиями, происходящими в разное время, а значит, — и нет никакой логической асимметрии между прошлым и будущим. Все события и агенты независимо от того, когда именно они существуют, одинаково реальны и могут быть однозначно идентифицированы посредством соответствующих дескрипций. Подробнее см. об этом: *Gale R. M. The Open Future: Introduction // The Philosophy of Time: A Collection of Essays*. Ed. R. M. Gale. London: Macmillan, 1968. P. 170; *Zimmerman D. The Privileged Present: Defending an «A-Theory» of Time // Contemporary Debates in Metaphysics*. Eds. T. Sider, J. Hawthorne, D. W. Zimmerman. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. P. 212. *Smart J. J. C. The Tenseless Theory of Time // Contemporary Debates in Metaphysics*. Eds. T. Sider, J. Hawthorne, D. W. Zimmerman. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. P. 226–227, 230–233. *Deasy D. What is Presentism? // Noûs*. 2017. Vol. 51. №. 2. P. 378–397.

⁵ Подробнее также см.: *Ayer A. J. The Problem of Knowledge*. P. 179–

именно говорится в таких утверждениях, когда нам известно какой вид опыта необходим для их верификации.

Аналитический феноменализм и природа физических объектов

В основаниях логического эмпиризма Айера лежит особый феноменалистский взгляд на физические или материальные объекты. В соответствии с таким взглядом каждое высказывание о мире физических или материальных объектов доступно для перевода во множество утверждений, которые говорят о том, что при определенных условиях некоторый набор конкретных ощущений переживается или может переживаться наблюдателем⁷. Такая форма феноменализма не должна рассматриваться как представление о том, что физические или материальные

182. Кроме того, ср. с этим: *Todd W. Analytical Solipsism*. P. 287–289. *Данто А.* Аналитическая философия истории. С. 59–60.

⁶ Ведь лучшее, на что мы могли бы здесь надеяться, это «сказав, что Цезарь перешел Рубикон... обратиться к таким-то и таким-то книгам по истории, и обнаружить, что их авторы с этим согласны». *Ayer A. J. The Central Questions of Philosophy*. London: Wiedenfeld & Nicholson, 1973. P. 24–25.

⁷ Согласно Айеру, высказывание о существовании некоторого физического или материального объекта в действительности скрывает лишь утверждение о том, что конкретные чувственные данные могли бы быть испытаны наблюдателем, если были бы выполнены определенные особые условия наблюдения. *Ayer A. Дж.* Язык, истина и логика. С. 203. *Ayer A. J. The Foundations of Empirical Knowledge*. New York: Macmillan, 1940. P. 231. *Ayer A. J. Phenomenalism // Proceedings of the Aristotelian Society*. 1946–1947. Vol. 47. №. 1. P. 169–170. Также см.: *Пассмор Дж.* Сто лет философии. С. 300. Таким образом, в границах своего аналити-

объекты в буквальном смысле слова *состоят* из соответствующих чувственных данных⁸. Айер полагает, что на самом деле они являются ничем иным, как *логическими конструкциями* из определенного набора чувственных

ческого феноменализма Айер толкует наши представления о физических объектах как своеобразные теории, основная функция которых состоит в том, чтобы предсказывать и объяснять характер и направления нашего чувственного опыта. *Ayer A. J. Phenomenalism. P. 196.*

⁸ Ср. с этим: *Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 176–178.* В отличие, например, от онтологического феноменализма, согласно принципам которого, физические или материальные объекты и есть не что иное, как особым образом упорядоченные семейства чувственных данных (*families of sense-data*). Онтологический феноменализм пытается отыскать надежный перцептивный критерий, при помощи которого любой наблюдатель способен был бы провести границу между «иллюзией» и «реальностью» своих восприятий. Прямой анализ испытываемых чувственных данных не позволяет наблюдателю простым и ясным образом определить действительно ли он видит, например, настоящую монету или только испытывает соответствующую визуальную иллюзию. Однако из этого вовсе не следует, что нет никакого доступного для наблюдателя перцептивного способа выявить подобное различие. В случаях, когда воспринимаемая наблюдателем монета является настоящей, он может попытаться отследить постепенные изменения в испытываемых им чувственных данных, и поскольку семейство чувственных данных предполагает определенный порядок, в потоке чувственных данных не будет возникать никакого заметного для наблюдателя разрыва (например, приближаясь к настоящей монете, я вправе ожидать, что контуры этой монеты в моем восприятии будут увеличиваться). В случаях же, когда испытываемые наблюдателем чувственные данные являются иллюзией восприятия, не все возможные чувственные данные, действительно принадлежащие настоящей монете, были бы доступны для наблюдателя. Например, ср. с этим:

данных⁹. Использование языка чувственных данных — это просто применение особого словаря описания, а не постулирование отдельных онтологических сущностей¹⁰.

Moore G. E. Some Main Problems of Philosophy. P. 113–116. Иными словами, если настоящая монета является определенным семейством чувственных данных, мы действительно ее воспринимаем тогда и только тогда, когда все возможные составляющие этого семейства доступны для нашего восприятия. Критерий восприятия реального объекта, таким образом, имеет временное значение, поскольку тесно связан с некоторым вполне определенным будущим опытом восприятия подобного объекта (т.е. некоторыми дополнительными чувственными данными). Помимо прочего, этот критерий для онтологического феноменализма может также служить и принципом разграничения *разных* реальных объектов между собой. Подробнее об этом см.: *Dicker G. Perceptual Knowledge: An Analytical and Historical Study. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1980. P. 123–129. Farkas K. Indiscriminability and the Sameness of Appearance // Proceedings of the Aristotelian Society. 2006. Vol. 106. №. 1. P. 207–227.*

⁹ Понимание физических или материальных объектов как простых логических конструкций из имеющихся и возможных чувственных данных в аналитическом феноменализме опирается не на фактические, а лишь на лингвистические отношения, — т.е. каждое высказывание *P*, относящееся к конкретному физическому или материальному объекту, по мнению Айера, должно быть логически тождественно конъюнкции категорических и/или гипотетических предложений о некоторых чувственных данных $S_1 \& S_2 \& \dots \& S_n$. Подробнее об этом см.: *Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 82–83, 89–94, 177–178. Ayer A. J. Phenomenalism. P. 169–170.* Также см.: *Dicker G. Perceptual Knowledge: An Analytical and Historical Study. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1980. P. 149–151. Пассмор Дж. Сто лет философии. С. 301. Никоненко С. В. Английская философия XX века. С. 264.*

Аналитический феноменализм Айера формально можно выразить в терминах логической связи между высказываниями таких типов, как «некоторый физический объект x воспринимается» и «некоторые чувственные данные S ощущаются». Принимая во внимание тот факт, что чувственные содержания — это просто общие элементы нашего опыта, в котором физический или материальный объект *действительно* воспринимается, либо представлен в виде некоторой галлюцинации, иллюзии или сна, где наблюдателю только *кажется*, что подобный объект воспринимается, логическая связь между этими типами высказываний должна иметь следующий характер: всегда, когда физический или материальный объект x воспринимается, наблюдатель обладает некоторым набором чувственных данных S , — т.е. высказывание «некоторый физический объект x воспринимается» влечет за собой высказывание «некоторые чувственные данные S ощущаются»¹⁰. Однако обратное утверждение, что всякий раз, когда наблюдателем испытываются некоторые чувственные данные, воспринимается соответствующий

¹⁰ Ayer A. J. The Foundations of Empirical Knowledge. P. 24–26. Ср. с этим также: Paul G. A. Is there a Problem about Sense-Data? // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1935–1936. Vol. 15. 3. 1. P. 61–77. Wisdom J. O. The Analysis of Sense-Data: A Reply to Mr. Paul // Analysis. 1936. Vol. 3. №. 3. P. 43–46.

¹¹ Ayer A. J. Phenomenalism. P. 168. На практике подобный радикальный феноменалистский тезис, однако, часто сталкивается с аргументированной критикой. Например, Родерик Чизолм считал, что ни одно высказывание о физических или материальных объектах в действительности не влечет за собой каких-либо высказываний о чувственных данных, поскольку для того, чтобы указать какие именно комплексы чувственных данных в конечном счете будут испытываться наблюдателем нам необходимо иметь представление

щий физический или материальный объект, не имеет силы, поскольку чувственные данные есть общее феноменологически неразличимое содержание любых действительных и иллюзорных восприятий¹². Другими словами, ни одно высказывание о наличии у наблюдателя того или иного набора чувственных данных не способно логически имплицировать признание актуальности восприятия какого-либо физического или материального объекта¹³,

не только о природе физического или материального объекта, но и об актуальных условиях наблюдения. Воспринимаемый нами физический или материальный объект совместно с условиями наблюдения определяют способ, в котором этот объект будет нами восприниматься. Если мы знаем, что наблюдаемая вещь при нормальном освещении является красной, можно с уверенностью предсказывать, что для нормального наблюдателя такая вещь будет выглядеть как красная; если же мы знаем, что условия наблюдения отличаются от обычных (вещь иным образом освещена, наблюдатель является дальтоником и т.д.), разумно предполагать, что воспринимаемая нами красная вещь будет связана с каким-то другим видом чувственных данных (вещь будет выглядеть как розовая, оранжевая, зеленая и т.д.). Очевидные факты относительности нашего восприятия, таким образом, предполагают, что даже такое простое высказывание, как «*x* красный» не влечет за собой никаких высказываний о возможных чувственных данных, которые мы могли бы испытывать в случае разных условий наблюдения при виде этого физического или материального объекта. Поэтому нет никакого противоречия в том, чтобы, имея два высказывания «*x* красный» и «в присутствии *x* краснота будет ощущаться», одновременно утверждать первое из них и отрицать второе. Подробнее см.: *Chisholm R. M. Perceiving: A Philosophical Study. Ithaca: Cornell University Press, 1957. P. 189–197.* Также см.: *Maloney M. J. Chisholm's Objection to Phenomenalism // Analysis. 1982. Vol. 42, No. 1. P. 25–26.*

¹² *Ayer A. J. Phenomenalism. P. 168–169.*

хотя утверждение о том, что некоторый физический или материальный объект воспринимается наблюдателем, напротив, может быть обосновано при помощи высказываний, которые относятся исключительно к одним только чувственным данным¹⁴.

Аналитический феноменализм Айера, таким образом, можно суммировать в следующих принципах: (Ф1) никакой конечный набор высказываний о чувственных данных не влечет за собой или не связан логически с какими-либо утверждениями о конкретных физических или материальных объектах¹⁵, тем не менее, (Ф2) в наших актуальных восприятиях чувственные данные обычно демонстрируют некоторые регулярности, которые де-

¹³ Ср. с этим: *Ayer A. J. The Terminology of Sense-Data // Mind. 1945. Vol. LIV. №. 216. P. 298–303.*

¹⁴ Айер решительно отвергает прежние репрезентационистские трактовки понятия физического или материального объекта (вещи), поскольку принцип верификации невозможно непротиворечивым образом согласовать с тезисом о подобных объектах как неких ненаблюдаемых сущностях. В частности, он указывает, что «должно быть возможно определение материальных вещей в терминах чувственных содержаний, поскольку только благодаря наличию определенных чувственных содержаний и может быть верифицировано существование какой-либо материальной вещи». *Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 75.* Поэтому, как считает Айер, «нам не нужно исследовать правильна ли феноменалистская „теория восприятия“... но только, какова правильная форма феноменалистской теории». *Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 75.*

¹⁵ Айер считает, что «право верить в существование определенной материальной вещи дает просто тот факт, что имеются определенные ощущения; ибо, осознается это или нет, сказать, что вещь существует, равносильно тому, чтобы сказать, что подобные ощущения доступны». *Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 70–71.* Также см.:

лают особый словарь чувственных данных удобным для разговора о физических или материальных объектах¹⁶, поэтому (Ф3) наши разговоры о физических или материальных объектах, в той мере в которой они имеют смысл, должны вестись при помощи словаря чувственных данных¹⁷. Последний принцип аналитического феноменализма Айера дополнительно подкрепляется принципом верификации, согласно которому значение любого эмпирически осмысленного высказывания фиксируется подтверждающими его свидетельствами. А поскольку единственным типом свидетельств, которые могли бы подтвердить высказывания, относящиеся к физическим или материальным объектам, являются восприятия определенных наборов чувственных данных, из этого следует, что значение таких высказываний должно ограничиваться одними только утверждениями о том, что наблюдатель испытывает или может испытать соответству-

Ayer A. J. The Foundations of Empirical Knowledge. P. 237. Подобный акт нерелексивного согласия с гипотезой о существовании физических или материальных объектов на основе испытываемых наблюдателем чувственных данных в феноменализме обычно трактуется как определенная разновидность перцептуального принятия (perceptual acceptance). Например, см.: *Price H. H. Perception. London: Methuen and Co., 1950. P. 139–169.*

¹⁶ Подробнее об этом см.: *Ayer A. J. The Foundations of Empirical Knowledge. P. 243–263.* Также см.: *Пассмор Дж. Сто лет философии. С. 300.*

¹⁷ Благодаря своему отказу от тезиса онтологического феноменализма о тождестве вещей и чувственных данных аналитический феноменализм мог без всякого противоречия придерживаться принципов (Ф1) и (Ф3). Ср. с этим также: *Dicker G. Perceptual Knowledge: An Analytical and Historical Study. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1980. P. 155.*

ющие наборы чувственных данных¹. Именно поэтому, как считает Айер, всякий осмысленный разговор о физических или материальных объектах (вещах) должен переводиться в совокупности утверждений о конкретных наборах чувственных данных².

Эмотивистская этика и значение моральных высказываний

Взгляды Айера в области моральной философии испытали прямое влияние базовых принципов логического эмпиризма (верификационизма, дистинкции аналитическое/синтетическое и др.). Подобно Муру, он полагал, что понятия этики недоступны для логического анализа³, однако, Айер, в отличие от Мура, не был готов довольствоваться заключением, согласно которому этические понятия являются просто некими *неопределимыми уникальными свойствами вещей*⁴. Айер считал необходимым представить объяснение, почему такие понятия не могут быть предметом логического анализа.

Согласно Айеру, используемые нами этические понятия на самом деле являются примерами *псевдопонятий*⁵,

¹ Ayer A. J. The Foundations of Empirical Knowledge. P. 235. Также см.: Никоненко С. В. Английская философия XX века. С. 269.

² В частности, Айер отдельно оговаривает, что «хотя термин „материальная вещь“ не является синонимом какого-либо множества терминов, которые приняты для видов чувственных данных, любое высказывание, относящееся к материальной вещи, должно быть каким-либо образом выразимо в терминах чувственных данных, если только оно призвано обладать эмпирически значимым характером». Ayer A. J. The Foundations of Empirical Knowledge. P. 231.

³ Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 153.

⁴ Например, см: Мур Дж. Э. Принципы этики. С. 65–67, 73–75.

ведь наличие в предложениях *нормативных этических терминов* ровным счетом ничего не добавляет к фактическому (эмпирически верифицируемому) содержанию этих предложений. И даже когда подобные термины встречаются в предложениях, которые содержат описания и ссылки на обычные эмпирические факты (вроде предложения «Это ужасно, но *X* вчера украл 100 фунтов со стола в моем кабинете»), основная их функция связана только лишь с миром наших эмоций⁶ — они используются либо для *выражения наших собственных моральных чувств* в отношении некоторых объектов или действий, либо для *возбуждения соответствующих чувств у других людей*⁷ (например, как способ побудить кого-либо совершить определенное действие⁸), а вовсе не для того, чтобы делать об этих объектах или действиях какие-либо истинные или ложные высказывания⁹.

⁵ Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 162.

⁶ По мнению Айера, здесь мы можем рассчитывать только на то, чтобы «определить значение различных этических слов в терминах различных чувств, которые, как считается, они обычно выражают; а также тех различных реакций, на возбуждение которых они рассчитаны». Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 155–156.

⁷ Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 154–156. Также см.: Kalin M. G. Semantic Analysis and Emotive Ethics // The Journal of Value Inquiry. 1973. Vol. 7. №. 1. P. 29–30. Wiggins D. Ayer's Ethical Theory: Emotivism or Subjectivism? // A. J. Ayer Memorial Essays / Ed. A. Phillips Griffiths. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 181. Wilks C. Emotion, Truth and Meaning: In Defence of Ayer and Stevenson. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002. P. 6–7; Никоненко С. В. Английская философия XX века. С. 271.

⁸ Важное практическое преимущество эмотивистских этических теорий заключается в том, что они устанавливают прямые связи между нашими моральными чувствами и мотивацией. Согласно таким тео-

Предложенная Айером версия эмотивистской этики¹⁰ может рассматриваться как радикальная форма морального субъективизма. Она отличается от традиционных форм, поскольку открыто *отрицает, что предложения, включающие в себя нормативные этические термины, выражают какие-либо подлинные пропозиции*. Согласно традиционным формам морального субъективизма, когда некто произносит предложение «Смирение — это добродетель», его следует рассматривать как выражение про-

риям, использование моральных терминов не просто выражает некоторые наши отвлеченные моральные убеждения, но и в целом — различные реакции, эмоционально релевантные нашим мотивациям к действиям. Ср. с этим: *Soames S. Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol.1: The Dawn of Analysis. P. 302.*

⁹ *Айер А. Дж.* Язык, истина и логика. С. 154. Также см.: *Ayer A. J. On the Analysis of Moral Judgements // Philosophical Essays. London: Palgrave Macmillan, 1954. P. 231–232.* Речь здесь прежде всего идет об инфляционной интерпретации условий истинности высказываний, где истина понимается как предикат, выражающий некоторое независимое от языка свойство. Подробнее об этом см.: *Stoljar D. Emotivism and Truth Conditions // Philosophical Studies. 1993. Vol. 70. №. 1. P. 83–88.*

¹⁰ Другой, не менее популярной и влиятельной версией эмотивистской этики была теория Чарльза Стивенсона. *Stevenson C. L. Emotive Meaning of Ethical Terms // Mind. 1937. Vol. XLVI. №. 181. P. 14–31. DOI: 10.1093/mind/XLVI.181.14. Stevenson C. L. Ethics and Language. New Haven: Yale University Press, 1944.* Основное различие версий этического эмотивизма Айера и Стивенсона заключалось в том, что первый опирался на верификационизм как способ толкования значения (высказывание имеет значение, если и только если оно может быть логически или эмпирически верифицируемым), в то время как последний основывался на принципах каузальной теории значения (значение высказывания непосредственным образом связано со способами его употребления, чтобы объяснить значение высказывания необходимо указать для каких целей и как оно используется говорящим).

позиции говорящего в отношении своих собственных моральных чувств (в частности, чувства одобрения смиренного поведения). А это значит, что при желании его можно было бы опровергнуть, возразив говорящему с помощью предложения «Нет, сказанное вами — ложь, на самом деле вы считаете смирение предосудительным». Однако, по мнению Айера, когда некто произносит такое предложение, он на самом деле не делает никакого определенного утверждения; говорящий просто выражает свои моральные чувства, — именно по этой причине сказанное им невозможно опровергнуть¹. Ведь публично показывать свои моральные чувства не значит утверждать, что они есть в действительности². Это позволяет эмотивистской этике Айера отклонить ключевое возражение, часто выдвигаемое против традиционных форм морального субъективизма, согласно которому, обоснованность моральных высказываний не может определяться характером реально испытываемых моральных чувств, поскольку радикальная форма морального субъек-

¹ Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 154–155. Также см.: Wiggins D. Ayer's Ethical Theory: Emotivism or Subjectivism? // A. J. Ayer Memorial Essays / Ed. A. Phillips Griffiths. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. P. 181–182. Wilks C. Emotion, Truth and Meaning: In Defence of Ayer and Stevenson. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002. P. 7.

² Эмотивистская этика Айера в целом отрицает, что нормативные этические термины могут использоваться для фактических утверждений о каких-либо состояниях сознания человека, делающего моральные высказывания. Айер прямо указывает, что «в нашем языке предложения, содержащие нормативные этические символы, не эквивалентны предложениям, которые выражают психологические пропозиции, или действительно эмпирические пропозиции любого рода». Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 151.

ективизма вовсе не требует того, чтобы наличие соответствующих моральных чувств говорящего выступало необходимыми и достаточными условиями для обоснования, сделанного им морального высказывания. Напротив, согласно Айеру, моральные высказывания в принципе не могут иметь никаких обоснований¹.

Но если этические нормативные термины служат лишь простыми примерами выражения наших моральных чувств, любые дискуссии по вопросам этики должны быть лишены всякого смысла. Тем не менее очевидно, что люди довольно часто яростно спорят друг с другом по таким вопросам. Значит ли это, что любые формы морального субъективизма (как традиционные, так и радикальные) должны оказаться ложными²? Айер считает, что правильный анализ значения моральных высказываний, напротив, способен показать *отсутствие в реальных спо-*

¹ Айер А. Дж. Язык, истина и логика. С. 161. Также см.: Ayer A. J. On the Analysis of Moral Judgements // Philosophical Essays. London: Palgrave Macmillan, 1954. P. 236–237.

² Классический пример подобного рода критики эмотивизма предлагает, например, кембриджский философ Саймон Блекберн. Blackburn S. Spreading the Word: Groundings in the Philosophy of Language. Oxford: Blackwell, 1984. P. 169–171, 189–196. Основанием для нее служит известный аргумент Питера Гича, согласно которому эмотивизм является ложной этической доктриной, поскольку в своих моральных размышлениях на основе посылок, вроде «Лгать — неправильно» и «Если лгать неправильно, заставлять лгать *X* неправильно», мы принимаем в качестве действительного вывод «Заставлять лгать *X* неправильно». Подробнее см.: Geach P. T. Assertion // The Philosophical Review. 1965. Vol. 74. №. 4. P. 449–465. Также см.: Soames S. Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol.1: The Dawn of Analysis. P. 306–309. Warren M. D. Moral Inferentialism and the Frege-Geach Problem // Philosophical Studies. 2015. Vol. 172. №. 11. P. 2861–

*рах по этическим вопросам подлинных моральных разногласий*³. Если другой человек не соглашается с нами относительно моральной оценки определенного действия, мы можем прибегнуть к помощи моральных высказываний, пытаясь его склонить принять этические взгляды, похожие на наши собственные. Однако это вовсе не означает, что между нами есть какие-либо моральные разногласия⁴. Для подобных ситуаций просто не существует никаких рациональных способов аргументации, именно поэтому в этических спорах мы вынуждены прибегать

2867. Однако ср. с этим: *Stoljar D. Emotivism and Truth Conditions*. P. 90–97.

³ Два высказывания образуют противоречие только в том случае, когда истинность одного из них с необходимостью исключает истинность другого.

⁴ Этический эмотивизм Айера можно дополнительно подкрепить следующим простым аргументом. Представим ситуацию воображаемого диалога по вопросам этики между двумя участниками X и Y , в которой X заявляет: (X_1) «Красть деньги правильно» — Y реагирует на него, делая собственное заявление: (Y_1) «Нет, это не так. Красть деньги *неправильно*». Кажется, что заявления X_1 и Y_1 являются примером реального этического разногласия, однако, это впечатление обманчиво. Если перевести моральные высказывания X_1 и Y_1 в соответствующие их эмоциональным значениям формы, — (X_2) «*Ура!* Такое действие <красть деньги> мне приятно» и (Y_2) «Нет, это не так. *Фу!* Такое действие <красть деньги> мне неприятно», — можно обратить внимание, что заявление (Y_2), как реакция на сказанное (X_1), выглядит довольно странно, скорее мы должны признать, что вместо того, чтобы выразить свое несогласие с X при помощи фразы «Нет, это не так», Y просто лишь выражает собственные моральные чувства. Таким образом, в ситуациях этических споров мы имеем дело лишь с *разными* выражениями моральных чувств, а вовсе не с реальными моральными *противоречиями*.

к эмоционально окрашенным высказываниям, а иногда, в случае неудачи, к различным формам словесного или даже физического насилия.

В целом, этический эмотивизм Айера основывается на следующих принципах: (Э1) моральные высказывания не эквивалентны каким-либо высказываниям о фактах, тем самым, (Э2) они не имеют когнитивного значения и не могут быть истинными или ложными, но (Э3) такие высказывания обладают эмоциональным значением, они служат важными средствами выражения наших моральных чувств в отношении различных объектов и действий, именно поэтому (Э4) в ситуации этических споров нет смысла задаваться вопросом о том, кто на самом деле прав, ведь тот, кто своими моральными высказываниями якобы мне противоречит, на самом деле лишь просто выражает (также как и я сам) свои собственные моральные чувства.

Публикации в журнале «Труды Аристотелевского общества»

Ayer A. J. The Causal Theory of Perception // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1976—1977. Vol. 51. №. 1. P. 105—125. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/51.1.105.

Ayer A. J. Phenomenology and Linguistic Analysis // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1958—1959. Vol. 33. №. 1. P. 111—124. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/33.1.93.

Ayer A. J. Can There Be a Private Language? // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1953—1954. Vol. 28. №. 1. P. 63—76. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/28.1.63.

Ayer A. J. Statements about the Past: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society. 1951—1952. Vol. 52. №. 1. P. 1—20. DOI: 10.1093/aristotelian/52.1.i.

Ayer A. J. On What There Is // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1950—1951. Vol. 25. №. 1. P. 137—148. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/25.1.125.

Ayer A. J. What can Logic do for Philosophy? // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1947—1948. Vol. 22. №. 1. P. 167—178. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/22.1.141.

Ayer A. J. Phenomenalism // Proceedings of the Aristotelian Society. 1946—1947. Vol. 47. 3. 1. P. 163—196. DOI: 10.1093/aristotelian/47.1.163.

Ayer A. J. Other Minds // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1945—1946. Vol. 20. №. 1. P. 188—197. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/20.1.122.

Ayer A. J. Verification and Experience // Proceedings of the Aristotelian Society. 1936—1937. Vol. 37. №. 1. P. 137—156. DOI: 10.1093/aristotelian/37.1.137.

Ayer A. J. Does Philosophy Analyse Common Sense? // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1936—1937. Vol. 16. №. 1. P. 162—176. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/16.1.139.

Ayer A. J. Internal Relations // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1934—1935. Vol. 14. №. 1. P. 173—185. DOI: 10.1093/aristoteliansupp/14.1.154.

Ayer A. J. On Particulars and Universals // Proceedings of the Aristotelian Society. 1933—1934. Vol. 34. 3. 1. P. 51—62. DOI: 10.1093/aristotelian/34.1.51.

Монографии

Ayer A. J. Thomas Paine. London: Seeker & Warburg, 1988. 188 p.

Ayer A. J. Voltaire. London: Wiedenfeld & Nicholson, 1986. 192 p.

Ayer A. J. Wittgenstein. London: Wiedenfeld & Nicholson, 1985. 156 p.

Ayer A. J. *Freedom and Morality and Other Essays*. Oxford: Clarendon Press, 1984. 192 p.

Ayer A. J. *Philosophy in the Twentieth Century*. London: Wiedenfeld & Nicholson, 1982. 284 p.

Ayer A. J. *Hume*. London: Oxford University Press, 1980. 102 p.

Ayer A. J. *Part of my Life*. London: Collins, 1977. 318 p.

Ayer A. J. *The Central Questions of Philosophy*. London: Wiedenfeld & Nicholson, 1973. 244 p.

Ayer A. J. *Bertrand Russell*. London: Fontana Books, 1972. 152 p.

Ayer A. J. *Probability and Evidence* London: Macmillan, 1972. 144 p.

Ayer A. J. *Russell and Moore: The Analytical Heritage*. London: Macmillan, 1971. 254 p.

Ayer A. J. *Metaphysics and Common Sense*. London: Macmillan, 1969. 268 p.

Ayer A. J. *The Origins of Pragmatism: Studies in the Philosophies of Charles Sanders Peirce and William James*. London: Palgrave Macmillan, 1968. 348 p.

Ayer A. J. *Philosophy and Language: An Inaugural Lecture Delivered Before the University of Oxford on 3 November 1960*. Oxford: Oxford University Press, 1960. 35 p.

Ayer A. J. *The Concept of a Person and Other Essays*. London: Macmillan, 1963. 272 p.

Ayer A. J. *The Problem of Knowledge*. London: Macmillan, 1956. 258 p.

Ayer A. J. *Philosophical Essays*. London: Palgrave Macmillan, 1954. 290 p.

Ayer A. J. *Thinking and Meaning: An Inaugural Lecture in University College London*. London: H. K. Lewis & Co., 1947. 28 p.

Ayer A. J. *The Foundations of Empirical Knowledge*. New York: Macmillan, 1940. 276 p.

Ayer A. J. Language, Truth and Logic. London: Victor Gollancz LTD, 1936. 160 p.

Публикации на русском языке

Айер А. Дж. Язык, истина и логика (пер. с англ. В. А. Суровцева). М.: Канон+ РООИ Реабилитация, 2010. 240 с.

Айер А. Дж. Может ли существовать индивидуальный язык? (пер. с англ. Н. А. Тарабанова) // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. 2007. №1. С. 102–111.

Айер А. Дж. В защиту эмпиризма (пер. с англ. В. Н. Поруса) // Эпистемология & философия науки. 2004. Т. I, №1. С. 190–207.

Айер А. Дж. Человек как предмет научного исследования (пер. с англ. Е. Г. Рудневой) // Философские науки. 1991. №1. С. 120–136.

Айер А. Дж. Философия и наука (пер. с англ. И. В. Кузнецова) // Вопросы философии. 1962. №1. С. 96–105.

2.3. Философия Гилберта Райла: логический бихевиоризм и лингвистический анализ

Философские идеи Гилберта Райла в истории Аристотелевского общества имеют особое значение. На протяжении всей жизни он регулярно публиковал свои научные труды в *Proceedings of the Aristotelian Society*, периодически обсуждая их на заседаниях Общества с коллегами¹. Наиболее известная книга Райла «Понятие сознания», опубликованная в 1949 г., по своему содержанию является аргументированным сборником текстов Райла, в которых он излагает свои взгляды о природе сознания в русле бихевиористского подхода, на тот момент еще мало известного философской общественности.

Гилберт Райл родился в высокообразованной английской семье в Брайтоне в 1900 г. Получил образование в Брайтон-колледже, а затем в 1919 г. поступил в Королевский колледж в Оксфорде. Окончил Оксфордский университет с отличием в 1924 г. До начала Второй мировой войны преподавал философию в Крайст-Черче, колледже Оксфордского университета. После войны с 1945 по 1968 гг. работал профессором философии Оксфордского университета (*Waynflete Professor*

¹ По воспоминаниям П. Фейерабенда: «Я посещал встречи Аристотелевского общества и видел там нескольких восходящих звезд. Как-то раз за ужином меня посадили рядом с Райлом. Когда-то я восхищался его книгой „Понятие сознания“ (перевод исправлен — прим. А.Д.). Теперь я люблю его суховатое остроумие и чувство перспективы». Фейерабенд П. Убийство времени. Автобиография. М., 2021. С. 191.

of Metaphysical Philosophy)¹, в 1947—1971 гг. — главным редактором философского журнала *Mind*.

Райл в порядке ежегодной ротации избирался президентом Аристотелевского общества в 1945—1946 гг., опубликовав для дискуссии президентский доклад *Knowing How and Knowing That*, ставший в дальнейшем вторым разделом его классического произведения «Понятие сознания». Однако активным участником дискуссий в Аристотелевском обществе он стал намного раньше. Еще в 1932 г. в *Proceedings of the Aristotelian Society* был опубликован его доклад *Systematically Misleading Expressions*, а позднее в 1938 г. — статья *Categories*. Ряд его статей были опубликованы и в дополнительных томах к *Proceedings of the Aristotelian Society*.

В историко-философских исследованиях философские идеи Райла анализируются с точки зрения двух ключевых аспектов. Во-первых, его взгляды впервые были глубоко изучены в работах советских философов А. Ф. Бегиашвили, А. С. Богомолова, М. С. Козловой в контексте критических обзоров зарубежной («буржуазной») философии, с акцентом на значимости его идей в развитии лингвистической философии², о чем пишут и зарубежные исследователи (Джон Пассмор, Стивен Прист и др.)³. Во-вторых, в последние годы на русском

¹ Аврум Стролл отмечает, что в автобиографии «рассказ Райла о своей юности и семье ограничивается тремя абзацами и заканчивается, когда он поступает в Оксфорд в девятнадцать лет. Его описание своей студенческой жизни является шедевром остроумия и безжалостной самооценки» (Стролл А. Аналитическая философия. Двадцатый век. М., 2020. С. 191).

² См.: Бегиашвили А. Ф. Современная английская лингвистическая философия. Тбилиси, 1965. С. 60—63; Богомолов А. С. Английская буржуазная философия XX века. М., 1973. С. 262—265, 268—274; Коз-

языке опубликованы ключевые философские работы Райла⁴, позволяющие философскому сообществу работать с русскоязычными источниками и интерпретировать влияние его философских идей на современную философию.

«Логический бихевиоризм»

Ключевой тезис Райла, который он обосновывает применительно к лингвистическому анализу понятий, описывающих ментальные состояния, состоит в исключении «категориальной ошибки»: предположения о том, что за ментальными актами «скрываются» какие-то неэмпирические, духовные сущности⁵. Наши рассуждения о сознании и душе не могут основываться на том, что если разум не подчиняется физическим законам, то он, безусловно, должен следовать законам иного рода, описывающим нематериальные (нефизические) объекты. Напротив, редукция ментальных состояний к актам поведения, действиям субъекта, позволяет избежать поиска ответов на заведомо метафизические вопросы.

лова М. С. Современная лингвистическая философия: проблемы и методы // Проблемы и противоречия буржуазной философии 60-70-х годов. М., 1983. С. 160—201.

³ См.: Пассмор Дж. Современные философы. М., 2002. С. 22—24; Прист С. Теории сознания. М., 2000. С. 60—94.

⁴ Райл Г. Понятие сознания. М., 2000; Райл Г. Феноменология и лингвистический анализ // Логика, онтология, язык. Томск, 2006. С. 174—184; Райл Г. Систематически дезориентирующие выражения // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 25. №3. С. 190—216.

⁵ Ryle G. Presidential Address. Knowing How and Knowing That // Proceedings of the Aristotelian Society. 1945—1946. Vol. 46. P.1.

Рассуждая о бихевиористском подходе к пониманию природы сознания, Райл отмечал, что «глаголы, существительные и прилагательные, с помощью которых мы в повседневной жизни описываем способности, черты характера и сложные виды поступков окружающих нас людей соотносить с реальными способностями, чертами характера, поступками людей внешний наблюдатель не может, по крайней мере, до такой степени, чтобы данные комментарии „имели хоть малейший признак истинности“»¹. Ключевой тезис состоит в том, что работу сознания не следует описывать как комплекс каких-то точечных операций, а скорее нужно понимать в контексте наблюдаемого человеческого поведения². Сознание определяется действиями субъекта, а не конструированием метафизических сущностей.

Отсюда возникает вопрос — может ли один человек через призму своего сознания понять другие сознания? Райл отмечает, что «любой, кто умеет играть в шахматы, уже понимает многое из того, что предпринимают другие игроки, а недолгое изучение геометрии позволяет простому мальчишке проследить значительную часть рассуждений Евклида»³. Тем самым обучение правилам и наблюдение за повторяющимся поведением других людей указывает на то, что «не существует и метафизического глазка, через который мы непрерывно подглядываем и понимаем самих себя, хотя на основе повседневного поведения в общественной и частной жизни мы выучиваемся объяснять самим себе свои мотивы и действия»⁴. Так как каждый человек может проследить отношения между своим личным опытом и внешними действиями,

¹ Райл Г. Понятие сознания. М., 2000. С. 25.

² Ryle G. Presidential Address. Knowing How and Knowing That. P.2.

³ Райл Г. Понятие сознания. С. 61.

то можно провести аналогию и понять действия других людей. С помощью особых *диспозициональных утверждений*, по мнению Райла, следует описывать и толковать ментальные предикаты не как внутренние, ненаблюдаемые, таинственные процессы и события, а как предрасположенность и способность к совершению действий, которые мы можем наблюдать.

Основной тезис «логического бихевиоризма» Райла заключается в обосновании возможности анализа ментальных состояний субъекта через интерпретацию его поведения⁵. Как человек мыслит, так он и действует. Возможными примерами могут быть такие ситуации, как осмотр следователя места происшествия, заверение нотариусом подлинности документов, обоснование судьей принятого судебного решения и т. д. Для принятия юридического решения всем им, по сути, не требуется вся полнота причинно-следственных связей, или объяснения того, что поведение человека полностью детерминировано, или же он просто несвободен, ибо не может контролировать ментальные процессы в своем сознании. В данном случае аргументы логического бихевиоризма оказываются достаточно гибкими, чтобы «спроцировать» всю работу сознания на процесс поведения человека. По этому поводу Райл отмечает, что «когда мы описываем людей как обнаруживающих определенные способности сознания, мы не обращаемся к скрытым эпизодам, следствием которых являются внешне наблюдаемые поступки и высказывания; мы обращаемся к самим этим поступкам и высказываниям»⁶. При этом даже наблюдаемые различия в стиле и способах поведения

⁴ Там же. С. 181.

⁵ См.: Stout R. Ryle's Behaviorism // Revue Internationale de Philosophie. 2003. Vol. 57. №. 223 (1). P. 37—49.

не предполагают необходимости видеть за каждым актом действия скрытые метафизические мотивы или явления, которые непосредственно предшествуют самому действию. Суждения о том, к каким последствиям приводят такие действия, должны подлежать проверке, что не представляется возможным при постулировании метафизических сущностей, раскрывающих природу сознания.

«Категориальные ошибки»

Будучи одним из главных представителей оксфордской школы лингвистической философии (философии обыденного языка), Райл при объяснении феномена сознания обосновывает важную философскую идею — идею «категориальных ошибок», связанных с неправильным употреблением понятий обыденного языка. Он приводит ряд изящных примеров, иллюстрирующих отсутствие необходимости видеть за эмпирически наблюдаемыми проявлениями поведения субъектов или организаций какие-либо скрытые сущности⁶. Если человеку показывают административные здания, корпус библиотеки, учебные аудитории, столовую, и все это вместе именуют университетом, было бы странно искать после такой увлекательной экскурсии особый феномен — университет. Ведь университет и состоит из всех этих многочисленных строений. Аналогично, во время военного парада на площади в понятие «армия» включаются все присутствующие виды вооруженных сил. Наше обыденное сознание постоянно стремится допускать присутствие скрытых сущностей

⁶ Райл Г. Понятие сознания. С. 34.

⁷ Ryle G. Presidential Address. Knowing How and Knowing That. P.3.

за видимыми явлениями, как будто это проясняет или придает новое содержание феномену. Но оказывается, что это лишь порождает «категориальные ошибки». В то же время абстрактное мышление не может в процессе абстрагирования не сталкиваться перед такими ошибками, как если размышляя о британской Конституции, мы стремимся обнаружить ее в виде единого нормативного документа.

Разумеется, задача Райла состояла в том, чтобы избавиться от «категориальных ошибок». Стивен Прист отмечает, что Райлу важно было начать с «устранения» метафизической проблемы сознания, поскольку сознание «обозначает сложное переплетение известных всем нам умений и поступков, таких, как воображение, верование, знание, решение проблем, восприятие и желание»¹. Дальнейшие примеры исключения категориальных ошибок у Райла — это раскрытие таких известных философских понятий, как «убеждение», «вера» и др. Так, если человек высказывает свою уверенность в чем-то, это означает не наличие какой-то особой идеи в сознании, которая проявляется в разговоре или поступках, а непосредственное поведение, доступное внешнему наблюдению. Именно склонность говорить и действовать уверенно подчеркивает наличие убеждения. То же самое с «верой»: «Если я верю, что лед опасно тонок, то я, не раздумывая, говорю себе и другим, что „лед тонок“, соглашаюсь, когда другие люди делают такие же высказывания, и возражаю на противоположные по смыслу, вывожу следствия из предложения „лед тонок“ и т. д. Однако вера в то, что лед опасно тонок, выражается также и в склонности кататься осторожно, бояться, представ-

¹ Прист С. Теории сознания. С. 73.

лять себе в воображении возможные несчастья и предостерегать от них других катающихся»¹. Поэтому через анализ диспозиций, т.е. склонности человека вести себя определенным образом, можно методически избегать ошибок в употреблении слов.

«Знание как» и «Знание что»

В президентском докладе «„Знание как“ и „Знание что“» (*Knowing How and Knowing That*) Райл развивает аргументацию, классическую для современной ему аналитической традиции, в контексте оценки разумности человеческого поведения: «Что же содержится в наших описаниях людей в качестве знающих как шутить, как оценивать шутки, как грамматически правильно говорить, как играть в шахматы, рыбачить или вести спор?»². Он полагает, что разумность заложена в тех критериях и стандартах, которым могут соответствовать или не соответствовать действия людей³. С одной стороны, разумность заложена соблюдением критериев, но в то же время важно, чтобы эти критерии действительно применялись в практических действиях. В рациональном поведении всегда должен присутствовать элемент критического отношения человека к своему поведению, поскольку разумность не может следовать только из соблюдения процедур: «Действие человека описывается как точное или умелое в том случае, если в своих операциях он готов отслеживать и исправлять промахи, повторять успешные достижения и совершенствоваться благодаря им, уметь извлекать пользу из примеров других людей и т. д. Он применяет критерии, дей-

¹ Райл Г. Понятие сознания. С. 139.

² Там же. С. 37

³ Ryle G. Presidential Address. *Knowing How and Knowing That*. P.5.

ствуя критично, т.е. пытаюсь все сделать правильно»¹. Тем самым разумность предполагает рефлекссию над своими действиями как в момент их планирования, так и в момент их совершения. В данном случае Райл призывает не приравнивать два типа знания друг к другу («знание как» и «знание что»)², иначе может появиться ощущение, что соблюдению критериев разумности предшествует внутреннее осознание неких «регулятивных принципов» или «императивов», якобы стимулирующих наше поведение: «Я намерен доказать, что интеллектуалистская легенда ложна и что, когда мы описываем действие как разумное, это не влечет за собой описания двойной операции обдумывания и исполнения. Прежде всего, существует много видов действий, в которых проявляются разумные способности, но отсутствуют сформулированные правила или критерии»³. Впрочем, аргументы Райла в отношении опровержения данной аргументации оказываются не до конца ясными. Так, он указывает, что «знание того, как применять максимы, не может быть редуцировано к принятию тех или иных максим, оно также не выводится из них», а значит «„думать над тем, что я делаю“, не означает и „думать, что делать, и делать это“»⁴. Но почему это именно так? Райл поясняет, что «когда я делаю что-либо разумно, т.е. думая над тем, что я делаю одну вещь, а не две, мое действие имеет не особые antecedentes, а особую манеру или методику осуществления»⁵. Умение не совпадает с действием, а потому не может считаться актом ни наблюдаемым, ни ненаблюдаемым. Оценка связи

¹ Райл Г. Понятие сознания. С. 37.

² Ryle G. Presidential Address. Knowing How and Knowing That. P.7.

³ Райл Г. Понятие сознания. С. 38; Ryle G. Presidential Address. Knowing How and Knowing That. P.8.

⁴ Райл Г. Понятие сознания. С. 40.

между умением и действием основывается на факторах, которые эмпирически не фиксируются, но при этом не являются и метафизическими. Райл убежден, что «традиционная теория сознания ошибочно истолковала типовое различие между диспозицией и действием как мифическую раздвоенность ненаблюдаемых ментальных причин и их наблюдаемых физических следствий»⁶.

Каким же образом реализуется «знание как»? Прежде всего так: образы, продуцируемые сознанием, отображаются в языке, а не остаются скрытыми от других людей. Даже в случае интроспекции свои образы и представления человек выражает с помощью языковых конструкций. Но в данном случае усвоения правил грамматики языка, по мнению Райла, будет недостаточно: «Именно то, что он делает на шахматной доске, а не в голове или при помощи языка, доказывает нам через наглядное умение применять правила, знает ли он их или нет. Аналогично этому иностранец может, подобно английскому ребенку, не знать, как говорить грамотно по-английски, несмотря на то что он овладел теорией грамматики английского языка»⁷.

Для прояснения своей позиции Райл вводит определение диспозициональных понятий, т.е. понятий, которые описывают поведение человека: «Суждение, приписывающее предмету диспозициональное свойство, во многом, хотя и не во всем, сходно с суждением, подводящим предмет под действие закона. Обладать диспозициональным свойством не означает пребывать в определенном состоянии или претерпевать определенные изменения»⁸. Это значит быть готовым или быть обязан-

⁵ Там же. С. 40—41.

⁶ Там же. С. 42.

⁷ Там же. С. 50.

ным принять определенное состояние или же претерпеть определенные изменения тогда, когда реализуется определенное условие»⁹. Такой же подход действует при анализе качеств характера человека, когда его склонности и убеждения не всегда полностью олицетворяют его текущие действия: «В описании этих диспозиций легко раскрыть гипотетическое утверждение, имплицитно передаваемое через приписывание диспозициональных качеств. Быть хрупким — значит просто быть готовым разлететься на осколки в таких-то и таких-то условиях. Быть курильщиком означает просто готовность набивать, зажигать и курить трубку в такой-то и такой-то ситуации. Это простые, сингулярные диспозиции, актуализация которых почти что единообразна»¹⁰.

При этом следует отметить, что хотя диспозиции проясняют, как правильно анализировать ментальные состояния, все же вопрос об их истинности в данном случае не ставится. Ведь расхождение между тем, что человек думает, говорит, делает, и как это интерпретируется с точки зрения последствий его поведения, вполне возможно. Ложь и притворство — такие же феномены языковой практики, как и утверждение истинных высказываний. Поэтому Райл предлагает учитывать контекст, при котором реализуется действие: «Существует множество диспозиций, актуализация которых может принять широкое, возможно неограниченное, разнообразие форм»¹¹.

Диспозициональный анализ призван освободить мышление и от проблемы ментальных состояний и «сво-

⁸ Эта мысль излагается в Ryle G. Presidential Address. *Knowing How and Knowing That*. P. 14.

⁹ Райл Г. Понятие сознания. С. 52.

¹⁰ Там же.

боды воли». Райла не устраивает трактовка добровольных действий как следствия особых ментальных причин или «воления»¹². То, что человек поступает добровольно, лишь означает, что у него есть склонность и стремление к такому действию, отсутствуют внешние препятствия для такой диспозиции, и он действительно совершил такое действие. Райл тем самым призывает современную эпистемологию больше обращать внимание на свидетельства опыта, нежели на рассуждения о неких однотипных интеллектуальных процессах: «Сколь бы упорно и подробно ни доказывал нам и себе самому конькобежец, что лед на пруду достаточно прочен, он демонстрирует сомнения в своей правоте, если держится ближе к берегу, прогоняет детей с середины водоема, ни на минуту не забывает о мерах предосторожности или же по долгу рассуждает о том, что бы было, если бы лед проломился»¹³.

В дальнейшем «знание как» Райл рассматривает как сложную диспозицию, в которой есть место и следованию правилам и канонам, и для использования критериев оценки: «В теоретическом плане нет никакой разницы, являются ли рассматриваемые нами действия молчаливо выполненными в голове субъекта, когда он, например, прилежно выучивает определенные теоретические операции, сочиняет шуточные стишки или решает анаграммы. Хотя, конечно, на практике разница существенна, поскольку, скажем, экзаменатор не может поставить оценку за операции, которые студент осуществляет только лишь в уме»¹⁴.

¹¹ Там же.

¹² Ryle G. Presidential Address. Knowing How and Knowing That. P.3—4.

¹³ Райл Г. Понятие сознания. С. 52—53.

Стивен Прист справедливо отмечает, что «диспозициональному объяснению, предлагаемому Райлом, при-суща, без сомнения, немалая интуитивная правдоподобность. Представляется, что оно согласуется со здравым смыслом в том, что если, к примеру, человек знает, что решением некоторой арифметической операции является определенное число, то он может написать данное число в качестве ответа на экзамене или же сказать его нам, когда мы спросим его о решении данной арифметической операции»¹⁵. Но как быть с восприятием и ощущением, или интроспекцией ментальных образов? Подлежат ли они такому диспозициональному анализу?

Райл отмечает, что действительно, не все ментальные термины сводимы к диспозициям, поскольку они могут обозначать явления. Различие заметно по известному примеру Райла о двух типах утверждений — «человек является курильщиком», и «человек курит сигарету». В первом утверждении сформулирована диспозиция, т.е. склонность человека к курению, что все же не означает, что он курит в данный момент или курит постоянно. Во втором утверждении как раз постулируется фактическое суждение о том, что человек курит сигарету. Это — описание события, а не диспозиции.

В отношении же интроспекции анализ Райла крайне критичен. Он не считает обоснованной бинарную операцию в мышлении по поводу и принятия решения в пользу действия, и осознания того, что человек принимает такое решение. Если человек встает рано по утрам, это не является результатом его интроспекции, поскольку вновь возникает дуализм ментального и физического. Та-

¹⁴ Там же. С. 58—59.

¹⁵ Прист С. Теории сознания. С. 76—77.

кая философская «терапия» и опора на здравый смысл, по мнению Райла, полезны для адекватного философского анализа.

Публикации в журнале «Труды Аристотелевского общества»

Ryle G. *Symposium: Negation* // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1929. Vol. 9. P. 67—111;

Ryle G. Systematically Misleading Expressions // Proceedings of the Aristotelian Society. 1931—1932. Vol. 32. P. 139—170;

Ryle G. Symposium: Imaginary Objects // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1933. Vol. 12. P. 18—70;

Ryle G. Categories // Proceedings of the Aristotelian Society. 1937—1938. Vol. 38. P. 189—206;

Ryle G. Presidential Address. Knowing How and Knowing That // Proceedings of the Aristotelian Society. 1945—1946. Vol. 46. P. 1—16;

Ryle G. Symposium: Why are the Calculuses of Logic and Arithmetic Applicable to Reality? // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1946. Vol. 20, pp. 20—60;

Ryle G. Symposium: Thinking and Language // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1951. Vol. 25, pp. 25—82;

Ryle G. Bertrand Russel (1872—1970) // Proceedings of the Aristotelian Society. 1970—1971. Vol. 71. P. 77—84.

Монографии

Ryle G. *The Concept of Mind*, London: Hutchinson, 1949

Ryle G. Dilemmas. Cambridge: Cambridge University Press, 1954

Ryle G. Plato's Progress. Cambridge, Cambridge University Press, 1966.

Ryle G. Collected Papers. London: Hutchinson, 1971.

Ryle G. On Thinking. K. Kolenda (ed.), Oxford: Blackwell, 1979.

Публикации на русском языке

Райл Г. Обыденный язык // Аналитическая философия: Становление и развитие

(антология). М.: «Дом интеллектуальной книги», «Прогресс-Традиция», 1998. С. 155—174.

Райл Г. М. Понятие сознания. М., Дом интеллектуальной книги, 2000. 408 с.

Райл Г. Категории // Райл Г. Понятие сознания. М., 2000. С. 323—339.

Райл Г. Главы из книги «Дилеммы» // Райл Г. Понятие сознания. М., 2000. С. 370—401.

Райл Г. Феноменология и лингвистический анализ // Логика, онтология, язык. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2006. С. 174—184.

Райл Г. Систематически дезориентирующие выражения // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 25. №3. С. 190—216.

2.4. Философия языка и теория речевых актов Джона Лэнгшо Остина¹

Мы используем наше отточенное восприятие слов для того, чтобы отточить восприятие нами феноменов²

Джон Лэнгшо Остин — английский лингвистический философ, один из основателей оксфордской философии обыденного языка и теории речевых актов.

Родился 26 марта 1911 г. в Ланкастере в Англии. После Первой мировой войны его родители Джефри Лэнгшо Остин и Мэри Боуз-Уилсон вместе с детьми переехали в Сент-Эндрюс в Шотландию, где его отец стал директором школы Святого Леонарда. В 1924 г. Остин поступает в школу Шрусбери, специализирующуюся на изучении классических языков и античной литературы, которая, по воспоминаниям Джефри Уорнока, как раз и сформировала его *modus vivendi*³. После ее окончания он подает документы на стипендию в Баллиол-Колледж и в 1929 г. поступает в Оксфордский университет на специальность *Literae Humaniores*⁴. Остин добивается в изучении античности высоких результатов, в 1931 г. его даже награждают

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект №МД-137.2020.6)

² *Остин Дж. Л.* Принесение извинений (пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина) // Остин Дж. Л. Три способа пролить чернила: Философские работы. СПб., 2006. С. 207.

³ *Warnock G.J.* John Langshaw Austin: A Biographical Sketch // Symposium on J. L. Austin. Edited by Kuang T. Fann. London: Routledge & Kegan Paul, 1969. P. 3.

премией Грэйсфорда за греческую прозу. В университете он знакомится с философией Аристотеля, которая впоследствии станет основой его философско-лингвистического подхода. И это неудивительно, ведь большинство оксфордских философов того времени изучали философию как часть курса, посвященного античной классике, готовясь стать прежде всего специалистами по античности⁵. «Обучение классической филологии, — пишет Питер Хакер, — оказало сильное влияние на его дальнейшую философскую деятельность — как на его увлечение сложностями и тонкостями языка, так и на отстаиваемое им требование внимательного и точного описания использования слов»⁶.

Философские взгляды молодого Остина во многом сформировались под влиянием его оксфордского преподавателя философии Гарольда Артура Причарда, с которым на лекциях и семинарах он нередко вступал в дискуссии. Так, например, интерес Остина к перформативным высказываниям, по мнению Стюарта Гэмпшира, можно объяснить тем, «что Причард на занятиях часто спрашивал: „Что мы имеем в виду, когда говорим: „Я согласен“? “ и затем добавлял „Провалиться мне, если я это знаю“»⁷. Примечательно, что в 1952 г. Остин будет избран на должность профессора философии (*White's Professor of Moral*

⁴ *Literae Humaniores*, также известное как *Greats*, — бакалаврский курс Оксфордского университета, основанный на изучении древнегреческого, латыни и античной истории и философии.

⁵ См. *Пассмор Дж.* Сто лет философии. М., 1998. С. 343, 463.

⁶ *Hacker P.M.S.* Austin, John Langshaw (1911–1960) // *Oxford Dictionary of National Biography*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 2. См. также: *Warnock G.J.* John Langshaw Austin: A Biographical Sketch. P. 4.

⁷ *Hampshire S. J. L.* Austin, 1911–1960 // *Proceedings of the Aristotelian*

Philosophy), которую в его студенческие годы как раз занимал Г. А. Причард.

После окончания университета в 1933 г. Остин становится научным сотрудником Колледжа Всех Душ, а через два года — членом и преподавателем философии Магдален-Колледжа. В Колледже Всех Душ он знакомится с Исайей Берлином, с которым вместе в 1936 г. будет вести семинар по книге К. И. Льюиса *Mind and the World Order*⁸. Берлин вспоминает, что это был лучший семинар, в котором он когда-либо участвовал: «Остин был нетороплив, тверд и непреклонен... Он решительно пресекал критику и возражения независимо от того, кто их высказывал, но настоящие философы уходили с нашего семинара не подавленными или разочарованными, но взволнованными и даже возбужденными»⁹. И именно этот семинар, по мнению Берлина, ознаменовал истинное начало научной карьеры Остина как независимого и оригинального мыслителя.

Весной 1937 г. по предложению Остина Берлин организует неформальный дискуссионный клуб, участники которого еженедельно в течение семестра собирались в его кабинете в Колледже Всех Душ. Помимо Остина и Берлина в него входили А. Айер, Д. Макнабб, Э. Вузли, С. Гэмпшир и Д. Маккиннон. Дискуссии про-

Society. 1959—1960. Vol. 60. P. 12. Схожий пример приводит Исая Берлин, см.: *Berlin I. Austin and the Early Beginnings of Oxford Philosophy // Essays on J. L. Austin. Oxford: Clarendon Press, 1973. P. 2.*

⁸ Это был первый семинар в истории Оксфорда по сочинениям современного философа. См.: *Hacker P.M.S. Austin, John Langshaw (1911—1960) // Oxford Dictionary of National Biography. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 2.*

⁹ *Berlin I. Austin and the Early Beginnings of Oxford Philosophy. P. 8.*

должались до лета 1939 г. и охватывали самые разные философские темы, такие как восприятие, априорная истина, верификация и логический характер контрфактических высказываний, природа и критерии личной идентификации и знание других сознаний¹. С этого времени у Остина начинает формироваться отторжение феноменализма, и крепнет убежденность, что многие крупные философские теории (включая феноменализм) страдают от общего недуга, проистекающего из пренебрежения лингвистическими различиями, которые становятся очевидными, если использованию обыденного языка уделить пристальное внимание. Остин также с подозрением начинает относиться к философскому жаргону логических позитивистов, «рассматривая позитивизм как еще одну общефилософскую теорию, не сильно отличающуюся от тех, чьи притязания она намеревалась разрушить»².

До Второй мировой войны Остин читает лекции в основном по философии Аристотеля и Лейбница. По воспоминаниям Гэмпшира, у Остина была совершенно бесподобная манера преподавания: на лекциях или семинарах он часто выбирал один или два четко сформулированных примера и в течение нескольких часов обсуждал их до тех пор, пока все возможные их интерпретации не будут исчерпаны, а затем через неделю снова к ним возвращался. И так могло продолжаться весь семестр³. За это время Остин опубликует всего одну статью⁴, несмотря на то, что его репутация как глубокого и проницательного мыслителя в Оксфорде уже сформировалась⁵.

¹ *Berlin I.* Austin and the Early Beginnings of Oxford Philosophy. P. 9.

² *Стролл А.* Аналитическая философия: двадцатый век. М., 2020. С. 208. См. также: *Warnock G.J.* John Langshaw Austin: A Biographical Sketch. P. 6–7.

В июле 1940 г. Остина призывают на военную службу, в ноябре того же года его переводят в британскую военную разведку и откомандировывают в военное министерство в Лондон, а в 1942 г. — в небольшой отдел Главного командования сухопутных войск, задачей которого был анализ разведывательных данных для подготовки операции по высадке союзных войск в Нормандии⁶. В сентябре 1945 г. он заканчивает военную службу в звании лейтенант-полковника (*Lieutenant-Colonel*). За активное участие в подготовке плана *D-Day*⁷ его награждают Орденом Британской империи, от Франции — Военным крестом (*Croix de guerre*), а от США — Орденом «Легион почета» (*Legion of Merit*).

В 1941 г. Остин женится на Джин Куттс, которая позднее также станет заниматься философией и работать с 1964 по 1986 гг. сотрудником оксфордского Колледжа Святой Хильды. У них было четверо детей: два сына и две дочери. Остин был семейным человеком, любящим

³ *Hampshire S. J. L. Austin, 1911–1960. P. 12–13.*

⁴ *Austin J. L. Are There A Priori Concepts? // Aristotelian Society Supplementary Volume. 1939. Vol. 18. №1. P. 83–105.*

⁵ При жизни Остин опубликовал всего лишь семь статей, выступил редактором сборника *Joseph H. W. B. Lectures on the Philosophy of Leibniz* (1948) и перевел с немецкого *Frege G. Grundlagen der Arithmetik* (1950). Все основные его работы были изданы посмертно. См.: *Warnock G.J. J. L. Austin: The Arguments of the Philosophers. London: Routledge, 1989. P. 2, 118.* По мнению Джона Пассмора, «Остин отдавал в печать только то, что был вынужден публиковать, дабы иметь возможность выступать перед аудиторией». *Пассмор Дж. Сто лет философии. С. 463.*

⁶ *Warnock G.J. John Langshaw Austin: A Biographical Sketch. P. 8.*

⁷ Морская десантная операция союзных войск, проведенная 6 июня 1944 г. в Нормандии.

домашнее тепло и уют. «Остины, — вспоминает Джордж Питчер, — представляли собой идеал того, какой может быть настоящая семья»¹. Строгий и официальный на людях, он только дома мог чувствовать себя спокойно и расслабленно.

Осенью 1945 г. Остин возвращается в Магдален-Колледж. Доминирующей философской позицией в то время была философия обыденного языка, которая начала формироваться еще в 1930–1940-х гг. Эта позиция предполагала признание и обоснование того, что слова и термины в человеческой жизни играют активную роль. Это позволило философии выйти за рамки изучения пропозициональной стороны языка и сосредоточиться на коммуникативной стороне речи. Выступая против сциентизма в философии, представители этого течения отмечали, что анализ понятий «использование» или «употребление» позволяет говорить о языке, в первую очередь, как о совокупности *действий*, а не значений. Из этого следует, что многое из того, о чем мы говорим, направлено в первую очередь не на передачу информации, а на подтверждение, актуализацию или внесение изменений в существующий институциональный *status quo*. Таким образом, язык начинает рассматриваться не как система обозначений, а в качестве инструмента осуществления той или иной социальной активности и в широком смысле действий².

Остин начинает активно встраиваться в академическую жизнь послевоенного Оксфорда и быстро становится одним из ее лидеров³. Так, например, его доклад

¹ *Pitcher G. Austin: A Personal Memoir // Essays on J. L. Austin. Oxford: Clarendon Press, 1973. P. 26.*

² См.: *Кирющенко В. В., Колопотин М. В.* Джон Остин, аналитическая философия и язык как социальное явление //

в 1946 г. на симпозиуме *Other Minds*⁴, по мнению Джона Пассмора, получил самое безоговорочное признание: «Его главным вкладом в философию совершенно основательно сочли приведенное им разъяснение аналогии между „знанием“ и „обещанием“, обычно выражаемое утверждением, что „знание“ есть перформативное слово»⁵. В те годы было распространено мнение, что знание есть название особого ментального состояния. В таком случае говорить: «Я знаю, что *S* есть *P*» — значит утверждать, что в этом ментальном состоянии я нахожусь в отношении к «*S* есть *P*». Эта теория, как показал Остин, основывается на «ошибке описания» (*descriptive fallacy*), то есть на предположении, что слова используются только для описания. Утверждая, что я знаю нечто, я не описываю свое состояние, но делаю решительный шаг — даю другим слово, беру на себя ответственность за утверждение, что *S* есть *P*, точно так же, как обещать — значит давать другим слово, что я сделаю *X*⁶. В этом докладе, по словам Хакера, наиболее удачно проявились отличия

Остин Дж. Л. Три способа пролить чернила: Философские работы. С. 5–7.

³ Джон Сёрл так объясняет популярность Остина: «Во-первых, у него были весьма оригинальные представления о том, как философию можно использовать на практике; и во-вторых, он обладал выдающимися интеллектуальными способностями и характером, которые проявлялись не только в его педагогической деятельности, но прежде всего в философских дискуссиях как со студентами, так и с коллегами». *Searle J.R. J. L. Austin (1911–1960) // A Companion to Analytic Philosophy. Edited by A. P. Martinich and David Sosa. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 219.*

⁴ *Austin J.L. Symposium: Other Minds // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1945–1946. Vol. 20. №. 1. P. 148–187.*

⁵ *Пассмор Дж. Сто лет философии. С. 353.*

тельные черты его стиля философствования: «проницательный взгляд на лингвистические детали, чуткий слух к тонкостям лингвистического использования, блестящее остроумие, а иногда даже язвительность»⁷. К схожему мнению приходит и Мартин Густафсон: «Именно с момента опубликования *Other Minds* можно говорить о существовании особо остиновского способа философствования — подхода, который будет оттачиваться в течение оставшихся пятнадцати лет его жизни и достигнет своего наибольшего развития в более поздних его статьях, таких как *Ifs and Cans* и *A Plea for Excuses*, опубликованных в 1956 году»⁸.

В 1947 г. Остин запускает, пожалуй, свой самый главный «проект», который на долгие годы станет визитной карточкой оксфордской философии, — *Saturday Morning Meetings*. Это был еженедельный семинар, заседания которого проходили по субботам в течение всего учебного года, сначала в кабинете Остина в Магдален-Колледже, а затем и в других местах⁹. По задумке Остина он предназначался не для профессоров философии (так, например, Гилберт Райл в нем не участвовал, поскольку в 1945 г. он был избран на должность *Waynflete Professor of Metaphysical Philosophy*), а прежде всего для

⁶ Там же. С. 353. См. также *Longworth G. John Langshaw Austin // The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Fall 2020 Edition). Edited by Edward N. Zalta, URL = <https://plato.stanford.edu/archives/fall2020/entries/austin-jl/> (дата обращения: 5.10.2020).

⁷ *Hacker P.M.S. Austin, John Langshaw (1911–1960)*. P. 3.

⁸ *Gustafsson M. Introduction: Inheriting Austin // The Philosophy of J. L. Austin*. Edited by Martin Gustafsson and Richard Sorli. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 10.

⁹ См.: *Warnock G.J. Saturday Mornings // Essays on J. L. Austin*. Oxford: Clarendon Press, 1973. P. 31–32.

молодых преподавателей философии, поэтому неформальным названием семинара было *The Teaching Hacks*. Идея состояла в том, чтобы, с одной стороны, отвлечь коллег от утомительной лекционной работы и зарядить их интеллектуальной энергией, а с другой стороны чтобы они транслировали идеи, которые обсуждались на этом семинаре, своим студентам¹. В разные годы в этих субботних встречах участвовали М. Дик, Г. П. Грайс, С. Гэмпшир, Р. Хэйр, Г. Л. А. Харт, П. Ноуэлл-Смит, Дж. Пол, Д. Пэрс, П. Ф. Стросон, Дж. Урмсон, Дж. Уорнок и Э. Вузли. Остин верил, что только «через совместное обсуждение, уделяя особое внимание деталям, возможен постепенный прогресс в решении философских проблем»². Поначалу правила участия были очень строгие — список участников был ограничен, и он составлялся лично Остином, но позднее правила смягчились, и приглашаться стали уже все желающие, если у них был интерес к обсуждаемым темам. На семинарах рассматривались (в основном критически) разные философские вопросы, анализировались как отдельные фрагменты, так и целые тексты, такие как *Никомахова этика* Аристотеля, *Основоположения арифметики* Г. Фреге, *Синтаксические структуры* Н. Хомского, *Феноменология восприятия* М. Мерло-Понти и *Философские исследования* Л. Витгенштейна. «Один семестр, — вспоминает Дж. Уорнок, один из участников семинара — был посвящен понятию *правила*. Эта тема была разделена на несколько частей, которые Остин

¹ Lacey N. A Life of H. L. A. Hart: The Nightmare and the Noble Dream. Oxford: Oxford University Press. 2004. P. 134–135.

² Hart H.L.A. John Langshaw Austin // Dictionary of National Biography 1951–1960. Edited by E.T. Williams and Helen M. Palmer. Oxford: Oxford University Press, 1972. P. 47.

распределил между участниками. И каждый в течение семестра должен был выступить по своей части»¹. А вот, что говорит другой участник семинара Дж. Урмсон: «Остин фактически нас заново учил целям и задачам философии. И он это прекрасно понимал, но в его действиях и словах никогда не было даже намека на высокомерие или самоутверждение»².

В 1947 г. Остин начинает читать курс лекций по восприятию, который продолжался с перерывами вплоть до 1960 г. После его смерти Дж. Уорнок переработает его лекционные заметки и на их основе в 1962 г. опубликует *Sense and Sensibilia*³. В этой работе, в которой «неразрывно перемешаны остроумие и философская пронизательность»⁴, Остин пытается опровергнуть феноменалистский аргумент от иллюзии, согласно которому мы воспринимаем (то есть непосредственно воспринимаем) не материальные объекты, а лишь только чувственные данные, идеи или впечатления. Он полагал, что неправильное употребление таких слов как «материальный объект», «иллюзия», «обман», «реальность» или «реальный» приводит

¹ *Warnock G.J.* John Langshaw Austin: A Biographical Sketch. P. 14. См. также *Lacey N.* A Life of H. L. A. Hart: The Nightmare and the Noble Dream. Oxford: Oxford University Press. 2004. P. 135. Сравним с тем, что пишет С. Гэмпшир: «Остин всегда был противником любительского лингвистического анализа во всевозможных его проявлениях и был убежден, что для организованного и слаженного философского исследования языка любители должны стать профессионалами». *Hampshire S. J. L.* Austin, 1911–1960. P. 8.

² *Urmson J.O.* John Langshaw Austin (1911–1960) // *Analysis*. 1960. Vol. 20. №6. P. 121.

³ См.: *Austin J.L.* *Sense and Sensibilia*. Edited by Geoffrey J. Warnock. Oxford: Clarendon Press, 1962.

⁴ *Стролл А.* Аналитическая философия: двадцатый век. С. 212.

к ошибочным философским выводам и неправильному описанию обозначаемых ими явлений. Непродуманное противопоставление — либо материальный объект, либо чувственные данные — может привести только к заблуждению. Более того, противопоставляемые таким образом категории в одинаковой мере сомнительны и нуждаются в критическом исследовании. Не все, что мы воспринимаем, является материальным объектом (например, тени, голоса, радуга), а если это так, то из этого не следует, что то, что мы воспринимаем, является чувственными данными, не говоря уже об их реальности (радуга не является «нереальной»; «реальную» радугу можно сравнить с нарисованной, а не с «нереальной»). Ошибочно также полагать, что мы воспринимаем материальные объекты опосредованно, посредством чувственных данных. Можно что-то видеть опосредованно, например, через перископ или подзорную трубу, но это не равносильно «непосредственному восприятию» чувственных впечатлений. То, что нечто не является реальным, не означает, что это лишь видимость. Слово «реальный» получает свое значение через противопоставление с такими словами как, например, «поддельный», «искусственный», «фальшивый», «игрушечный» и др., ни одно из которых не подразумевает ничего нереального¹. Схожий подход Остин демонстрирует и в других своих работах, в частности, в *A Plea for Excuses*² — президентском докладе на заседании Аристотелевского общества, который мы рассмотрим позднее.

В 1948 г. вместе с Г. Л. А. Хартом начинает вести теоретический семинар *Legal and Moral Responsibility* (или

¹ См.: *Hacker P.M.S.* Austin, John Langshaw (1911–1960). P. 5; а также *Hart H.L.A.* John Langshaw Austin / *Dictionary of National Biography* 1951–1960. P. 47.

² См.: *Austin J. L.* *A Plea for Excuses: The Presidential Address* //

как его обычно называли *Excuses*), где обсуждаются вопросы, связанные с анализом юридических понятий, обозначающих действия и ответственность. Результаты этого семинара лягут в основу не только его курса лекций *Words and Deeds*, который Остин будет читать в Оксфорде в 1952–1954 гг., но и с некоторыми изменениями — основой его курса лекций имени Уильяма Джеймса, прочитанного в Гарвардском университете весной 1955 г. Конспекты гарвардских лекций с подробными черновыми заметками Остина будут посмертно опубликованы Дж. Урмсоном под названием *How to Do Things with Words*³. Здесь Остин развивает идею, что действия следует понимать не как нечто, имеющее характер поступков, совершаемых свободными в публичной сфере индивидами, но как *социальное поведение*, то есть как определенный ряд действий, которые в определенных обстоятельствах ожидаются социумом от индивида. Он открывает совершенно особый тип речевых актов, основная суть которых заключается в том, что осуществляющий их субъект всегда совершает нечто большее, чем просто описание индивидуального действия, не совершая при этом никакого дополнительного действия. Он обратил внимание на то, что огромное количество действий люди способны совершать при помощи слов, или словами. Более того, в каждом речевом акте обнаружилось не один, а несколько уровней, поскольку кроме совершения самого акта высказывания мы нечто делаем посредством этого акта и при этом как-то оцениваем последствия его совершения и степень воздействия на того, к кому обращаемся.

Proceedings of the Aristotelian Society. 1956–1957. Vol. 57. №1. P. 1–30.

³ См.: *Austin J.L. How to Do Things with Words*. Edited by James O. Urmson. Oxford: Clarendon Press, 1962.

Остин выделил три вида актов, связанных с произнесением предложения: «локутивный» акт, цель которого — сообщить некое значение, когда, например, кто-то *говорит нам*, что Джордж идет; «иллокутивный» акт с определенной «силой», когда, например, кто-то *предупреждает* нас, что Джордж идет; и «перлокутивный» акт, нацеленный посредством употребления предложения на произведение некоторого воздействия на адресата, когда, например, кто-то не говорит нам прямо, что Джордж идет, но *каким-то образом указывает* нам, что он приближается¹.

Остин приходит к выводу, что задачей философского анализа становится точное указание на конкретные множества различных способов обыденного употребления языка, которые в определенных ситуациях с очевидностью не могут быть верифицированы или фальсифицированы. Такие ситуации, или контексты употребления языка, могут быть проанализированы только в терминах речевой ситуации. Поэтому Остин сдвигает акцент исследования с формальных признаков высказываний на анализ конкретных ситуаций. Тот, кто произносит «Я обещаю сделать X», не описывает существование обещания, но *дает* (или, словами Остина, *делает*) обещание. Поэтому, не отрицая в целом, что определенное использование языка может быть дескриптивным, Остин отмечает важность учета перформативного характера многих повседневных употреблений. Люди используют язык не просто для того, чтобы описать мир, а скорее совершить действия с его помощью. Следовательно, невозможно понять

¹ См.: Кирющенко В. В., Колопотин М. В. Джон Остин, аналитическая философия и язык как социальное явление // Остин Дж. Л. Три способа пролить чернила: Философские работы. С. 13–14. См. также: Пассмор Дж. Сто лет философии. С. 355–356.

предложение, просто анализируя составляющие его слова или его структуру, без внимания к говорящему и к той цели, ради которой он это предложение употребляет.

Философские интересы Остина, по мнению П. Хакера, можно условно разделить на три группы: восприятие, действие и речевые акты¹, а А. Стролл считает, что на две: первую группу составляют проблемы других сознаний, свободы воли, нашего познания внешнего мира и природы истины, а вторую — теория речевых актов². Но так или иначе все сочинения Остина отличает особый философский подход, или лучше сказать метод, который, по его мнению, может быть применен к любой философской проблеме. Этот метод основывался, с одной стороны, на том, что «обыденный язык содержит много различий, и что они дошли до нас в более или менее неповрежденных формах», а, с другой стороны, на том, что «если различие существует в обычном дискурсе, то мы можем ожидать найти его коррелят и в реальном мире»³.

В 1952 г. Остина избирают профессором философии оксфордского Колледжа Корпус-Кристи (*White's Professor of Moral Philosophy*)⁴, в 1956 г. — президентом Аристотелевского общества, а в 1958 г. — членом Британской научной академии. Помимо научной и образовательной де-

¹ *Hacker P.M.S. Austin, John Langshaw (1911–1960). P. 5.*

² См.: *Стролл А. Аналитическая философия: двадцатый век. С. 214–215.*

³ Там же. С. 216–217. Сравним со словами С. Гэмшира: «Остин не нуждался в теории философского метода и, следовательно, не нуждался в теории самой философии. Его „метод“, который лучше бы называть стилем или привычкой мышления, всегда оставался практически неизменным». *Hampshire S. J. L. Austin, 1911–1960. P. 2.*

⁴ На тот момент в Оксфорде было всего три должности профессора

тельности он активно занимается и административной работой: на 1949—1950 учебный год его избирают младшим проктором Оксфордского университета⁵, с 1953 по 1955 гг. — руководителем отделения философии, в 1952 г. — представителем университета в *Oxford University Press*, где с 1957 г. до самой своей смерти он возглавлял финансовый комитет.

В декабре 1959 г. вскоре после возвращения из Калифорнийского университета в Беркли у него диагностируют рак легких⁶. 8 февраля 1960 г. Дж. Л. Остин скоропостижно скончался в своем доме в Оксфорде.

Президентский доклад

Весной 1956 г. Дж. Л. Остина избирают президентом Аристотелевского общества и 29 октября 1956 г. в Лондоне он произносит свою президентскую речь под названием *A Plea for Excuses*⁷. Этот доклад, с одной стороны, является неким подведением итогов или интеллектуальным результатом совместного с Г. Л. А. Хартом (прези-

философии, которые замещали Дж. Л. Остин (*White's Professor of Moral Philosophy*), Г. Райл (*Waynflete Professor of Metaphysical Philosophy*) и Г. Прайс (*Wykeham Professor of Logic*).

⁵ Проктор (*Proctor*) — выборное должностное лицо Оксфордского университета, ответственное за университетскую дисциплину (в том числе на экзаменах). Ежегодно избираются два проктора: старший и младший.

⁶ *Lendrum A.* Remembering J. L. Austin // J. L. Austin on Language. Edited by Brain Garvey. London: Palgrave Macmillan, 2014. P. 23—24.

⁷ *Austin J. L.* A Plea for Excuses: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956—1957. Vol. 57. №1. P. 1—30. См. русский перевод: *Остин Дж. Л.* Принесение извинений // Остин Дж. Л. Три способа пролить чернила: Философские работы. С. 200—231. Далее

дентом Аристотелевского общества в 1959—1960 г.) теоретического семинара *Legal and Moral Responsibility* 1948 г., но с другой стороны продолжением некоторых идей, озвученных в рамках гарвардского лекционного курса *How to Do Things with Words* 1955 г. По мнению многих исследователей творчества Остина, *A Plea for Excuses* вполне обоснованно является одной из лучших его работ — наиболее плодотворной, глубокой, многозначительной, и в полной мере отражающей остроту и проницательность его ума.

Остин так начинает свой доклад: «Не рассмотрение, но лишь представление предмета данной работы, то есть *Извинений*, определяет ограничивающие его рамки. Это слово именуется, или могло бы именовать, целую ветвь философии, имеющую, возможно, даже собственные широкие ответвления, — или же, по крайней мере, некоторый стиль философствования»⁸. Далее он уточняет, что предметом его исследования являются не извинения как таковые, но условия, при которых мы приносим свои извинения или принимаем чужие. В общем он предлагает рассмотреть ситуации, требующие извинений, то есть те, в которых некто обвиняется в совершении того или иного поступка, или же когда о ком-то говорят, что он совершил нечто плохое, недостойное, неуместное, неподобающее. Затем этот некто или кто-то от его имени пытается либо оправдать содеянное, либо как-то иначе выйти из положения⁹. Лицо, оказавшееся в такой ситуации, может придерживаться одного из двух вариантов поведения. Либо признаться в содеянном, и заверить всех вокруг, что это было сделано из благих побуждений,

цит. по русскоязычному изданию.

⁸ Остин Дж. Л. Принесение извинений // Остин Дж. Л. Три способа пролить чернила: Философские работы. С. 200.

или что так поступить было позволительно. То есть *оправдать* каким-то образом свой поступок, сославшись на некие оправдывающие причины или обстоятельства. Либо же признаться в совершении чего-то нехорошего, но при этом отрицать, что это было сделано намеренно. Произошедшее могло оказаться случайностью или ненамеренно совершенной ошибкой. То есть человек может *извиниться* за свой поступок. Или как пишет Остин: «В первом случае мы принимаем на себя ответственность, но отрицаем негативную оценку произошедшего, а во втором — признаем в содеянном нечто неподобающее, но принимаем на себя не весь груз ответственности или же вовсе его не принимаем»¹⁰.

Таким образом, *извинения* необходимо отличаются от *оправданий*, хотя установить это не всегда просто. Вы разбили вазу, но это произошло из-за того, что вы испытывали сильный эмоциональный стресс (оправдание), или же из-за того, что вас ужалила оса (извинение). И хотя в обоих случаях речь идет об одном и том же действии, способы защиты от предъявленных вам обвинений (выдвижение *оправданий* или принесение *извинений*) принципиально отличаются. Изучение извинений, занимающих чрезвычайно важное место в человеческой деятельности, позволяет, таким образом, лучше понять само действие или поведение (принося извинения, мы совершаем некое действие, отличающееся по своей природе от действия, за которое мы извиняемся), ибо исследовать извинения означает исследовать ситуации, в которых имеет место нарушение нормального хода вещей, неудача в чем-либо. Или как говорит Остин: «Нарушение нормы часто помо-

⁹ Там же. С. 201.

¹⁰ Там же. С. 201.

гает многое прояснить относительно самой нормы»¹. Это и есть ключевая идея, выступающая основой предлагаемого им метода, — прояснив оборотную сторону какого-либо понятия, мы можем прояснить, или по крайней мере сделать яснее лицевую сторону. В качестве примера он обращается к понятию свободы. Традиционная философия рассматривала это понятие как «положительное», в то время как лингвистическая философия, напротив, считает, что сказать, будто некто действовал «свободно», означает лишь высказаться, что этот субъект действовал *не* несвободно. Поэтому для прояснения понятия свободы, по мнению Остина, следует рассматривать его оборотную сторону — ответственность: «Цель принесения извинений чаще всего определяет желание уйти от ответственности, по крайней мере, от полной ответственности»².

Рассмотрение понятия свободы как «негативного» понятия позволяет пролить свет на понятия действия и ответственности в том смысле, в каком понятие «нереальное» объясняет «реальное». Остин называет такие слова — «слова-штаны» (*trouser-words*). Так, в *Sense and Sensibilia* он говорит: «„Реальный“ это то, что мы можем назвать *словом-штаны*. Обычно считается, и я смею утверждать, что обычно правильно считается, что утвердительное использование термина можно назвать основным — в том смысле, чтобы понять „*x*“, нам надо знать, что значит быть *x*, и что это знание говорит нам о том, что значит не быть *x*. Но слово „реальный“ употребляется *негативным* образом, на его негативное употребление надеты штаны. То есть утверждению, что нечто реально,

¹ Там же. С. 205.

² Там же. С. 206.

или реально то-то и то-то, придается определенный смысл только в свете особого способа, которым оно может быть или могло бы быть *нереальным*»¹. Точно так же «свобода» является словом-штаны: оно приобретает свое значение из понятий, которые оно исключает. «Подобно „истине“, — говорит Остин, — не являющейся именем характеристики утверждений, „свобода“ является не именем характеристики действий, но именем измерения, в котором действия могут получить ту или иную оценку»². Объяснить свободу мы можем только через ее противопоставление несвободе (принуждению, навязыванию, понуждению и т.д.). И хотя Остин не рассматривает примеры «положительного» (обыденного, нефилософского) употребления понятия свободы, то есть когда свобода трактуется как понятие, приписывающее действию некий положительный признак или свойство, и вопрос заключается лишь в том, правильно ли этот признак или свойство приписываются (если в обыденной жизни мы согласны с тем, что *X* сделал *A*, то мы не обязаны искать какое-то конкретное, дополнительное основание для вывода, что он действовал «свободно»; мы можем сказать, что он действовал «свободно», если только нет причин утверждать обратное — что он сделал это по принуждению, ошибочно, непреднамеренно и т.д.)³. Он считает, что философская «свобода», возможно, работает точно так же: мы можем сказать, что действительно существуют случаи свободного действия («Я пошел туда, куда хотел»), так же как и случаи несвободного дей-

¹ *Austin J.L.* Sense and Sensibilia. P. 70.

² *Остин Дж. Л.* Принесение извинений // Остин Дж. Л. Три способа пролить чернила: Философские работы. С. 205.

³ См. подробное обсуждение этого вопроса: *Warnock G.J.* J. L. Austin: The Arguments of the Philosophers. P. 51–53.

ствия («Он приставил к моей голове пистолет, так что мне пришлось отдать ему деньги»)¹. Вот почему «свобода является именем измерения, в котором действия могут получить ту или иную оценку».

Но чтобы установить богатство и проницательность обыденного языка в такой области как извинения, нам нужен некий метод, который способен пролить свет на интересующие нас проблемы при строгом, тщательном ему следовании. Остин так формулирует содержание этого методологического средства: «Во-первых, слова суть инструменты, которые мы используем; эти инструменты должны быть, по крайней мере, достаточно чистыми, то есть мы должны знать, что мы имеем в виду и что нет, мы должны быть достаточно вооружены для того, чтобы не попадаться в те ловушки, которые расставляет нам язык. Во-вторых, слова (кроме как в их собственном маленьком углу) не являются фактами или предметами. В-третьих, и это более ясно, общий для всех нас мир слов воплощает собой совокупность всех тех различий, которые человек находит нужным проводить, а также связи, которые он находит нужным отмечать и накапливать с течением многих сменяющих одно другое поколений»². Это означает, что когда мы пытаемся выяснить, что мы должны говорить в тех или иных ситуациях, какие именно слова использовать, мы обращаемся не просто к словам, но также к реалиям, о которых мы говорим, используя те или иные слова: «Мы используем наше отточенное восприятие слов для того, чтобы отточить восприятие нами феноменов»³.

¹ См.: *Стролл А.* Аналитическая философия: двадцатый век. С. 220–221.

² *Остин Дж. Л.* Принесение извинений // Остин Дж. Л. Три способа пролить чернила: Философские работы. С. 207.

Именно исследование извинений, по мнению Остина, обеспечивает нас многообещающим опытом, позволяющим ответить на такие вопросы как: говорим ли все мы без исключения всегда одно и то же в одних и тех же ситуациях? Не различаются ли применяемые нами способы употребления слов? И является ли то, что мы обычно говорим, единственно возможным, наилучшим или окончательным способом выражения? Обыденный язык и заключенные в нем тонкие лингвистические различия употребляемых нами слов и выражений представляет собой чрезвычайно благодатную почву для философского исследования извинений. И если наша цель состоит в том, чтобы вообразить разнообразные ситуации, в которых от нас требуется принести свои извинения, и затем исследовать выражения, в которых мы это делаем, то обыденный язык будет непременно играть роль «первого слова»⁴. Таким образом, только тщательный анализ различных контекстов случаев принесения извинений (Остин называет это уроками, которые мы должны извлечь из исследования извинений⁵), уделяющий внимание порядку слов, расставленным акцентам, этимологии

³ Там же. С. 207. Остин называет такое философское исследование лингвистической феноменологией. См. об этом подробнее: *Arrington R.L.* Can There Be a Linguistic Phenomenology? // *The Philosophical Quarterly*. 1975. Vol. 25. №101. P. 289–304; *Harris J.F., Jr.* A new Look at Austin's Linguistic Phenomenology // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1976. Vol. 36. №3. P. 384–390; *Digiovanna J.* Linguistic Phenomenology: Philosophical Method in J.L. Austin. New York: Peter Lang Inc., 1989; *Benoist J.* Linguistic Phenomenology? // *Meaning and Language: Phenomenological Perspectives*. Edited by Filip Mattens. Dordrecht: Springer, 2008. P. 215–235.

⁴ *Остин Дж. Л.* Принесение извинений // Остин Дж. Л. Три способа пролить чернила: Философские работы. С. 210–212.

и адвербальным характеристикам, которыми наделяет свое поведение тот, кто совершает поступок, позволяет нам выяснить, почему в одних случаях извинения принимаются, а в других нет, а также как сам по себе акт принесения извинений налагает ограничения на вменение ответственности⁶.

Но чтобы лучше понять весь глубинный смысл *A Plea for Excuses*, ее следует рассматривать вместе с посмертно опубликованной рукописью *Three Ways of Spilling Ink*⁷, где Остин обращается к другой стороне медали проблемы «свобода-ответственность». В первом случае он рассматривает *извинения* — те или иные пути, те или иные слова, следуя которым и произнося которые, мы получаем возможность в тех или иных ситуациях выйти из затруднения, показать, что мы не действовали «свободно», или не несли «ответственность» за содеянное. Во втором случае его уже интересует то, что можно было бы назвать обмолвками (*words of aggravation*), то есть словами, которые не только не помогают нам выйти из положения, но могут даже усугубить его или привести к тому, на устранение чего как раз изначально направлены приносимые нами извинения⁸. То есть в последнем случае речь идет уже о том, что *X* не только совершил *A*, но и сделал это намеренно, умышленно или нарочно. Несмотря на то, что мы часто наделяем эти понятия одним и тем же значением (нам представляется, что они направлены на выяснение одно-

⁵ Там же. С. 215.

⁶ Кирющенко В. В., Колопотин М. В. Джон Остин, аналитическая философия и язык как социальное явление / Остин Дж. Л. Три способа пролить чернила: Философские работы. С. 18.

⁷ Austin J.L. *Three Ways of Spilling Ink* // *The Philosophical Review*. 1966. Vol. 75. №4. P. 427–440.

⁸ Ibid. P. 428.

го и того же), их все же следует разграничивать, так же как и в случае с извинениями.

Публикации в журнале «Труды Аристотелевского общества»

Mackinnon D. M., Maclagan W. G., Austin J. L. Symposium: Are There A Priori Concepts? // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1938—1939. Vol. 18. №1. P. 49—105.

Wisdom J., Austin J. L., Ayer A. J. Symposium: Other Minds // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1945—1946. Vol. 20. №1. P. 122—197.

Austin J. L., Strawson P. F., Cousin D. R. Truth // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1949—1950. Vol. 24. №1. P. 111—172.

Austin J. L. How to Talk: Some Simple Ways // Proceedings of the Aristotelian Society. 1952—1953. Vol. 53. №1. P. 227—246.

Austin J. L. A Plea for Excuses // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956—1957. Vol. 57. №1. P. 1—30.

Austin J. L., Anscombe G. E. M. Pretending // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1958. Vol. 32. №1. P. 261—294.

Монографии

Austin J. L. Philosophical Papers. Edited by James O. Urmson and Geoffrey J. Warnock. Oxford: Clarendon Press, 1961.

Austin J. L. How to Do Things with Words. Edited by James O. Urmson. Oxford: Clarendon Press, 1962.

Austin J. L. Sense and Sensibilia. Edited by Geoffrey J. Warnock. Oxford: Clarendon Press, 1962.

Публикации на русском языке

Остин Дж. Л. Три способа пролить чернила: Философские работы. Пер. с англ. В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 335 с.

Остин Дж. Л. Слово как действие (пер. с англ. А. А. Медниковой) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17 «Теория речевых актов». М.: Прогресс, 1986. С. 22–130.

Остин Дж. Л. Как производить действия при помощи слов. Пер. с англ. В. П. Руднева // Остин Дж. Л. Избранное. М.: Идея-Пресс, 1999. С. 13–138.

Остин Дж. Л. Смысл и сенсibiliи (пер. с англ. Л. Б. Макеевой) // Остин Дж. Л. Избранное. М.: Идея-Пресс, 1999. С. 143–246.

Остин Дж. Л. Чужое сознание (пер. с англ. М. А. Дмитриевской) // Остин Дж. Л. Избранное. М.: Идея-Пресс, 1999. С. 247–289.

Остин Дж. Л. Истина (пер. с англ. А. Л. Золкина) // Остин Дж. Л. Избранное. М.: Идея-Пресс, 1999. С. 290–307.

Остин Дж. Л. Значение слова (пер. с англ. А. Л. Золкина) // Остин Дж. Л. Избранное. М.: Идея-Пресс, 1999. С. 308–326.

Остин Дж. Л. Чужое сознание (пер. с англ. М. А. Дмитриевской) // Философия, логика, язык. М.: Прогресс, 1987. С. 48–95.

Остин Дж. Л. Значение слова (пер. с англ. А. Л. Золкина) // Аналитическая философия: Избранные тексты. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 105–121.

Остин Дж. Л. Перформативы — констативы (пер. с англ. Г. Е. Крейдлина) // Дж. Р. Сёрл. Философия языка. М.: Едиториал УРСС, 2010. С. 23–34.

2.5. Концептуальный анализ в философии права Герберта Харта¹

*Философы считали меня необычным
юристом, а юристы — необычным
философом²*

Герберт Лайонел Адольф Харт — английский философ и теоретик права, профессор юриспруденции Оксфордского университета, основатель аналитической философии права.

Родился 18 июля 1907 г. в ортодоксальной еврейской семье в английском городке Харрогейт. У его родителей Семиона Харта и Розы Сэмсон был небольшой швейный бизнес, благодаря которому их четверо детей получили полноценное образование. В 1918 г. Харт поступает в Челтенхем-Колледж, одно из немногих образовательных учреждений того времени, где было возможно отдельное обучение еврейских мальчиков. В 1921 г. родители его переводят в Брэдфорскую языковую школу, которую он оканчивает в 1926 г. По настоянию Гилберта Мюррея, преподавателя классической филологии Нью-Колледжа Оксфордского университета, на которого молодой Харт произвел сильное впечатление своим знанием древнегреческого языка³, Харт подает на стипендию в Нью-Колледж и в октябре 1926 г. поступает в Оксфордский университет на специаль-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ (проект №МД-137.2020.6)

² Цит. по: *Honoré A. Herbert Lionel Adolphus Hart 1907–1992* // *Proceedings of the British Academy*. 1994. Vol. 84. P. 306.

ность *Literae Humaniores*⁴. В 1929 г. после успешной сдачи выпускных экзаменов он получает от Иисус-Колледжа предложение продолжить изучение античной истории. Однако он отказывается и решает готовиться к экзаменам на адвоката (барристера). В 1932 г. его принимают в лондонскую коллегия адвокатов, в которой он проработает до 1940 г. За это время ему несколько раз предлагали вернуться в Оксфордский университет, но всякий раз он отказывался⁵.

В 1936 г. Харт знакомится со своей будущей супругой Дженифер Фишер Уильямс, дочерью известного британского дипломата, специалиста по международному праву, сэра Джона Фишера Уильямса. По рекомендации Дженифер⁶ в 1940 г. Харт приглашают на службу в британскую контрразведку MI5 в Блетчли-парк, где его основной обязанностью становится анализ перехваченных и дешифрованных сообщений немецких спецслужб⁷.

³ Гилберт Мюррей посетил Брэдфордскую языковую школу незадолго до ее окончания Хартом, где он и обратил внимание на юного филолога.

⁴ *Literae Humaniores*, также известное как *Greats*, — бакалаврский курс Оксфордского университета, основанный на изучении древнегреческого языка, латыни и античной истории и философии.

⁵ Так, по воспоминанию коллеги Харта по адвокатской практике Ричарда Уилберфорса, в 1937 году ему предлагали освободившееся место преподавателя философии в Нью-Колледже, но он отказался и вместо него был избран Исайя Берлин. См.: *Honoré A. Herbert Lionel Adolphus Hart 1907–1992 // Proceedings of the British Academy. 1994. Vol. 84. P. 298.*

⁶ В то время она работала личным секретарем заместителя министра внутренних дел Александра Максвелла. См.: *White G.E. Getting Close to H. L. A. Hart // Melbourne University Law Review. 2005. Vol. 29. P. 321.*

Во время военной службы он знакомится с Гилбертом Райлом и Стюартом Гэмширом, философские беседы с которыми оказали сильное влияние на переоценку его жизненных ориентиров: «Чем дальше я отдалялся от юриспруденции, тем сильнее мне хотелось заняться философией. Я понимал, что с тех пор, как я окончил университет, в философии многое изменилось, поэтому мне были интересны новые философские направления, такие как, например, логический позитивизм и др. К концу Второй мировой войны у меня появилась идея, а не вернуться ли мне в мой старый оксфордский колледж»⁸. «Война вернула Харта в компанию философов»⁹, как говорит Нейл Маккормик. После демобилизации Харт оставляет адвокатскую практику, на которую потратил почти восемь лет, и в 1945 г. по приглашению главы Нью-Колледжа А. Х. Смита становится членом колледжа и преподавателем философии¹⁰. Из «интеллектуального» багажа у тридцативосьмилетнего Харта на тот момент были лишь восемь лет адвокатуры и степень ба-

⁷ См.: *Simpson B.A.W.* Herbert Hart Elucidated // *Michigan Law Review*. 2006. Vol. 104. P. 1443. Примечательно, что сослуживцем Харта был английский математик и логик Алан М. Тьюринг. См.: *Gavaghan C.* Defending the Genetic Supermarket: The Law and Ethics of Selecting the Next Generation. London & New York: Routledge, 2007. P. 37.

⁸ *Sugarman D.* Hart Interviewed: H. L. A. Hart in Conversation with David Sugarman // *Journal of Law and Society*. 2005. Vol. 32, No. 2. P. 272–273.

⁹ *MacCormick N.* Herbert L. A. Hart: In Memoriam // *Ratio Juris*. 1993. Vol. 6, No. 3. P. 338.

¹⁰ *Honoré A.* Herbert Lionel Adolphus Hart 1907–1992 // *Proceedings of the British Academy*. 1994. Vol. 84. P. 300. См. также: *Berlin I.* Herbert Hart / *Personal Impressions*. Princeton University Press, 2014.

калавра философии. «По меркам современной академической жизни, — пишет Никола Лэйси, — идея о том, что бывший студент без академического опыта может быть избран на постоянную должность спустя всего несколько лет после окончания университета, выглядит совершенно немыслимой... Даже по меркам 1930-х и 1940-х гг. это было невероятно»¹¹.

Философские взгляды Харта, которые к моменту его возвращения в Оксфорд были скорее неоплатоновскими, после знакомства с философией «обыденного языка» претерпевают серьезные изменения. Идеи этого философского направления, которое в 1930-х гг. приобрело особую популярность среди многих оксфордских преподавателей, оказались удачно совместимыми с его юридическими знаниями¹². В 1945 г. Исая Берлин знакомит Харта с Джоном Лэнгшо Остином — философом и неформальным лидером оксфордской школы лингвистического анализа, и Фридрихом Вайсманом — философом математики и логиком, членом Венского кружка и бывшим учеником Витгенштейна. Превалирующим в это время в Оксфорде был подход к исследованию философских проблем как по пре-

Р. 333.

¹¹ *Lacey N. A Life of H. L. A. Hart: The Nightmare and the Noble Dream. Oxford: Oxford University Press. 2004. P. 114.*

¹² Вот что сам Харт говорит по этому поводу: «Практика позволила мне лучше понять право, чем, если бы я этому учился в университете. В моем распоряжении было много практических примеров, над которыми можно было философствовать... Я всегда был страстно увлечен языком... Слова юридических конструкций, например, завещаний или договоров, меня всегда очаровывали». — Цит. по: *Sugarman D. Hart Interviewed: H. L. A. Hart in Conversation with David Sugarman // Journal of Law and Society. 2005. Vol. 32, No. 2. P. 271–272.*

имуществу проблем употребления языка. То есть философские проблемы разрешались посредством анализа слов в контексте их обычного употребления. Кроме того, лингвистическая философия в отличие от идеалистических философских теорий оказалась вполне пригодной для описания реального мира; для Остина, Райла, Харта и многих других оксфордских философов, которые вернулись к академической жизни после продолжительной службы в армии во время Второй мировой войны, это было особенно убедительным аргументом¹. Такой *common sense* подход вполне соответствовал юридическому опыту Харта, когда, будучи адвокатом, ему часто приходилось сталкиваться с внимательным прочтением и точным истолкованием положений законов и судебной практики для их правильного применения в тех случаях, когда это не совсем очевидно.

Харт начинает постепенно интегрироваться в оксфордское философское сообщество: регулярно выступает с докладами на разных научных мероприятиях (например, заседаниях *Aristotelian Society* и *Mind Association*), публикует статьи в ведущих философских журналах (*The Philosophical Quarterly*, *Mind*, *Proceedings of the Aristotelian Society*, *The Philosophical Review* и др.), активно занимается педагогической деятельностью. Так в 1948 г. вместе с Остином он начинает вести теоретический семинар *Legal and Moral Responsibility* (или просто *Excuses*), где обсуждались вопросы, связанные с анализом юридических понятий, обозначающих действия и ответственность. Примечательно, что в конце 1940-х гг. многие философы начали проявлять особый интерес к разным юридиче-

¹ См.: *White G.E. Getting Close to H. L. A. Hart // Melbourne University Law Review. 2005. Vol. 29. P. 322.*

ским темам. Отчасти это произошло потому, что правовая система с ее многообразием понятий и методов их разъяснения, оказалась той испытательной площадкой, на которой возможно было проверить, уточнить и обосновать отдельные философские аргументы¹. Понятие «правило» и логические особенности выражений, требующих или использующих правила, стали частыми темами философских дискуссий. Было проведено довольно детальное исследование понятия «действие», результат которого способствовал прояснению «намерения», «мотива» и «воли» — понятий, часто используемых в теории и философии уголовного права. Новый анализ функций имен и дескрипций оказался релевантным проблемам толкования права, в то время как открытие того, что одно высказывание или правило может относиться к другому высказыванию или правилу многими различными способами, способствовало лучшему пониманию как структуры, так и взаимосвязи правовых систем и отношений между правовыми и моральными правилами. Наконец, интерес к таким типам аргументации, которые, как в морали и праве, могут быть разумными, не будучи при этом последовательными, и к таким способам рассуждений, в которых применяются понятия, не поддающиеся строгим определениям, но имеющие «открытую текстуру», помогли юристам освободиться от представления, что понятие аргументации полностью исчерпывается дедуктивным доказательством². Частое общение и дружеские отношения с такими оксфордскими фило-

¹ См.: *Hall J. Analytic Philosophy and Jurisprudence // Ethics. 1966. Vol. 77, № 1. P. 14–28.* Фредерик Шауэр, например, считает, что то, что философы заинтересовались вопросами права, во многом произошло благодаря Харту. См.: *Schauer F. (Re) Taking Hart // Harvard Law Review. 2006. Vol. 119. №3. P. 858.*

софами, как И. Берлин, П. Ф. Стросон, Ф. Вайсман, А. Дж. Айер, Дж. Урмсон, С. Гэмпшир и др., несомненно, сказались на формировании его особого подхода к философско-правовой проблематике. Однако наибольшее влияние, по словам Харта, на него оказали прежде всего Дж. Л. Остин, Л. Витгенштейн и Дж. Э. Пол³.

В 1949 г. в *Proceedings of the Aristotelian Society* он публикует свою первую научную статью⁴, посвященную применению методологии лингвистической философии к отдельным юридическим вопросам, под названием *The Ascription of Responsibility and Rights*⁵. Она вызвала живой интерес, прежде всего, у философов. И еще в течение многих лет провоцировала острые дискуссии, критические рецензии, обоснованные и необоснованные осуждения и одобрения. Эта публикация прославила Харта по обе стороны Океана именно как философа, а не как юриста, оставившего адвокатскую практику⁶.

В 1951–1952 учебном году в Оксфорде правовед Энтони Оноре и философ Энтони Вузли организовали философско-правовой семинар *Philosophy and Legal Concepts*. Харт был одним из активных его участников. Благодаря этому семинару он начинает всерьез интересоваться об-

² См.: *Hart H.L.A. Philosophy of Law and Jurisprudence in Britain (1945–1952)* // *The American Journal of Comparative Law*. 1953. Vol. 2. №3. P. 364.

³ *Sugarman D. Hart Interviewed: H. L. A. Hart in Conversation with David Sugarman* // *Journal of Law and Society*. 2005. Vol. 32. №2. P. 275.

⁴ Не считая краткого редакторского предисловия к книге *Joseph H.W.B. Knowledge and the Good in Plato's Republic*. London, 1948.

⁵ *Hart H.L.A. The Ascription of Responsibility and Rights* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1949. Vol. 49. №1. P. 171–194.

⁶ См.: *Honoré A. Herbert Lionel Adolphus Hart 1907–1992* // *Proceedings of the British Academy*. 1994. Vol. 84. P. 300–301.

ластями возможного пересечения философии и юриспруденции¹. И в результате приходит к выводу, который будет иметь решающее значение для построения его будущей теории, что «...современная философия не только занимается проблемами обыденного языка, но и *говорит* на нем; и теперь между двумя этими науками [философия и юриспруденция — *В.О.*] больше не существует барьера из метафизического жаргона технических терминов»².

В 1951 г. Артур Леман Гудхарт, замещавший должность профессора юриспруденции Оксфордского университета, становится главой Университетского колледжа и покидает свой пост. 3 апреля 1952 г. Харт избирают на эту должность. И стало это возможным благодаря активной поддержке влиятельных представителей оксфордского философского сообщества (прежде всего Дж. Л. Остина, Дж. Э. Пола и Г. Райла)³. У сотрудников юридического факультета, с которыми Харт почти не общался за исключением лишь некоторых из них (например, Э. Оноре), это решение вызвало удивление и даже негодование: «It's Goodhart without the good» — так саркастически поговаривали юристы, по крайней мере, поначалу⁴. Отчасти их недоумение было вполне оправдано, ведь Харт не имел ни полноценного юридического образования, ни ученой степени по праву. За семь лет преподавания философии он написал всего лишь несколько статей⁵ и пару рецен-

¹ *White G.E.* Getting Close to H. L. A. Hart // *Melbourne University Law Review*. 2005. Vol. 29. P. 318, 326.

² *Hart H.L.A.* *Philosophy of Law and Jurisprudence in Britain (1945–1952)*. P. 357–358.

³ *Lacey N.* *A Life of H. L. A. Hart: The Nightmare and the Noble Dream*. Oxford: Oxford University Press. 2004. P. 151.

⁴ См.: *Honoré A.* *Herbert Lionel Adolphus Hart 1907–1992*. P. 302.

зий⁶, и только две из них были так или иначе связаны с правом. Однако для оксфордской философии его избрание было предметом высочайшей гордости и настоящим триумфом⁷. Но как показало время юриспруденция от этого только выиграла.

Иннаугурационная речь Харта при вступлении

⁵ 1) *Hart H.L.A.* The Ascription of Responsibility and Rights // Proceedings of the Aristotelian Society. 1949. Vol. 49. №1. P. 171–194; 2) *Hart H.L.A.* Is there Knowledge by Acquaintance? // *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1949. Vol. 23. №1. P. 69–90; 3) *Hart H.L.A.* A Logician's Fairy Tale // *The Philosophical Review*. 1951. Vol. 60. №2. P. 198–212.

⁶ 1) *Hart H.L.A.* Book Review «Jerome Frank, Law and the Modern Mind (6th prtг. 1949) » // *Mind*. 1951. Vol. 60. P. 268–270; 2) *Hart H.L.A.* Signs and Words: Book Review «John Holloway, Language and Intelligence (1951) » // *The Philosophical Quarterly*. 1952. Vol. 2. P. 59–62.

⁷ *Mikhail J.* «Plucking the Mask of Mystery from Its Face»: Jurisprudence and H. L. A. Hart // *The Georgetown Law Journal*. 2007. Vol. 95. P. 739. Сравним с тем, что пишет Н. Лэйси: «Остин был совершенно убежден, что только „настоящий“ философ может поднять интеллектуальный авторитет любого университетского подразделения. И эту мысль он убедительно изложил в своем поздравлении Харта: „Приятно видеть, как империя философии аннексирует еще одну область — не говоря уже о том благе, которое они благодаря Вам получают“. Можно представить, как к этой экспансии отнеслись члены юридического факультета, не говоря уже о том триумфе, которым все это ознаменовалось. Но не только слова Остина свидетельствовали о чувстве интеллектуальной гордости философов за Харта. Член Магдален-Колледжа Курт Байер восхищался тем, как „юристы могут быть настолько проникательными“. Кембриджский философ Ричард Брейтуэйт, поздравляя Харта, написал ему: „Это было проникновение на территорию противника или же нападение? ...Юриспруденция совершенно бесполезна, если ее не рассматривать как раздел философии. Но удастся ли Вам убедить в этом юристов?“. Гилберт Райл в своем поздравлении просто

в должность профессора юриспруденции на тему *Definition and Theory in Jurisprudence*⁸, которая была произнесена 30 мая 1953 г., расставила все на свои места и во многом предопределила становление нового интеллектуального направления в юриспруденции — аналитической философии права⁹. Харт занимает этот пост до 1968 г., и именно эти шестнадцать лет стали «золотым веком» не только его творчества, но и всей англоязычной философии права XX века. Эту мысль удачно выразил Дэвид Шугармен: «Харт вдохнул новую жизнь в юриспруденцию, переориентировав ее таким образом,

сказал: „Я рад за студентов, которые хотят думать“». — Цит. по: *Lacey N. A Life of H. L. A. Hart: The Nightmare and the Noble Dream*. P. 149.

⁸ *Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence*. Oxford: Clarendon Press, 1953, 28 pp. Переиздана в журнале *Law Quarterly Review*. 1954. Vol. 70. P. 37–60.

⁹ Аналитическая философия права, изначально понимаемая в качестве специфического направления самой аналитической философии, а, затем, в качестве особого подхода в рамках философии права, благодаря Харту стала respectable и вполне самостоятельной отраслью научного знания. Широкое применение новаций и методик лингвистического анализа языка к исследованию правовых конструкций позволило сформулировать основную задачу аналитической философии права — «прояснение» языка права через анализ словоупотребления основных юридических понятий. См.: *Оглезнев В. В. Г. Л. А. Харт и формирование аналитической философии права*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012; *Дидикин А. Б., Оглезнев В. В. Онтология и эпистемология права: аналитическая традиция*. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2012; *Касаткин С. Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта*. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2014; *Дидикин А. Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016.

что основные свойства аналитической философии второй половины двадцатого столетия, такие как строгость рациональной аргументации, понятность и ясность, внимание к тонким концептуальным различиям и чувствительность к языку и его логике, стали применимы к исследованию фундаментальных понятий права»¹.

В 1952–1953 учебном году Харт вместе с Э. Оноре начинает вести научный семинар по причинности в философии и юриспруденции, результаты которого найдут отражение в их совместной монографии *Causation in the Law*². В это же время он начинает работу и над своим magnum opus *The Concept of Law*³, первое издание которого состоялось в 1961 г. Харт в интервью Дэвиду Шугармену так объясняет зарождение идеи написания этой книги: «Вскоре после моего избрания студенты устроили в честь меня вечеринку, где мы хорошо повеселились. И кто-то из присутствующих вдруг мне сказал: „Все что нам надо, так это книгу о праве, способную объяснить, что это такое. Почему бы Вам ее не написать?“ И я так

¹ *Sugarman D.* Hart Interviewed: H. L. A. Hart in Conversation with David Sugarman // *Journal of Law and Society*. 2005. Vol. 32. №2. P. 267. Ср. с мнением Нейла Маккормика: «Под влиянием Харта и теория, и философия права изменились до неузнаваемости. Хорошо разбираясь в основных философских проблемах и понимая эвристичность аналитической методологии, он актуализировал внимание к языку права и употреблению юридических понятий». *MacCormick N.* H. L. A. Hart. Second Edition. Stanford University Press, 2008. P. 213.

² *Hart H.L.A., Honore A.* Causation in the Law. Oxford: Clarendon Press, 1959.

³ *Hart H.L.A.* The Concept of Law. Oxford: Clarendon Press, 1961. — См. Русский перевод: *Харт Г. Л. А.* Понятие права / пер. с англ. Е. В. Афонасина, М. В. Бабака, А. Б. Дидикина, С. В. Моисеева. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.

и сделал»¹. Книгу *The Concept of Law* ждал ошеломляющий успех: за 33 года было продано более 150000 экземпляров (рекорд для юридической науки того времени), книга стала настоящей классикой английской философии права и мировым научным бестселлером².

Стоит кратко рассмотреть ее содержание. Книгу *The Concept of Law* Харт называл эссе по дескриптивной социологии, хотя предметом его анализа не были ни социальные группы, ни социальное взаимодействие между индивидами, ни другие вопросы социологии. Скорее его исследование больше походило на то, что Джон Остин, британский правовед XIX века, называл «аналитической юриспруденцией», а современные правоведы — концептуальным анализом³, в том смысле, что Харт предпринял попытку объяснить структуру современных правовых систем и показать, что отличает право от иных способов социального регулирования, прежде всего, от морали. В качестве основного элемента своей теории Харт выбирает не «приказ», «подчинение», «привычку» или «угрозу», которые также могут использоваться в качестве средств регулирования поведения, но понятие правила, которое обладает независимым содержанием и автономным значением. Можно сказать, что правила существуют тогда, когда те, кто их соблюдают или нарушают или реагируют на их соблюдение или нарушение, осознают свои действия. У правил, понимаемых таким образом, есть как внутренний,

¹ *Sugarman D.* Hart Interviewed: H. L. A. Hart in Conversation with David Sugarman // *Journal of Law and Society*. 2005. Vol. 32. №2. P. 281–282. В основу *Понятие права* легли лекции по юриспруденции, прочитанные Хартом с 1953 по 1960 гг.

² *Honoré A.* Herbert Lionel Adolphus Hart 1907–1992. P. 312.

³ См.: *Schauer F.* (Re) Taking Hart. P. 860–861.

так и внешний аспекты, т.е. к правилам можно относиться либо с позиций стороннего наблюдателя, не принимающего эти правила, либо с позиций члена группы, принимающего эти правила и руководствующегося ими. Поэтому существуют так называемые первичные правила, которые требуют от людей совершать или не совершать те или иные действия, независимо от их желаний, и вторичные правила (правила о правилах), которые обеспечивают возможность что-либо делать, вводить новые первичные правила, отменять, изменять или контролировать функционирование старых правил. Правила первого типа налагают обязанности, правила второго типа дают полномочия. Одни правила являются обязательными, другие, в частности правила заключения договоров или составления завещаний, предоставляют средства или инструменты, которыми люди по желанию могут воспользоваться. Наиболее важным вторичным правилом является правило признания, поскольку оно позволяет идентифицировать или распознать действительные правила общества. Такое правило «должно указать признак или признаки, наличие которых в том или ином правиле признается в качестве конечного утвердительного указания на то, что перед нами именно такое правило, которое группа должна поддерживать социальным давлением»¹. Особенностью правовой системы в отличие от других систем правил, таких как мораль, этикет или социальные конвенции, является то, что это единство первичных и вторичных правил. В некотором смысле это единство относительно, так как вторичные правила более развиты на уровне национального права, нежели междуна-

¹ Харп Г. Л. А. Понятие права. СПб, 2007. С. 98, 100—103.

родного. В морали же вторичные правила отсутствуют, мораль нельзя ни узаконить, ни отменить. Таким образом, между правом и моралью нет необходимой связи, хотя есть частичное пересечение, например, в том, что некоторые аспекты морали (минимальное содержание естественного права), такие как ограничения на применение насилия, должны соблюдаться для сохранения общества, что тем самым делает их правом.

Несмотря на простоту и ясность идей, изложенных в *The Concept of Law*, они оказались настолько оригинальными, необычными и даже неожиданными, что начиная с первого издания книги философское осмысление и критика взглядов Харта образуют основное содержание и характер дискуссий в англо-американской философии права. И даже сегодня достаточно сложно найти исследование, которое не опиралось бы на эту книгу или не критиковало бы ее. Как сказал Н. Маккормик: «Творчество Харта и как стартовая площадка для нового исследования, и как мишень для критики или опровержения, и как источник вдохновения, по сей день остается актуальным для большей части того, что наиболее продуктивно и привлекательно в современной теории и философии права»¹. Второе издание *The Concept of Law* состоялось в 1994 г. уже после смерти автора с включенным в качестве приложения *Postscript*, где Харт планировал ответить на замечания многочисленных критиков (прежде всего Рональда Дворкина), но свой ответ он так и не завершил².

На рубеже 1950–1960-х гг. в качестве приглашенного профессора Харт преподает в нескольких университетах

¹ *MacCormick N.* H.L.A. Hart. Second Edition. Stanford University Press, 2008. P. 214.

США: в Гарвардском университете (1956–1957 гг.), Калифорнийском университете в Лос-Анжелесе (1961–1962 гг.), Стэнфордском университете (1962 г.). В 1959 г. его избирают президентом Аристотелевского общества, а в 1960 г. Стокгольмский университет за вклад в развитие юридической науки награждает Харта первым в его академической карьере почетным профессорским званием (все его наградили званиями от 12 университетов мира³). В 1966 г. его назначают вице-президентом Британской научной академии, а в 1967 г. — членом государственной комиссии по монополиям и слияниям. Таким образом, Харт становится известной фигурой не только в академической среде, но и в английской общественной жизни. В 1966 г. ему даже предлагают принять рыцарское звание, но он отказался от этого титула по идеологическим соображениям⁴.

В 1968 г., переживая, что «интеллектуальная уверенность и чувство оригинальности его покидают»⁵, Харт уходит в отставку с поста профессора юриспруденции, а Рональд Дворкин становится его преемником⁶. Но он продолжает читать лекции, писать на философские темы и оставаться активным членом оксфордского научного

² Hart H.L.A. *The Concept of Law*. Second Edition with Hart's Postscript. Edited by Penelope A. Bulloch and Joseph Raz. Oxford University Press, 1994.

³ Honoré A. Herbert Lionel Adolphus Hart 1907–1992. P. 311.

⁴ Simpson B.A.W. Herbert Hart Elucidated // *Michigan Law Review*. 2006. Vol. 104. P. 1445.

⁵ Lacey N. *A Life of H. L. A. Hart: The Nightmare and the Noble Dream*. P. 297.

⁶ Энтони Оноре считал, что основной причиной, почему Харт так рано покинул свой пост является его желание посвятить больше времени изучению наследия Иеремии Бентама и редактированию *Collected*

сообщества. С 1969 по 1973 г. Харт занимает должность научного сотрудника Университетского колледжа, а в 1973 г. его избирают на пять лет главой Брайсенос-Колледжа. В 1978 г. он возвращается в Университетский колледж и становится почетным его членом до последних дней своей жизни⁷. За свою академическую карьеру Харт подготовил много учеников, некоторые из которых преуспели в науке не меньше, чем их учитель и наставник: Г. Морис, Б. Берри, Дж. Финнис, Д. Ходжсон, Р. Саммерс, П. Хакер, Дж. Раз, Р. Гэвисон, У. Уолучев и др. Помимо этого Харт оказал влияние на творчество Дж. Ролза, Р. Дворкина, Дж. Гарднера, К. Гринволта, Н. Маккормика, У. Твайнинга и др. ставших в дальнейшем известными правоведами и философами.

Works of Jeremy Bentham. В 1970 г. Харт и Джеймс Бёрнс издают в новой редакции две работы Бентама *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation* и *Of Laws on General* с введением и критическими замечками. Следующие двенадцать лет все интеллектуальные усилия Харта будут направлены на исследование Бентама, о философии которого он хотел написать отдельную монографию. Но этому не суждено было сбыться. В 1982 г. Харт публикует лишь сборник из десяти статей под названием *Essays on Bentham: Jurisprudence and Political Theory*. См.: *Honoré A. Herbert Lionel Adolphus Hart 1907–1992 // Proceedings of the British Academy*. 1994. Vol. 84. P. 317, а также *Simpson B.A.W. Herbert Hart Elucidated // Michigan Law Review*. 2006. Vol. 104. P. 1445.

⁷ В 1985 г. Университетский колледж, где Харт проработал много лет, учредил в честь него ежегодную лекцию *The H. L. A. Hart Lecture in Jurisprudence and Moral Philosophy*, прочитать которую приглашались выдающиеся философы права XX века (такие как Дж. Ролз, Дж. Файнберг, Э. Оноре, Т. Нагель, Дж. Раз, Н. Маккормик, Дж. Финнис, Дж. Колман и др.). В 1992 г. после смерти Харта лекция была переименована в *The H. L. A. Hart Memorial Lecture*.

Г. Л. А. Харт умер 19 декабря 1992 г. и похоронен на кладбище *Wolvercote Cemetery* в Оксфорде.

Президентский доклад

В апреле 1959 г. Харта избирают президентом Аристотелевского общества. Для профессора юриспруденции, по словам Э. Оноре, это было «проявлением невероятно уважения к его философскому авторитету и написанных им статей»¹. За несколько месяцев Харту предстояло подготовиться к президентскому докладу, который вне очереди планировалось опубликовать в журнале *Proceedings of the Aristotelian Society*. И 19 октября 1959 г. в Лондоне он произносит свою президентскую речь под названием *Prolegomenon to the Principles of Punishment*². Выбор темы был не случаен. К этому времени он опубликовал уже несколько статей по вопросам уголовной ответственности и философии наказания. В 1956–1957 учебном году в Гарвардском университете Харт прочитал две лекции, которые в некотором смысле предваряют его президентское выступление: в феврале 1957 г. в Нью-Йоркском университете — лекцию *Legal Responsibility and Excuses*³, а в мае этого же года в Северо-Западном университете Иллинойса — лекцию *Murder and the Principles of Punishment: England and the United States*⁴.

¹ *Honoré A.* Herbert Lionel Adolphus Hart 1907–1992. P. 307. Это было связано с тем, что президентами Аристотелевского общества, как правило, становились люди, имеющие непосредственное (и прежде всего институциональное) отношение к философии.

² *Hart H.L.A.* The Presidential Address: Prolegomenon to the Principles of Punishment // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1959–1960. Vol. 60. №1. P. 1–26.

³ *Hart H.L.A.* Legal Responsibility and Excuses / Determinism and

Эти и другие работы по теории ответственности и философии наказания будут опубликованы в виде трех сборников: *Law, Liberty, and Morality* (1963), *The Morality of the Criminal Law. Two Lectures* (1965) и *Punishment and Responsibility. Essays in the Philosophy of Law* (1968).

В своем президентском докладе Харт развивает и отстаивает компромиссную теорию наказания: утилитаристскую в своей основе, но стремящуюся достичь примирения с ретрибутивизмом⁵. Но прежде, чем приступить к ее анализу, следует рассмотреть, в чем именно заключался спор между утилитаризмом и ретрибутивизмом, который Харт намеревался разрешить, или по крайней мере смягчить.

Ретрибутивистский подход к наказанию состоял в том, что наказание как возмездие преступнику за его злодеяния (Кант) вполне оправдано. Требование наказания как возмездия произрастает из уважения к закону (а не просто из уважения к самому себе), из убеждения, что единственная морально приемлемая реакция на нарушение закона формулируется в терминах теории, основанной на *справедливости* или уважении к *правам* (а не полезности), как первичным ценностям. Теория наказания как возмездия должна в таком случае пониматься как теория, которая пытается оправдать наказание, но не с точки зрения социальной полезности, а с точки зрения целого комплекса таких моральных понятий как

Freedom in the Age of Modern Science, Proceedings of the First Annual New York University Institute of Philosophy. Edited by Sidney Hook. New York: New York University Press, 1958. P. 81–104.

⁴ *Hart H.L.A.* Murder and the Principles of Punishment: England and the United States // *Northwestern University Law Review*. 1957. Vol. 52. P. 433–461.

⁵ *Мусеев С. В.* Философия права. Новосибирск, 2003. С. 171.

права, заслуги, моральная ответственность и справедливость. Таким образом, ретрибутивизм ищет не социально полезного наказания, но *справедливого* наказания, наказания, которое преступник *заслужил*, наказания, которое общество имеет *право* на него возложить, и наказания, которое преступник заслуживает по *праву*¹. Иными словами, тот, кто совершил преступление, заслуживает того, чтобы с ним обращались плохо, т.е. заслуживает наказания. Это и есть справедливость. Ретрибутивизму в некотором смысле противостоит утилитаризм, или его современная версия — консеквенционализм.

Согласно утилитаризму, наказание является *prima facie* злом, ибо оно делает людей несчастными (И. Бентам). Но оно может быть оправдано, если имеет своим следствием хорошие результаты, которые перевешивают плохие. Есть несколько причин, почему наказание преступников полезно обществу. Во-первых, оно помогает *предотвратить* преступления или хотя бы уменьшить их число. Во-вторых, хорошо продуманная система наказаний может способствовать *исправлению* преступников. Это значит, что наказание оправдывается тем, что большинство членов общества находятся в безопасности, и тем самым становятся счастливее. Утилитаризм рассматривает систему наказания как «систему стоимостного выражения поведения»², выражаясь словами Дж. Ролза. Уголовное законодательство определяет стоимость отдельных видов антисоциального поведения в надежде на то, что большинство людей посчитает такую цену слишком высокой. Те лица, которые все же совершают преступления, и тем самым демонстрируют

¹ См.: Coleman J., Murphy J. Philosophy of Law. An Introduction to Jurisprudence. London: Westview Press, 1990. P. 121.

² Rawls J. Two Concepts of Rules // Philosophical Review. 1955. Vol. 64. P. 3.

свою готовность платить по полной стоимости (или которые не могут разумно оценить риск такого поведения), должны быть наказаны для того, чтобы показать другим, как говорил О. У. Холмс, что «закон держит свои обещания». Всякий раз, когда это делается, государство усиливает вероятность такой угрозы, и тем самым сохраняет и даже укрепляет свою «систему стоимостного выражения поведения» со встроенными в нее побудительными стимулами и тормозящими обстоятельствами. И хотя такая система не является совершенно эффективной в вопросах предотвращения преступлений, она существует (точно так же, как и система стоимостного выражения) через предоставление потенциальному преступнику *выбора* — быть наказанным или отказаться от совершения преступлений. Такая позиция утилитаризма представляется простой и убедительной: поведение считается преступным, и потому заслуживающим наказания тогда, когда это необходимо для предотвращения нарушения прав других¹.

По мнению Харта, вопрос определения наказания, который являлся предметом, казалось бы, неразрешимого спора между ретрибутивизмом и утилитаризмом, не может и не должен считаться единственным вопросом наказания. Ведь дело не в том, как мы определяем понятие наказания (как возмездие или как предотвращение зла), но в том, как это понятие используется при ответе на более важные вопросы — такие, например, какова «общая оправдывающая цель»² наказания или причины, почему мы вообще кого-то наказываем, и как наказания распределяются («Кто может быть на-

¹ См.: *Coleman J., Murphy J. Philosophy of Law. An Introduction to Jurisprudence. London: Westview Press, 1990. P. 118–120.*

казан?» и «Насколько сурово?»)³. Сложность наказания как социального института (а это и есть *prolegomenon* к принципам наказания) как раз и заключается в том, что мы не можем рассматривать лишь один из этих вопросов, игнорируя другие. В противном случае мы не сможем оценить, нуждается ли институт наказания в изменениях.

Чтобы прояснить свою позицию, Харт обращается к понятию собственности, которое ему представляется аналогичным понятию наказания. Точно так же, как мы должны отличать определение понятия собственности от инструментов, с помощью которых право собственности приобретается, от вопросов ценности самого института собственности и от того, сколько и какой собственности отдельным лицам разрешено приобретать, мы должны отличать вопросы наказания⁴. Поэтому вопросы общей оправдывающей цели наказания, распределение наказания и его суровость следует рассматривать отдельно от вопроса его определения. Харт соглашается с позицией утилитаризма по поводу оправдывающей цели наказания, и с позицией ретрибутивизма по поводу распределения наказаний. И на этих допущениях от формулирует свою компромиссную теорию: «Нелепого противостояния утилитаристов и их оппонентов можно избежать, если признать, что вполне последовательно утверждать как то, что общая оправдывающая цель наказания является ее благим следствием, так и то, что преследование этой общей цели должно сопровождаться или ограничиваться принципами распределения, которые

² Hart H.L.A. Prolegomenon to the Principles of Punishment // Proceedings of the Aristotelian Society. 1960. Vol. 60, No. 1. P. 8.

³ Ibid. P. 3.

⁴ Ibid. P. 3–4.

требуют того, чтобы наказание было только для лиц, совершивших преступление. И наоборот, из принятия принципа возмездия через распределение ни в коей мере не следует, что общая оправдывающая цель наказания — это возмездие»¹.

Таким образом, суть теории наказания Харта может быть сведена к двум теоретическим положениям:

1) общая оправдывающая цель наказания является *утилитаристской* — предотвращение преступлений или сокращение их количества;

2) при достижении этой цели должны соблюдаться *ретрибутивистские* требования и принципы, согласно которым наказанию подлежат только преступники («возмездие через распределения»), и только лишь в том случае, если у них была возможность выбора между соблюдением закона и его нарушением.

То есть, если спросить, по какой причине общество установило систему наказаний, ответ будет указывать на роль наказания в снижении количества преступлений и в обеспечении безопасности жизнедеятельности его членов. Но если спросить, как наказывать в конкретных ситуациях, ответ будет отсылать к ретрибутивистским принципам возмездия (соразмерности и «воздаяния по заслугам»). Разделяя общую утилитаристскую позицию, что цель наказания — это предупреждение преступлений, Харт не соглашается с консеквенционалистским требованием утилитаризма, что наказание предназначено для исправления. Исправление не может выступать общей оправдывающей целью наказания, но лишь как возможность, предоставляемая осуждением и принудительным ограничением свободы правонарушителей².

¹ Ibid. P. 9.

Но так или иначе, утилитаризм позволяет обосновать наличие института наказания, а ретрибутивизм накладывает ограничения на сам процесс наказания.

По мнению Э. Оноре, *Prolegomenon to the Principles of Punishment* является самой важной работой Харта по вопросам уголовной юстиции³. Этой же точки зрения придерживается Н. Лэйси, которая считает, что изложенные в *Prolegomenon to the Principles of Punishment* идеи «являются отличительной чертой либерализма, приверженцем которого был Харт, и символизируют его интеллектуальный долг не только перед известным призывом Канта никогда не относиться к людям просто как к средствам, но и перед либеральной традицией Гоббса, Локка, Юма и Милля»⁴.

Публикации в журнале «Труды Аристотелевского общества»

Hart H. L. A. The Ascription of Responsibility and Rights // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1949. Vol. 49. №1. P. 171–194.

Hart H. L. A., Hughes G. E., Findlay J. N. Symposium: Is there Knowledge by Acquaintance? // *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1949. Vol. 23. №1. P. 69–128.

Cohen J., Hart H. L. A. Symposium: Theory and Definition in Jurisprudence // *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1955. Vol. 29. №1. P. 213–264.

² Ibid. P. 24–25.

³ *Honoré A.* Herbert Lionel Adolphus Hart 1907–1992 // *Proceedings of the British Academy*. 1994. Vol. 84. P. 310.

⁴ *Lacey N.* A Life of H. L. A. Hart: The Nightmare and the Noble Dream. Oxford: Oxford University Press. 2004. P. 221.

Hart H. L. A. Prolegomenon to the Principles of Punishment // Proceedings of the Aristotelian Society. 1960. Vol. 60. №1. P. 1–26.

Монографии

Hart H. L. A. Definition and Theory in Jurisprudence. Oxford: Clarendon Press, 1953. 28 pp.

Hart H. L. A., Honoré A. Causation in the Law. Oxford: Clarendon Press, 1959. xxxii, 454 pp.

Hart H. L. A. The Concept of Law. Oxford: Clarendon Press, 1961. x, 262 pp.

Hart H. L. A. Punishment and the Elimination of Responsibility. London: Athlone Press, 1962. 32 pp.

Hart H. L. A. Law, Liberty, and Morality. London: Oxford University Press, 1963. viii, 88 pp.

Hart H. L. A. The Morality of the Criminal Law. Two Lectures. Oxford University Press, 1965. 54 pp.

Hart H. L. A. Punishment and Responsibility. Essays in the Philosophy of Law. Oxford: Clarendon Press, 1968. x, 271 pp.

Hart H.L.A. Essays on Bentham: Jurisprudence and Political Theory. Oxford: Clarendon Press, 1982. vi, 272 pp.

Hart H. L. A. Essays in Jurisprudence and Philosophy. Oxford: Clarendon Press, 1983. viii, 396 pp.

Hart H. L. A. The Concept of Law. Second Edition with Hart's Postscript. Edited by Penelope A. Bulloch and Joseph Raz. Oxford University Press, 1994. xii, 315 pp.

Публикации на русском языке

Харт Г. Л. А. Приписывание ответственности и прав (пер. с англ. В. В. Оглезнева, В. А. Суровцева) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. №5 (292). С. 116–135. Переиздана в Харт Г. Л. А. Филосо-

фия и язык права. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 27–52.

Харт Г. Л. А. Существует ли знание-знакомство? (пер. с англ. В. В. Оглезнева, В. А. Суровцева) // Харт Г. Л. А. *Философия и язык права*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 52–75.

Харт Г. Л. А. Сказка логика (пер. с англ. В. В. Оглезнева, В. А. Суровцева) // *Вестник Томского государственного университета. Философия, социология, политология*. 2009. №4 (8). С. 123–136. Переиздана в Харт Г. Л. А. *Философия и язык права*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 76–94.

Харт Г. Л. А. Знаки и слова (пер. с англ. А. Б. Дидикина) // Харт Г. Л. А. *Философия и язык права*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 95–100.

Харт Г. Л. А. Определение и теория в юриспруденции (пер. с англ. С. Н. Касаткина) // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2008. №5 (280). С. 6–32.

Харт Г. Л. А. *Философия права и юриспруденция в Великобритании (1945–1952)* (пер. с англ. В. В. Оглезнева, В. А. Суровцева) // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2015. №5 (322). С. 194–205. Переиздана в Харт Г. Л. А. *Философия и язык права*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 101–115.

Харт Г. Л. А. Существуют ли естественные права? (пер. с англ. А. Б. Дидикина) // Харт Г. Л. А. *Философия и язык права*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 116–134.

Харт Г. Л. А. Аналитическая юриспруденция в середине XX века: ответ профессору Боденхаймеру (пер. с англ. В. В. Оглезнева, В. А. Суровцева) // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2013. №4 (309). С. 156–177. Переиздана в Харт Г. Л. А. *Философия и язык права*. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 135–167.

Харт Г. Л. А. Позитивизм и разграничение права и морали (пер. с англ. В. В. Архипова) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. №5 (262). С. 102–136. Переиздана в Харт Г. Л. А. **Философия и язык права**. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 168–214.

Гэмпшир С., Харт Г. Л. А. Решение, намерение и достоверность (пер. с англ. В. В. Оглезнева, В. А. Суровцева) // Харт Г. Л. А. **Философия и язык права**. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 215–229.

Харт Г. Л. А. Скандинавский реализм (пер. с англ. В. В. Оглезнева) // Харт Г. Л. А. **Философия и язык права**. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 230–241.

Харт Г. Л. А. Акты воли и ответственность (пер. с англ. С. Н. Касаткина) // Харт Г. Л. А. **Философия и язык права**. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. С. 241–270.

Харт Г. Л. А. Понятие права. Пер. с англ. Е. В. Афонасина, М. В. Бабака, А. Б. Дидикина, С. В. Моисеева, под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007. 302 с.

Харт Г. Л. А. Право, мораль и свобода. Пер. с англ. С. В. Моисеева. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 136 с.

Харт Г. Л. А. Самореферентные законы (пер. с англ. А. А. Краевского) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. №3 (302). С. 44–52.

Харт Г. Л. А. **Философия и язык права**. Пер. с англ. В. В. Архипова, А. Б. Дидикина, С. Н. Касаткина, В. В. Оглезнева, В. А. Суровцева, В. В. Целищева, под общ. ред. В. В. Оглезнева и В. А. Суровцева. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 384 с.

2.6. Ричард Мервин Хэар: философский анализ языка морали

Ричард Мервин Хэар — представитель аналитической этической философии, ставший известным благодаря своим работам в области лингвистического анализа языка морали и обоснования концепции *прескриптивизма* в этике. Он родился 21 марта 1919 г. в г. Бэкуэлл-Даун вблизи Бристоля. После окончания Баллиоль-колледжа Хэар остается преподавать там, постепенно формируя вокруг себя круг талантливых учеников, интересующихся моральной философией. В его работе с ними со временем сложился характерный для аналитического философа стиль рассуждения, связанный с анализом контраргументов участников спора. Хэар стремился устранить разногласия в споре путем прояснения значений используемых понятий. В комментариях к книге «Хэар и критики», он, в частности отмечает, что «если кто-нибудь сочтет, что я был невежлив по отношению к моим критикам, когда писал заметки вместо эссе, я должен указать, что это то, что мы обычно делаем с Платоном и Аристотелем (как в серии комментариев издательства Кларендон), принимая их аргументы один за другим и рассматривая их быстро, но серьезно»¹. Для Хэара была характерна увлеченность изучением многих проблем современной ему аналитической философии, включая философию сознания, философии языка, философских идей Г. Фреге, Н. Хомского, Д. Дэвидсона и других. Внимание в его творчестве к античной философии проявлялось, например, в том, что в одной из статей для энциклопедии Хэар назвал Сократа

¹ Hare and Critics: Essays on Moral Thinking. Eds. Seanor, D. & Fotion, N. Oxford: Clarendon Press. 1988. P. 201.

и Аристотеля первыми прескриптивистами¹. В своей автобиографии Хэар поэтически выражает собственное отношение к философскому наследию прошлого: «Не так давно мне приснился странный сон, или полусонное видение. Я оказался на вершине горы в тумане, чувствуя себя очень довольным собой, не только за то, что поднялся на гору, но и за то, что достиг цели своей жизни, нашел способ рационально ответить на моральные вопросы. Но пока я радовался этому достижению, туман начал рассеиваться, и я увидел, что на вершине горы меня окружают могилы других философов, великих и малых, которые имели такое же честолюбие и думали, что достигли его. И, размышляя о своем сне, я пришел к выводу, что с тех пор трудолюбивые философские черви грызли их системы и показывали, что их достижения были иллюзией»².

Во время работы в Баллиоле в 1964 г. Хэара избирают членом Британской академии. До 1983 г. он работал профессором моральной философии в Оксфордском университете. С 1983 г. переходит на должность профессора философии в университет Флориды. В годы его жизни в США станет первым президентом Общества прикладной философии. Хэар был тесно связан с Аристотелевским обществом, занимая должность президента с 1972 по 1973 гг.

Лингвистический анализ языка морали

В истории Аристотелевского общества XX века философское наследие Ричарда Хэара занимает особое место.

¹ См.: Hare R.M. Prescriptivism // Hare R.M. Objective Prescriptions and Other Essays, Oxford: Clarendon Press, 1999. P. 20.

² Hare R.M. A Philosophical Autobiography // Utilitas. 2002. Vol. 14. №3. P. 269.

Будучи представителем лингвистической философии, он применил ее методологические разработки и принципы к анализу моральных суждений и языка морали в целом, сформулировав ряд интересных философских аргументов и идей, получивших в дальнейшем широкий отклик в философской литературе. Кроме того, Хэара относят к числу сторонников аналитической этики (метаэтики), поскольку в его трудах получили фундаментальное воплощение и творческую критику идеи и аргументы *Principia Ethica* Дж. Э. Мура.

В отечественной историко-философской литературе моральную теорию Хэара анализируют в двух основных аспектах. Его упоминают советские ученые в критических обзорах зарубежных («буржуазных») этических теорий¹, а в последние годы аргументы Хэара относительно сущности нормативного языка морали стали предметом философского осмысления в контексте векторов развития моральной философии 60-70-х гг. XX в.² Между тем, очевидно, что именно идеи Хэара в области метаэтики являются характерной чертой «лингвистического пово-

¹ Подробнее см.: Дробницкий О. Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М., 1974. С. 128—133; Коновалова Л. В. Мораль и познание. Критика гносеологических основ современной буржуазной этики. М., 1975. С. 123—124.

² Подробнее см.: Никоненко С. В. Моральная философия Р. Хэара // Никоненко С. В. Английская философия XX века. СПб, Наука, 2003. С. 457—461; Апресян Р. Г. Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // Вопросы философии. 2016. №8. С. 79—88; Прокофьев А. В. Универсальность как свойство моральных явлений // Вопросы философии. 2018. №11. С. 47—56; Логинов Е. В. Анализ дискуссии о принципе универсализуемости в моральной философии 1970—1980-х гг. // Философские науки. 2018. №10. С. 65—80.

рота» в сфере этического знания, наряду с идеями ранней аналитической философии, ассоциируемыми с творчеством Дж. Э. Мура.

В *Трудах Аристотелевского общества* Хэар публиковался лишь два раза. В 1955 г. им была опубликована статья *Универсализируемость*, а в 1973 г. — президентский доклад *Принципы*. Оба текста являются тезисным изложением базовых положений ключевых научных трудов Хэара в области аналитической этики.

К числу таких положений можно отнести, прежде всего, сведение предмета этики к *логическому анализу языка морали*. Только путем прояснения значений этических терминов и понятий может быть реализован потенциал лингвистического анализа в области этики, позволяющего раскрыть нормативность этических правил и принципов.

В то же время язык морали имеет *прескриптивный* характер, то есть содержит правила, наиболее полно выраженные в виде моральных императивов и моральных ценностей. Поэтому если нам необходимо оценить степень соблюдения моральных ценностей и принципов конкретным человеком, необходимо изучить его действия, так как «функция моральных принципов состоит в руководстве поведением»¹. Язык морали выступает одной из разновидностей нормативного языка, содержащего предписание. Как отмечает Хэар, «исследование императивов является лучшим введением в исследование этики»².

Специфику императивов в языке морали можно обнаружить при их сравнении с дескрипциями. Лингвисти-

¹ Hare R. M. *Language of Morals*. Oxford, 1952. P. 1.

² Ibid. P. 2.

ческое выражение императивов и дескрипций существенно различается. Если дескрипции могут содержать описание состояния мышления этического субъекта, либо выражение его эмоций и ментальных порывов, к которым применимы критерии истинности или ложности описания, то императивы содержат *основания* для этически значимого действия¹. А это значит, что к императивам (похожим на *команды* к действию) применим лишь критерий значимости для поведения субъекта, так как императив с точки зрения логического анализа выводим только из посылок, уже содержащих другой императив². С другой стороны, если моральное суждение — это утверждение о должном, то по своей сути такие суждения не могут быть суждениями о фактах, а лишь суждениями о действиях субъекта.

В структуре прескриптивного языка тем самым фиксируются императивные и ценностно-оценочные суждения, среди которых Хэар выделяет сингулярные и универсальные императивы, а также моральные и не-моральные ценностные суждения. Каждый тип суждения предусматривает некое предписание совершить действие или воздержаться от него.

Хэар настойчиво подчеркивает отличие *дескрипций* (как описаний фактического состояния дел) от *императивов*, имеющих прескриптивный характер. Его аргументы основаны на том, что для регулирования поведения недостаточно ссылаться на самоочевидность моральных принципов или отдельных моральных ценностей. Ведь если даже внутреннее убеждение или совесть под-

¹ Хэар употребляем термин «индикатив» для описания фактического положения дел, но в его противопоставлении с прескрипциями индикативы ближе всего по смыслу дескриптивным суждениям.

² Hare R. M. *Language of Morals*. P. 28.

сказывают конкретному человеку, какой морально оправданный поступок он должен совершить, у него могут быть сомнения с характеристикой своих действий в качестве исполнения морального долга: «ни одна моральная система, чьи принципы рассматривались бы как чисто фактуальные, не могла бы выполнять свои функции регулирования поведения»¹. Поэтому оценочный характер моральных предписаний становится побуждением к совершению морально оправданных действий, выявляя нормативное содержание языка морали.

В структуре языка морали Хэар уделяет внимание анализу базовых этических понятий — морального долга и блага: «это ценностные слова, главный инструмент предписания, которым наш язык влияет на нас»². С точки зрения лингвистического анализа языка морали Хэар продолжает традицию философствования, заложенную Муром, но дополняет ее собственной аргументацией. Так, например, Хэар полагал, что моральная интуиция появляется как результат воспитания и жизненного опыта, а не в качестве индивидуальной особенности человеческого сознания: «мы имеем моральную интуицию, потому что нас учили, как вести себя, и имеются различия соответственно тому, чему нас учили»³. Кроме того, Хэар переосмысливает аналитическое определение понятия «блага» у Мура как простое и неприродное моральное свойство явлений. Он полагает, что благо является общим свойством для многих и различных явлений и поступков. Понятие блага может быть универсализуемо применительно к способам поведения.

¹ Ibid. P. 44.

² Ibid. P. 79.

³ Ibid. P. 64.

Хэар критически оценивает и аргумент Мура о самоочевидности «блага» и «долга» как этических понятий. Подчеркивая различие логической и психологической самоочевидности, он отмечает, что логическая и психологическая самоочевидность высказывания «человек должен выполнять свой долг» сомнительны: «что возможно и что невозможно психологически — это трудный вопрос»¹. Понятие «блага» применимо к разным типам объектов: хорошие часы (good watch), хороший автомобиль (good auto), хорошие люди (good people). Но в этом понятии есть моральный и инструментальный аспекты, поскольку инструментальность блага позволяет видеть в действиях людей достижение цели². При этом вещи могут быть «хороши» для достижения цели, но не обладать моральным смыслом (например, хороший пистолет может быть средством защиты для полицейского и средством совершения убийства для лица, совершившего преступление). Такое разграничение дает возможность Хэару выделить в понятии блага в неморальном контексте инструментальное значение, а в моральном контексте — внутреннее значение (благо как таковое, благо как этическая ценность).

¹ Ibid. P. 41.

² Р. Г. Апресян приводит пример коммуникативной ситуации из произведений Р. Хэара: «некто Джон, действуя в отношении Джейн согласно золотому правилу нравственности, не может быть в полной мере уверен в приемлемости своего решения для Джейн и, соответственно, в реверсивности своего действия. Находящиеся на гендерно различных позициях Джон и Джейн, скорее всего, будут иметь разные и не всегда обратимые предпочтения». С. 82. В этом смысле Р. Г. Апресян полагает, что «именно принципы, а не предпочтения, суть универсальные и универализуемые формы морали». Апресян Р. Г. *Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // Вопросы философии. 2016. №8. С. 82.*

В то же время, возвращаясь к критике дескриптивного подхода Хэар отмечает вторичность дескриптивного значения блага по отношению к оценочному. Если в разговоре с другим человеком использовать оценочное выражение «М — хороший автомобиль», его применение даст больше, нежели описание конкретных качеств или признаков автомобиля¹. Причина сочетания дескриптивного и оценочного в понятии «блага» состоит в формулировке прескрипции (предписания, рекомендации) для выбора действий.

Таким образом, в понимании языка морали Хэар провозглашает позицию *этического нон-когнитивизма*, когда моральные суждения имеют некоторое фактическое содержание в форме эмпирических фактов, но по своей сути содержат предписания.

Моральные принципы

В лингвистическом анализе языка морали наряду с определением сущности императивов, предписаний и оценок важное место занимает раскрытие содержания *моральных принципов*. Этой тематике Хэар посвятил немало своих научных трудов, в том числе президентский доклад *Принципы* в *Трудах Аристотелевского общества* 1973 г. Нередко именно следование моральным принципам определяет не только содержание поступка или поведения этического субъекта, но и последствия его действий. В то же время в отличие от отдельных моральных правил (императивов) с прескриптивным содержанием, требующим своего истолкования в каждом конкретном случае, моральные принципы имеют универсальный ха-

¹ Hare R. M. Language of Morals. P. 112—113.

ракти. Хэар подчеркивает, что и принципы имеют пре-скриптивное содержание¹.

Однако универсальность моральных принципов не означает отсутствия изменчивости их содержания. Наполнение конкретного морального принципа может меняться и такой моральный принцип, будучи универсальным, не всегда остается общим². Так, например, моральный принцип «не говори неправду» может содержать исключения в отдельных случаях (например, в случае разговора с неизлечимо больным человеком, либо в случае допроса во вражеском лагере во время военных действий). Кроме того, ложное высказывание может выступать способом развлечь, повеселить окружающих людей. Поэтому Хэар подчеркивает важность моральных принципов как основания для выбора действий и совершения морально оправданных поступков³. Следование моральному принципу также позволяет предвосхищать последствия совершенного поступка, тем са-

¹ Подробнее см.: Hare R. M. The Presidential Address: Principles // Proceedings of the Aristotelian Society. 1972—1973. Vol. 73. №1. P. 1—2.

² Принцип универсализуемости, как отмечает Р. Г. Апресян, «выражается в том, что суждение или решение высказывается или принимается в предположении, что любой морально вменяемый человек в аналогичных обстоятельствах высказал бы аналогичное суждение или принял бы аналогичное решение». Апресян Р. Г. *Феномен универсальности в этике: формы концептуализации*. С. 85. Тем самым у реализации данного принципа есть заданные этические основания. Аналогичные аргументы приводит О. Г. Дробницкий, утверждая, что «нравственная оценка или предписание, даже в том случае, если непосредственно она относится к единичному действию какого-то индивида, может быть обобщена таким образом, что будет правомерной а отношении всего класса подобных действий, кем бы они не совершались». Дробницкий О. Г. *Понятие морали*. С. 133.

мым соблюдение морального принципа дает нам знание о будущем.

В вопросе о соотношении универсальности и общности моральных принципов произошла дискуссия между Хэаром и Маркусом Сингером⁴. Суть дискуссии выражена Хэаром в нескольких аргументах по мере изложения своего президентского доклада *Принципы*. Он стремится прояснить различия в употреблении терминов «обобщение» и «общее», «универсальное» и «универсализуемое». С точки зрения лингвистического анализа «общее» противоположно «единичному» (конкретному),

³ Hare R. M. *Language of Morals*. P. 53—54.

⁴ М. Сингер предложил обоснование аргументов обобщения в этике в противовес принципу универсализуемости в теории Р. Хэара. Суть аргумента обобщения состоит в последовательности обоснования морального суждения. Моральное суждение проверяется с точки зрения последствий от совершенного действия (желательность или нежелательность последствий), затем происходит обобщение возможных последствий, что выступает основанием применения морального принципа обобщения: «если не все должны действовать определенным образом или быть рассматриваемы определенным образом, тогда никто не должен действовать этим образом или быть рассмотрен таким образом без особой причины». *Логиков Е. В. Анализ дискуссии о принципе универсализуемости в моральной философии 1970–1980-х гг. // Философские науки. 2018. №10. С. 68.* Хэар критикует фразу «без особой причины», полагая, что такой аргумент превращает моральные правила в пустые термины, либо в гипотетические конструкции с точки зрения ограничений на обратимость и повторяемость действий. Хэар отмечает, что при формулировке моральных правил не должны использоваться единичные термины. Именно поэтому он полагал, что правовые высказывания не могут быть универсализованы. Подробнее см: *Там же. С. 68–69.*

а универсальные суждения не могут содержать единичные термины. Именно поэтому в аргументах Хэара против Сингера звучит уточнение, что универсальность не может измеряться уровнями, в то время как обобщение как раз измеримо степенью обобщения¹. Ведь если вернуться к выделению особых логических свойств моральных высказываний и прескриптивному характеру языка морали, то универсальность моральных принципов понимается Хэаром именно в таком контексте, который не уловил Сингер.

Хэар пытается провести соотношение между моральными принципами и практическими принципами с точки зрения обучения вождению автомобиля и обучения моральным императивам. В обоих случаях изучение сущности принципов должно быть глубоким, доведенным до автоматизма. Принципы усваиваются и на уровне овладения языком, и на практике, и предполагают достижение общей цели (хорошее вождение и хорошее поведение). Он настаивает на том, что в основе выбора любых моральных действий лежат моральные принципы, связанные с ценностями: «давать ценностное высказывание означает делать выбор принципов»². В отличие от концепции эмотивизма в этике А. Дж. Айера, суть которой состояла в понимании морали как средства выражения эмоций, Хэар обосновывает понятие универсализуемости моральных принципов. При таком понимании морально оправданного поступка действия лица рассматриваются сквозь призму универсального закона или модели поведения других субъектов.

¹ Подробнее см.: Hare R. M. The Presidential Address: Principles. P.2.

² Hare R. M. Language of Morals. P. 70.

Универсализуемость моральных принципов нельзя смешивать с общезначимостью или общепринятым характером содержания морального принципа, поскольку общезначимость может быть ограничена рамками отдельного общества и, соответственно, отвергаться в другом обществе¹. Универсализуемость подчеркивает общечеловеческий характер морального принципа и в силу этого может рассматриваться как недостаточно определенное понятие. Впрочем, Хэар по-разному характеризует данное понятие:

- как возможность превращения морального принципа в закон для всех (наподобие кантовского категорического императива);
- согласие людей с данным моральным принципом;
- как некая сумма правил, принятых людьми в качестве принципов для их действий.

Тем самым такой признак морального принципа как универсализуемость способствует превращению личного морального выбора во всеобщий закон поведения других людей.

В то же время если рассматривать универсализуемость как процедуру, то при обосновании моральных суждений должно использоваться правило *универсального*

¹ Подробнее см.: Hare R. M. The Presidential Address: Principles. P. 4. В данном случае А. В. Прокофьев отмечает, что «универсализуемость суждений... является причиной того, что деятель, реализующий универсальный принцип, ожидает одобрения своих действий от всех осведомленных лиц». Прокофьев А. В. *Универсальность как свойство моральных явлений // Вопросы философии. 2018. №11. С. 49.* Тем самым сам факт принятия морально оправданного решения при использовании процедуры универсализуемости означает подведение практической ситуации под имплицитно полагаемый универсальный принцип.

действия принципа в отношении каждого человека: «решая, какие моральные принципы принять, мы выбираем, что именно можно требовать универсально от каждого, кто находится в схожей ситуации»¹. Кроме того, при использовании принципа универсализуемости могут применяться лишь логические постоянные и логические операторы без учета каких-либо личных предпочтений. Таким образом, здесь критерий и процедура универсализуемости применяется в отношении прескриптивных высказываний как замена критерию истинности для дескриптивных высказываний.

Моральное суждение, как отмечает Хэар, позволяющее судить о действиях, которые необходимо совершить, относится к случаям определенного типа, с одной стороны, и формулирует предписание без учета индивидуальных особенностей поведения². Поэтому обоснование морального суждения в качестве универсального морального принципа становится средством этической оценки конкретных проявлений человеческого поведения и их последствий.

Публикации в журнале «Труды Аристотелевского общества»

Hare R. M. Symposium: Freedom of the Will // Aristotelian Society Supplementary Volume. 1951. Vol. 25, No. 1. P. 201–216.

Hare R. M. Universalizability // Proceedings of the Aristotelian Society. 1954–1955. Vol. 55, No. 1. P. 295–312.

¹ Hare R. M. Freedom and Reason. 1967. P. 49.

² См.: Hare R. M. The Presidential Address: Principles. P. 8.

Hare R. M. The Presidential Address: Principles // Proceedings of the Aristotelian Society. 1972—1973. Vol. 73, No. 1. P. 1—18.

Монографии

Hare R. M. The Language of Morals, Oxford: Clarendon Press, 1952.

Hare R. M. Freedom and Reason, Oxford: Clarendon Press, 1963.

Hare R. M. Practical Inferences, London: Macmillan, 1971.

Hare R.M. Essays on Philosophical Method, London: Macmillan, 1971.

Hare R.M. Applications of Moral Philosophy, London: Macmillan, 1972.

Hare R.M. Essays on the Moral Concepts, London: Macmillan, 1972.

Hare R. M. Moral Thinking: Its Levels, Method and Point, Oxford: Clarendon Press, 1981.

Hare R.M. Plato. Oxford: Oxford University Press, 1982.

Hare R. M. Essays in Ethical Theory, Oxford: Clarendon Press, 1989.

Hare R.M. Essays on Political Morality, Oxford: Clarendon Press, 1989.

Hare R.M. Essays on Religion and Education, Oxford: Clarendon Press, 1992.

Hare R.M. Essays on Bioethics, Oxford: Clarendon Press, 1993.

Hare R.M. Sorting Out Ethics, Oxford: Clarendon Press, 1997.

Hare R.M. Objective Prescriptions and Other Essays, Oxford: Clarendon Press, 1999.

Публикации на русском языке

Хэар Р. М. Как же решать моральные вопросы рационально? / Мораль и рациональность. М., Институт философии РАН, 1995. С. 9—21.

2.7. Аналитическая экспликация условий моральной ответственности в работах Э. Энском

Жизненный и творческий путь

Гертруда Элизабет Маргарет Энском — британский философ, представитель аналитической традиции в философии XX в., автор работ по философии сознания, этики, философии языка. Одна из основоположников аналитической философии действия. Ученица Л. Витгенштейна, подготовившая к публикации несколько его работ (в том числе и *Философские исследования*). Автор трех монографий и 70 статей. Ее работы переведены на немецкий, французский, испанский языки.

Элизабет Энском родилась 18 марта 1919 г. в г. Лимерик (Ирландия) в семье военного. По окончании Сайденхемской гимназии в Лондоне она поступила учиться в Колледж св. Хьюго Оксфордского университета, где изучала философию и классическую филологию. В 1941 г. (год окончания учебы в колледже) выходит замуж за Питера Гича (Peter Tomas Geach), в будущем также известного философа. Примерно в это же время принимает католицизм. В период с 1942 по 1945 гг. Энском посещает лекции Людвиг Витгенштейна, будучи студенткой Кембриджского университета (Ньюнхэм-колледж). В 1946 г. по исследовательской программе отправляется в Соммервиль-колледж (Оксфорд). Именно в этом учебном заведении Энском будет вести преподавательскую деятельность с 1964 г.

Поскольку Энском была одной из тех, кого Л. Витгенштейн назначил своим литературным душеприказчиком, после его смерти она занялась переводом и подготовкой к опубликованию его сочинений. В 1953 г. в издательстве

Blackwell вышел английский перевод *Философских исследований*, в 1956 г. в этом же издательстве — *Заметки об основаниях математики*», в 1961 г. — *Дневники Витгенштейна 1914—1916 гг.*, в 1967 г. — *Заметки (Zettel)*, в 1969 г. — работа Витгенштейна *О достоверности* (On Certainty). В 1959 г. в издательстве Hutchinson University Library Press (Лондон) выходит работа Энском *Введение в «Логико-философский трактат» Витгенштейна*. Параллельно с переводческой и издательской работой Энском занимается собственными исследованиями и регулярно публикует статьи в ведущих философских журналах. Впоследствии эти работы будут изданы в составе избранных философских исследований в трех томах в 1981 г. (1-й том — *От Парменида до Витгенштейна*, 2-й том — *Метафизика и философия сознания*, 3-й том — *Этика, религия, политика*). До последних дней своей жизни Энском продолжала активную исследовательскую деятельность, последние прижизненные публикации датированы 2000 годом.

В 1967 г. Энском была избрана в члены Британской академии. В 1970 г. она переходит на работу в Кембриджский университет на кафедру философии, где и преподает вплоть до выхода на пенсию в 1986 г. В 1979 г. Энском избирают в члены Американской академии искусств и наук — одного из старейших научных учреждений США. Она является обладателем многих почетных званий: почетный доктор права Университета Нотр-Дам (1986 г.), почетный доктор философии и изящной словесности Университета Наварры (1989 г.), почетный доктор философии Университета Лёвена (1990 г.). Также Энском является лауреатом премии Фонда Александра Гумбольдта (1979 г.). Гертруда Элизабет Маргарет Энском скончалась 5 января 2001 г. в Кембридже в госпитале Адденбрук, в присутствии своего мужа и четверых детей.

Онтологические взгляды Энском. Учение о природе причинной связи

Среди работ Энском встречаются философские сочинения, которые дисциплинарно принадлежат области онтологии или метафизики. Вопросы бытия, субстанции, существования объектов интересовали ее, но не сами по себе, а в связи с какими-либо иными разделами философии; обычно эту проблематику она старалась соединять либо с философией сознания, либо с философией языка. Буквально три или четыре текста Энском посвящены проблеме причинности. Во втором томе своих избранных работ она отмечает, что причинность была ее первым подлинно сильным философским интересом. Это началось еще в юности, благодаря прочтению *Естественной теологии* анонимного автора XIX в. В этой книге юная Элизабет, с восторгом принявшая все написанное, не могла при этом ни понять, ни согласиться с идеей о том, что Богу известны от начала времен все наши поступки, которые мы совершим в течение своей жизни, даже если некоторые из них мы в определенный момент времени не хотим совершать, то есть не имеем воли к их совершению. Второй «опорной точкой» для Энском послужил аргумент от первой причины, задействованный в доказательстве бытия Бога. Использование этого довода показалось ей логически некорректным. Так тематика причинности надолго привлекла ее внимание.

Любому причастному к философии понятно, что самостоятельные рассуждения о причинности не могут обойти стороной скептический аргумент Давида Юма. С его точки зрения, у нас нет оснований видеть в природе наличие причинно-следственных связей, однако, такие связи есть в нашем уме. Там присутствует идея причинно-следственного отношения, а необходимость являет собой что-то вроде «логической части» этой

идеи. Она выражается в виде конъюнкции событий, одно из которых мы называем причиной, а другое — следствием, и эта конъюнкция в нашем уме стабильна и неразрушима¹. Однако проецировать содержимое нашего ума на природу, как полагает Юм, по меньшей мере неосмотрительно.

Как полагает Энском, причинность и логическую необходимость допустимо мыслить отдельно. Она, таким образом, оспаривает стабильность — или, как она сама говорит, универсальность — данной конъюнкции, содержащейся в уме. В своей работе 1981 г. она вначале предлагает проанализировать возможные следствия совместного рассмотрения причинности и необходимости². Так, если принцип детерминизма («всякое событие возникло вследствие какой-либо причины») соединить с логической необходимостью, то нам придется утверждать, что всё происходящее в мире, происходит в силу законов природы, которые не знают исключений. Но это утверждение не универсально: с одной стороны, оно проблематично при переходе от макромира к микромиру, с другой — не относится к миру человеческих действий. Первое ограничение, как поясняет Энском, состоит в том, что универсальность и необходимость законов природы имеет смысл лишь в рамках Ньютонской механики, точнее, в рамках механики звездного неба, т.е. вращения планет вокруг Солнца. Мир элементарных частиц заставляет нас если не расстаться с понятием необходимой причинности, то

¹ Hume D. A Treatise of Human Nature. Eds. D. F. Norton, M. J. Norton. New York: Oxford University Press, 2000. О конъюнкции событий см. рассуждения в книге 1 части 3 *Трактата*.

² Anscombe G. E. M. Causality and Determination // Anscombe G. E. M. Metaphysics and the Philosophy of Mind: Collected Philosophical Papers. Vol. 2. Oxford: Blackwell, 1981. P. 133–147.

по крайней мере поставить под сомнение ее универсальность. Что же касается второго ограничения, то это традиционная для философии проблема свободы человеческой воли или, что точнее, свободы выбора. Данная свобода оказывается под угрозой, если законы природы считать универсально действующими, т.е. действующими с необходимостью.

Однако, ни первая, ни вторая линии рассуждений не становятся главными в цитируемой работе. Ее автора интересует другое: значения определенности, причинности, необходимости и универсальности. Следует различать, убеждает читателей Эנסком, определенность в смысле объяснения (каждое событие может быть объяснено в связи с наличием некоего предшествующего события или нескольких) и определенность в метафизическом смысле (когда законы природы «принуждают» события происходить именно так, а не иначе). Это различие можно увидеть следующим образом: пока некоторое событие X не произошло, оно не может считаться обусловленным событием Y , т. е. X не определено метафизически, однако, событие X может быть определено в смысле объяснения еще до того, как оно произойдет.

От чего зависит, способны мы объяснить некоторое событие или нет? — задает вопрос Энском и отвечает на него так: это зависит от того, есть ли у нас первичное знание о причинности. Это знание неявным образом усваивается нами по мере пополнения словарного запаса — через переходные глаголы («поджигать», «причинять боль» и пр.) или безглагольные гипотетические конструкции («инфицированный» и т.п.), но не через наблюдение реальных событий. Здесь она следует позиции Юма. Связка «причина-следствие» вовсе не так соотносится с наблюдением, утверждает философ, чтобы можно было наблюдать следствие какой-либо причины. Наблюдаем мы во всех случаях именно события. Способность объяс-

нять связь событий обеспечивается лингвистически, а само утверждение о связи X и Y — дополнительное к утверждениям о наблюдении названных событий.

Аналитический поворот в метафизической проблематике: президентский доклад в Аристотелевском обществе

В президентском докладе Аристотелевскому обществу, который назывался *Истина и существование* Энском развивает метафизику причинности. Она настаивает на том, что именно наличие соответствующих языковых конструкций позволяет нам говорить о том, чего фактически нет — объяснять будущие события так, будто бы они уже произошли. Перспективное объяснение называется предсказанием или прогнозом, но Энском ничего не говорит о том, что на что может опираться такое объяснение, а ведь опирается оно всегда на сходные условия, имевшие место в прошлом. Наверное, одних только языковых способностей здесь недостаточно: если бы предсказания наши регулярно не сбывались, мы бы делали их с большей осторожностью — и может быть, эта осторожность даже получила языковую «прописку».

Но проблема в другом: когда мы объясняем событие, которое лишь должно произойти, мы конструируем фиктивный объект — его нет, но мы относимся к нему так, будто бы он есть в данный момент. И этот фиктивный объект мы наделяем некоторыми свойствами. Например, если наше объяснение будущего события A , которое произойдет в момент времени t_1 , опирается на причинно-следственную связь, то верными будут такие утверждения:

(а) событие A_{t_1} обладает свойством «быть следствием события B_{t_0} »,

(б) событие A_{t_1} обладает свойством «быть причиной события C_{t_2} ».

Здесь необходимо пояснение: предположение о существовании будущего события *A* не исключает нашей возможности предположить также существование события *C*, которое произойдет по времени позднее *A*, и в отношении которого наилучшим объяснением будет причинно-следственное соединение его с событием *A*.

Но верны ли утверждения (а) и (б)? Мы ведь наделили фиктивный объект двумя реальными свойствами («быть следствием» и «быть причиной»), а кажется, что реальные свойства должны иметь реальный носитель, в противном случае соответствующие атрибутивные суждения не будут иметь истинностного значения, т.е. их нельзя считать ни истинными, ни ложными. Таким образом, мы подходим к дилемме: либо и свойства эти тоже фиктивны, либо объяснение будущих событий невозможно. В первом случае мы, оперируя фиктивными объектами и свойствами, просто переносимся в рамки какого-то нарратива, в котором есть свои соответствия и правила. Мы оказываемся в пространстве вроде художественного произведения. Во втором случае мы возвращаемся к вполне очевидному принципу, согласно которому причинно-следственное объяснение пригодно лишь для тех событий, которые уже произошли, но не для будущих, и само объяснение носит исключительно ретроспективный, но не перспективный характер.

Примечательно, что Энском, рассуждая о некоторых аспектах фрегеанской теории значения, замечает, что даже несуществующие объекты могут обладать свойствами. Например, будущие дескрипции могут иметь свойство «быть истинными». Если использовать этот довод применительно к рассуждениям о причинно-следственных объяснениях, то удастся избежать обвинений в фиктивном характере рассматриваемых объектов и их свойств, и таким образом, реабилитировать идею необходимости,

сохранив ее, как и предлагает автор, за объяснениями, но не допуская разговора о необходимости применительно к самой связи событий. Тогда и определенность будет использоваться нами в двух различных значениях: как характеристика суждений (и здесь она синонимична необходимости) и как характеристика реальности (здесь она не имеет ничего общего с необходимостью). Если же этот довод не считать подходящим, то и вовсе не будет оснований считать, что необходимость — характеристика суждений о причинно-следственной связи явлений.

Этические взгляды Энском

Анализируя современные концепции морали, Энском вводит в оборот термин «консеквенциализм» (сегодня он широко употребляется в этических и философско-правовых исследованиях). Подразумевается идея оценивать моральность того или иного поступка по его последствиям. Если же последствия действия не известны или не принимаются во внимание в ходе анализа, дать полноценную этическую характеристику самому действию не представляется возможным. Для Энском данная позиция является хоть и широко распространенной, но совершенно неприемлемой, поскольку, если нет хороших и плохих поступков самих по себе, любое зло становится очень легко оправдать, так как возможно придумать для него какие-либо реалистичные благие последствия. Следовательно, нужно придерживаться противоположной позиции, согласно которой поступки можно оценивать с точки зрения морали, рассматривая их не в связи с возможными последствиями, а изолированно. Для этого, конечно, требуется иная моральная установка, оперирующая понятиями долженствования, безусловных обязанностей и пр. Такая установка могла бы быть религиозной по своим основаниям — по-

сколько вообще для подобных взглядов требуется некое фундаментальное, далее не доказуемое основание. Подобного рода основание укоренено, согласно Энском, в божественном законе. Проблема заключается в том, что религиозная аргументация убеждает не многих — особенно в условиях культуры постмодерна, всеобщей иронии и секулярности. Поэтому философия морали, коль скоро она вообще может быть создана (Энском склоняется к положительному ответу на этот вопрос, но с некоторыми оговорками), предполагает проведение большой предварительной понятийно-категориальной работы. Согласно Энском, от идеи морального долга необходимо отказаться в пользу понятия добродетели в том виде, как последняя рассмотрена в трудах Аристотеля. Показательно, что этику добродетели мы в основном связываем с именем А. Макинтайра, хотя у истоков этого направления стоит именно Энском, так как ее работа *Современная моральная философия* была опубликована в 1958 году (то есть за два десятилетия до основных трудов Макинтайра).

Как справедливо отмечают комментаторы, с исследований Энском начинается «аретический поворот в этике»¹ (от *arete* — добродетель [греч.]). Энском согласна с тем, что консеквенциализм — единственная философская позиция, имеющая значение в условиях господства бессодержательных моральных понятий, ввиду секуляризации культуры утративших свое подлинное значение. Однако, это не означает невозможности иной моральной позиции, которую лишь предстоит выработать.

¹ Подробнее об этом см.: Артемьева О. В. У истоков современной этики добродетелей // Этическая мысль. Под ред. А. А. Гусейнова. Вып. 6. М., 2005. С. 163.

Философия действия как фундамент моральной проблематики

С точки зрения Энском, моральные рассуждения должны идти не по пути деонтологии, а в направлении изучения действительных оснований для всякого действия. Но не все, что выдается за основание действия, является таковым. В своей работе *Намерение* Энском опирается на критику Витгенштейном феноменализма, полагая, что нет возможности сколько-нибудь содержательно анализировать намерения действующего субъекта как нечто исключительно внутреннее, необъективированное. Подобного рода подход, равно как и поиск некоего «персонального» языка представляет собой крайний психологизм, т.е. несовместим, согласно Энском, с философской аналитикой и порождает бесплодное направление размышлений. Языковые практики сами по себе малоинформативны, их исследование возможно только в более широком контексте, к которому относятся уже неязыковые практики, то есть многообразие человеческой деятельности в ее обычном понимании. В подобном случае исследование базовых моральных понятий (например, таких как «желание», «намерение», «поступок» и т.д.), должно опираться на анализ отдельных практик, для которых каждое из этих понятий является значимым. Реальность понятия, таким образом, зависит не от внутренних переживаний индивида, о чем мы и сказать-то ничего не можем со стопроцентной уверенностью, а от деятельности, наделяющей смыслом данное понятие. В частности, в отношении понятия намерения выявляется тройкий смысл — либо некто может иметь намерения относительно будущего, либо некто совершает намеренное действие, либо некто действует с определенным намерением, то есть предвосхищая желаемое положение дел, вытекающее из совершаемого действия. К каждому из трех значений Энском под-

бирает релевантную практику, делая свои рассуждения еще более последовательными и ясными¹. Например, когда некто совершает намеренное действие *X*, ему можно задать вопрос «Почему ты сделал *X*?» и получить информативный ответ. В этом ответе будет заключено основание действие, а не истинность суждения о действии и не причина самого действия. Далее Энском предлагает анализировать семантику самого вопроса «Почему ты сделал *X*?», чтобы отвести возможные подозрения в логической циркулярности. Она переходит к выделению класса намеренных действий через анализ вопроса, полагая тем самым, что создаст эмпирическую основу для дальнейших рассуждений. Интересно, что в ходе семантического анализа вопроса «Почему?» Энском выделяет случаи действия, т.н. ментальной причинности, причем эти случаи не являются адекватным ответом на заданный вопрос. Кроме того, адекватным ответом не будет то описание действия, которое не известно самому действующему лицу. Что же касается адекватных ответов на вопрос «Почему ты сделал *X*?», Энском, рассматривая их, выделяет типы мотивов к тому или иному действию. С ее точки зрения, таких мотивов три — ретроспективные, интерпретативные и проспективные. Такова аналитическая основа, которую закладывает философ, прежде чем осмысленно отвечать на вопрос о том, что такое намеренное действие.

¹ Подробный анализ этого сочинения Энском см.: Мишура А. Понятие намерения в философии действия Элизабет Энском // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. №2. С. 87–114.

Публикации в журнале «Труды Аристотелевского общества»

Anscombe G. E. M. Intention // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956—1957. Vol. 57. №. 1. P. 321—332.

Anscombe G. E. M. Pretending // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1957—1958. Vol. 32. №. 1. P. 279—294

Anscombe G. E. M. Substance // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1963—1964. Vol. 38. №. 1. P. 69—78.

Anscombe G. E. M. Parmenides, Mystery and Contradiction // Proceedings of the Aristotelian Society. 1968—1969. Vol. 69. №. 1. P. 125—132.

Anscombe G. E. M. Sins of Omission? The Non-Treatment of Controls in Clinical Trials // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1982—1983. Vol. 57. 3. 1. P. 223—227.

Anscombe G. E. M. The Presidential Address: Existence and Truth // Proceedings of the Aristotelian Society. 1987—1988. Vol. 88. №. 1. P. 1—12.

Монографии

Anscombe G. E. M. Intention. Oxford: Blackwell, 1957.

Anscombe G. E. M. An Introduction to Wittgenstein's Tractatus. London: Hutchinson University Library Press, 1959.

Anscombe G. E. M. Causality and Determination. An Inaugural Lecture. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.

Anscombe G. E. M. From Parmenides to Wittgenstein: The Collected Philosophical Papers of G. E. M. Anscombe. Vol. 1. Oxford: Blackwell, 1981.

Anscombe G. E. M. Metaphysics and the Philosophy of Mind: The Collected Philosophical Papers of G. E. M. Anscombe. Vol. 2. Oxford: Blackwell, 1981.

Anscombe G. E. M. Ethics, Religion and Politics: The Collected Philosophical Papers of G. E. M. Anscombe. Vol. 3. Oxford: Blackwell, 1981.

Anscombe G. E. M. Has Mankind One Soul... An Angel Distributed Through Many Bodies? Milwaukee: Marquette University Press, 1986.

Публикации на русском языке

Энском Э. Современная философия морали // Логос. 2008. №1 (64). С. 70–91.

Список литературы

Айер А. Дж. Язык, истина и логика. М., Канон +, 2010.

Аналитическая философия: Избранные тексты. Ред. А. Ф. Грязнов. М.: Изд-во МГУ, 1993

Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). Ред. А. Ф. Грязнов. М.: ДИК, Прогресс-Традиция, 1998.

Апресян Р. Г. Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // Вопросы философии. 2016. №8. С. 79—88;

Артемьева О. В. У истоков современной этики добродетелей // Этическая мысль. Под ред. А. А. Гусейнова. Вып. 6. М., 2005. С. 163—181.

Бегиашвили А. Ф. Современная английская лингвистическая философия. Критический очерк. Тбилиси, Мецниереба, 1965.

Богомолов А. С. Английская буржуазная философия XX века. М., Мысль, 1973.

Бозанкет Б. Основания логики. М., Книгоиздательство Гермес, 1914.

Витгенштейн Л. Дневники 1914—1916. Под общ. ред. В. А. Суровцева. М., Канон +, 2018.

Витгенштейн Л. Философские работы. М., Гнозис, 1994.

Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. СПб, Наука, 1993.

Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989

Грязнов А. Ф. Аналитическая философия. М., Высшая школа, 2006.

Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. Т. 1. М., Гнозис, 1994.

Данто А. Аналитическая философия истории. М., Идея-Пресс, 2002.

Дидикин А. Б. Аналитическая философия права: истоки, генезис и структура. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016.

Дидикин А. Б., Оглезнев В. В. Онтология и эпистемология права: аналитическая традиция. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 2012;

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., Мысль, 1986.

Дробницкий О. Г. Понятие морали. Историко-критический очерк. М., Наука, 1974.

Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999.

Касаткин С. Н. Как определять социальные понятия? Концепция аскриптивизма и отменяемости юридического языка Герберта Харта. Самара: Самар. гуманитар. акад., 2014;

Коновалова Л. В. Мораль и познание. Критика гносеологических основ современной буржуазной этики. М., Мысль, 1975.

Крафт В. Венский кружок. Возникновение неопозитивизма. М., Идея-Пресс, 2003

Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка. М.: ДИК, 1999.

Логика, онтология, язык. Томск, Изд-во ТГУ, 2006.

Логинов Е. В. Понятие «универсальность» в моральной философии Дж. Э. Мура // Этическая мысль. 2020. Т. 20. №. 2. С. 54–68.

Логинов Е. В. Анализ дискуссии о принципе универсализуемости в моральной философии 1970–1980-х гг. // Философские науки. 2018. №10. С. 65–80.

Мишура А. Понятие намерения в философии действия Элизабет Энском // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. №2. С. 87–114.

Моисеев С. В. Философия права. Новосибирск, Сибирское университетское издательство, 2003.

- Мур Дж. Э. Принципы этики. М., Прогресс, 1984.
- Мур Дж. Э. Природа моральной философии. М., Республика, 1999.
- Нехаев А. В. Джордж Эдвард Мур в истории Аристотелевского общества XX века // Философия, социология, право: традиции и перспективы: сборник научных трудов Всероссийской научной конференции, посвященной 30-летию Института философии и права СО РАН. Под ред. М. Н. Вольф. Новосибирск: Офсет ТМ, 2020. С. 78–81.
- Никоненко С. В. Аналитическая философия: основные концепции. СПб., Изд-во СПбГУ, 2007.
- Никоненко С. В. Английская философия XX века. СПб., Наука, 2003.
- Никоненко С. В. Современная западная философия: учебное пособие. СПб, Изд-во СПбГУ, 2007.
- Оглезнев В. В. Г. Л. А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012;
- Остин Дж. Л. Три способа пролить чернила: Философские работы. СПб., Алетейя, 2006
- Пассмор Дж. Современные философы. М., Идея-Пресс, 2002.
- Пассмор Дж. Сто лет философии. М., Прогресс-Традиция, 1998.
- Прист С. Теории сознания. М., ДИК, 2000.
- Проблемы и противоречия буржуазной философии 60-70-х годов. М., Наука, 1983.
- Прокофьев А. В. Универсальность как свойство моральных явлений // Вопросы философии. 2018. №11. С. 47–56;
- Райл Г. Понятие сознания. М., ДИК, 2000;
- Райл Г. Систематически дезориентирующие выражения // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. 25. №3. С. 190–216.

Рассел Б. Избранные труды. Новосибирск, Сибирское университетское издательство, 2007

Стролл А. Аналитическая философия. Двадцатый век. М., Канон +, 2020.

Суханова Е. Н. Смысл «доказательства внешнего мира» Дж. Э. Мура // Вестник Томского государственного университета. Серия Философия. Социология. Политология. 2009. №3. С. 76—85.

Фейерабенд П. Убийство времени. Автобиография. М., Rosebud Publishing, 2021.

Философия, логика, язык. Под ред. Д. П. Горского, В. В. Петрова. М., Прогресс, 1987

Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. с англ. Е. В. Афонасина, М. В. Бабака, А. Б. Дидикина, С. В. Моисеева. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.

Хилл Т. И. Современные теории познания. М., Прогресс, 1965.

Юрьев Р. А. Значение Аристотелевского общества для развития аналитической философии. К вопросу о возникновении и развитии научных школ // Теория и практика научных исследований: психология, педагогика, экономика и управление. 2018. №3. С. 91—103.

Язык, истина, существование. Под ред. В. А. Суровцева. Томск, Изд-во ТГУ, 2002

A Companion to Analytic Philosophy. Edited by A. P. Martinich and David Sosa. Oxford: Blackwell Publishers, 2001.

A. J. Ayer Memorial Essays. Ed. A. Phillips Griffiths. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Alexander S. Beauty and Greatness in Art // Proceedings of the Aristotelian Society. 1929—1930. Vol. 30. P. 205—228.

Alexander S. Freedom // Proceedings of the Aristotelian Society. 1913—1914. Vol. 14. P. 322—354;

Alexander S. Mental Activity in Willing and in Ideas //

Proceedings of the Aristotelian Society. 1908—1909. Vol. 9. P. 1—40;

Alexander S. On Sensations and Images // Proceedings of the Aristotelian Society. 1909—1910. Vol. 10. P. 1—35;

Alexander S. Self as Subject and as Person // Proceedings of the Aristotelian Society. 1910—1911. Vol. 11. P. 1—28;

Alexander S. Space-Time // Proceedings of the Aristotelian Society. 1917—1918. Vol. 18. P. 410—418;

Altman A. Breathing Life into a Dead Argument: G.E. Moore and the Open Question // *Philosophical Studies*. 2004. Vol. 117. №. 3. P. 395—408.

Ambrose A. The Defense of Common Sense // *Philosophical Investigations*. 1978. Vol. 1. №3. P. 1—13.

Ambrose A. Three Aspects of Moore's Philosophy // *The Journal of Philosophy*. 1960. Vol. 57. №. 26. P. 816—824.

Andersen H., Grush R. A Brief History of Time-Consciousness: Historical Precursors to James and Husserl. Andersen, Holly and Grush, Rick // *Journal of the History of Philosophy*. 2009. Vol. 47. №2. P. 277—307.

Anscombe G. E. M. *Metaphysics and the Philosophy of Mind: Collected Philosophical Papers*. Vol. 2. Oxford: Blackwell, 1981.

Anscombe G.E.M. Intention // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1956—1957. Vol. 57. P. 321—332.

Arrington R.L. Can There Be a Linguistic Phenomenology? // *The Philosophical Quarterly*. 1975. Vol. 25. №101. P. 289—304;

Austin J. L. A Plea for Excuses: The Presidential Address // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1956—1957. Vol. 57. №1. P. 1—30.

Austin J. L. Are There A Priori Concepts? // *Aristotelian Society*. Supplementary Volume. 1939. Vol. 18. №1. P. 83—105.

Austin J.L. *How to Do Things with Words*. Edited by James O. Urmson. Oxford: Clarendon Press, 1962.

Austin J.L. *Sense and Sensibilia*. Edited by Geoffrey J. Warnock. Oxford: Clarendon Press, 1962.

Austin J.L. *Symposium: Other Minds* // *Aristotelian Society*. Supplementary Volume. 1945–1946. Vol. 20. №. 1. P. 148–187.

Austin J.L. *Three Ways of Spilling Ink* // *The Philosophical Review*. 1966. Vol. 75. №4. P. 427–440.

Ayer A. J. *Demonstration of the Impossibility of Metaphysics* // *Mind*. 1934. Vol. XLIII. №. 171. P. 335–345.

Ayer A. J. *Part of My Life*. London: Collins, 1977.

Ayer A. J. *Phenomenalism* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1947. Vol. 47. №. 1. P. 169–196.

Ayer A. J. *Philosophical Essays*. London: Palgrave Macmillan, 1954.

Ayer A. J. *Statements about the Past: The Presidential Address* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1951–1952. Vol. 52. №1. P. 1–20.

Ayer A. J. *The Central Questions of Philosophy*. London: Wiedenfeld & Nicholson, 1973.

Ayer A. J. *The Foundations of Empirical Knowledge*. New York: Macmillan, 1940.

Ayer A. J. *The Problem of Knowledge*. London: Macmillan, 1956.

Ayer A. J. *The Terminology of Sense-Data* // *Mind*. 1945. Vol. LIV. №. 216. P. 289–312.

Ayer A.J. *Verification and Experience* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1936–1937. Vol. 37. P. 137–156;

Baldwin T. G. E. Moore. London: Routledge, 1999.

Bell D. *The Revolution of Moore and Russell: A Very British Coup?* // *Royal Institute of Philosophy Supplement*. 1999. Vol. 44. P. 193–209.

Berlin I. *Induction and hypothesis* // *Aristotelian Society*. Supplementary volume. 1937. Vol. XVI. P. 63–102;

Berlin I. *Personal Impressions*. Princeton University Press, 2014.

Berlin I. Verification // Proceedings of the Aristotelian Society. 1938—1939. Vol. 39. P. 225—248.

Blackburn S. Spreading the Word: Groundings in the Philosophy of Language. Oxford: Blackwell, 1984.

Bosanquet B., E. E. C. Jones, William L. Gildea and Alexander F. Shand. Symposium: Are Character and Circumstances Co-Ordinate Factors in Human Life, or Is Either Subordinate to the Other? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1895—1896. Vol. 3. №. 2. P. 112—122;

Bosanquet B. On a Defect in the Customary Logical Formulation of Inductive Reasoning // Proceedings of the Aristotelian Society. 1910—1911. Vol. 11. P. 29—40;

Bosanquet B. Presidential Address: On an Essential Distinction in Theories of Experience. (For the Sixteenth Session (1894—1895) of the Aristotelian Society) // Proceedings of the Aristotelian Society. 1894—1895. Vol. 3. №. 1. P. 3—12;

Bosanquet B. Presidential Address: Time and the Absolute. (For the Seventeenth Session (1895—1896) of the Aristotelian Society) // Proceedings of the Aristotelian Societ. 1895—1896. Vol. 3. №2. P. 3—10.

Bosanquet B. Recent Criticism of Green's Ethics // Proceedings of the Aristotelian Society. 1901—1902. Vol. 2. №. 1. P. 25—73;

Bosanquet B. Science and Philosophy // Proceedings of the Aristotelian Society. 1914—1915. Vol. 15. P. 1—21;

Bosanquet B. The Aesthetic Theory of Ugliness // Proceedings of the Aristotelian Society. 1889—1890. Vol. 1. №. 3. P. 32—48;

Bosanquet B. The Function of the State in Promoting the Unity of Mankind // Proceedings of the Aristotelian Society. 1916—1917. Vol. 17. №1. P. 28—57.

Bosanquet B. The Part Played by Aesthetic in the Development of Modern Philosophy // Proceedings of the Aristotelian Society. 1889—1890. Vol. 1. №. 2. P. 77—97;

Bosanquet B., A. S. Pringle-Pattison, G. F. Stout and Lord Haldane. Symposium: Do Finite Individuals Possess a Substantive or an Adjectival Mode of Being? // *Aristotelian Society Supplementary Volume*. 1918. Vol. 1. P. 75—194.

Bosanquet B., E. Wake Cook and David G. Ritchie. Symposium: The Relation of the Fine Arts to One Another // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1889—1890. Vol. 1. №. 3. P. 98—116;

Bosanquet B., Mrs. Sophie Bryant and G. R. T. Ross. The Place of Experts in Democracy. A Symposium // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1908—1909. Vol. 9. P. 61—84;

Braithwaite R. B. Two Ways of Definition by Verification // *Erkenntnis*. 1937. Vol. 7. №. 1. P. 281—287.

British Philosophy in the Mid-Century: A Cambridge Symposium. Ed. C. A. Mace. London: George Allen & Unwin Ltd, 1957.

Broad C. D. Professor G. F. Stout (1860—1944) // *Mind*. 1945. Vol. LIV. №215.

Brown D. H. Indirect Perceptual Realism and Demonstratives // *Philosophical Studies*. 2008. Vol. 145. №. 3. P. 377—394.

Brueckner A. The Structure of the Skeptical Argument // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1994. Vol. 54. №. 4. P. 827—835.

Carnap R. *Logische Syntax der Sprache*. Wien: Springer, 1934.

Carr G.W. The Fiftieth Session: A Retrospect // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1928—1929. Vol. 29. P. 359 — 386.

Chisholm R. M. *Perceiving: A Philosophical Study*. Ithaca: Cornell University Press, 1957.

Church A. Review of the Second Edition of «Language, Truth and Logic» by A. J. Ayer // *The Journal of Symbolic Logic*. 1949. Vol. 14. №. 1. P. 52—53.

Cohen S. Contextualism, Skepticism, and the Structure of Reasons // *Noûs*. 1999. Vol. 33. №13. P. 57–89.

Cohen S. Two Kinds of Skeptical Argument // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1998. Vol. 58. №. 1. P. 143–159.

Coleman J., Murphy J. *Philosophy of Law. An Introduction to Jurisprudence*. London: Westview Press, 1990.

Collingwood R.G. On the So-Called Idea of Causation // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1937–1938. Vol. 38. P. 85–112.

Collingwood R.G. Sensation and thought // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1923–1924. Vol. 24. P. 55–76;

Collingwood R.G. Some perplexities about time: with an attempted solution // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1925–1926. Vol. 26. P. 135–150;

Collingwood R.G. The nature and aims of a philosophy of history // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1924–1925. Vol. 25. P. 151–174;

Constance Jones E.E., Bernard Bosanquet and F. C. S. Schiller. Symposium: The Import of Propositions // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1914–1915. Vol. 15. P. 353–427;

Contemporary Debates in Metaphysics. Eds. T. Sider, J. Hawthorne, D. W. Zimmerman. Oxford: Blackwell Publishing, 2008.

Darwall S., Gibbard A., Railton P. Toward Fin de Siècle Ethics: Some Trends // *The Philosophical Review*. 1992. Vol. 101. P. 115–189.

Dawes Hicks G. A Re-Statement of Some Features in Kantian Transcendentalism // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1902–1903. Vol. 3. P. 123–165;

Dawes Hicks G. Appearance and Real Existence // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1913–1914. Vol. 14. P. 1–48.

Dawes Hicks G. Idealism and the Problem of Knowledge and Existence // Proceedings of the Aristotelian Society. 1904—1905. Vol. 5. P. 136—178;

Dawes Hicks G. Sense-Presentation and Thought // Proceedings of the Aristotelian Society. 1905—1906. Vol. 6. P. 271—346;

Dawes Hicks G. The «Modes» of Spinoza and the «Monads» of Leibniz // Proceedings of the Aristotelian Society. 1917—1918. Vol. 18. P. 329—362.

Dawes Hicks G. The Basis of Critical Realism // Proceedings of the Aristotelian Society. 1916—1917. Vol. 17. P. 300—359;

Dawes Hicks G. The Belief in External Realities // Proceedings of the Aristotelian Society. 1900—1901. Vol. 1. P. 200—219;

Dawes Hicks G. The Nature of Willing // Proceedings of the Aristotelian Society. 1912—1913. Vol. 13. P. 27—65;

Dawes Hicks G. The Relation of Subject and Object from the Point of View of Psychological Development // Proceedings of the Aristotelian Society. 1907—1908. Vol. 8. P. 160—214;

De M. On Moore's Notion of Proof // Canadian Journal of Philosophy. 2020. Vol. 50. №. 3. P. 313—321.

Deasy D. What is Presentism? // Noûs. 2017. Vol. 51. №. 2. P. 378—397.

DeRose K. Solving the Skeptical Problem // Philosophical Review. 1995. Vol. 104. №. 1. P. 1—52.

Desmet R. Principia Mathematica Centenary // Process Studies. 2010. Vol. 39. 2. P. 225—263.

Devitt M. Realism and Truth. Princeton: Princeton University Press, 1997.

Dicker G. Perceptual Knowledge: An Analytical and Historical Study. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1980.

Digiovanna J. Linguistic Phenomenology: Philosophical Method in J.L. Austin. New York: Peter Lang Inc., 1989;

Dretske F. I. Epistemic Operators // The Journal of Philosophy. 1970. Vol. 67. №. 24. P. 1007–1023.

Epperson M. Quantum Mechanics and the Philosophy of Alfred North Whitehead. New York: Fordham University Press. 2004.

Essays on J. L. Austin. Oxford: Clarendon Press, 1973.

Fact, Science and Morality: Essays on A. J. Ayer's «Language, Truth and Logic». Eds. G. Macdonald, C. Wright. Oxford: Blackwell, 1986.

Farkas K. Indiscriminability and the Sameness of Appearance // Proceedings of the Aristotelian Society. 2006. Vol. 106. №. 1. P. 207–227.

Feldman F. The Open Question Argument: What it Isn't; and What it Is // Philosophical Issues. 2005. Vol. 15. P. 31–37.

Feyerabend P. K. An Attempt at a Realistic Interpretation of Experience // Proceedings of the Aristotelian Society. 1957–1958. Vol. 58. P. 143–170.

Fish W. Perception, Hallucination, and Illusion. Oxford: Oxford University Press.

Fish W. Philosophy of Perception: A Contemporary Introduction. New York: Routledge, 2010.

Fisher A. Good, God, and the Open-Question Argument // Religious Studies. 2005. Vol. 41. №. 3. P. 335–341.

Fisher A. Metaethics: An Introduction. Durham: Acumen Publishing, 2011.

Frankena W. K. The Naturalistic Fallacy // Mind. 1939. Vol. XLVIII. №. 192. P. 464–477.

G. E. Moore: Early Philosophical Writings. Eds. T. Baldwin, C. Preti. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

G. E. Moore: Essays in Retrospect. Eds. A. Ambrose, M. Lazerowitz. London: Routledge, 1970;

Gandon S. Russell's Unknown Logicism: A Study in the History and Philosophy of Mathematics, London: Palgrave Macmillan, 2012.

Gavaghan C. *Defending the Genetic Supermarket: The Law and Ethics of Selecting the Next Generation*. London & New York: Routledge, 2007.

Geach P. T. Assertion // *The Philosophical Review*. 1965. Vol. 74. №. 4. P. 449–465.

Gellner E.A. Ethics and Logic // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1954–1955. Vol. 55. P. 157–178.

H. W. C., Obituary: Shadworth Hollway Hodgson // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1911–1912. Vol. 12. P. 328.

Hall J. Analytic Philosophy and Jurisprudence // *Ethics*. 1966. Vol. 77. №. 1. P. 14–28.

Hampshire S. Ideas, Propositions and Signs // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1939–1940. Vol. 40. P. 1–26;

Hampshire S. J. L. Austin, 1911–1960 // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1959–1960. Vol. 60. P. 1–14.

Hampshire S. Logical form // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1947–1948. Vol. 48. P. 37–58.

Hancock R. The Refutation of Naturalism in Moore and Hare // *The Journal of Philosophy*. 1960. Vol. 57. №. 10. P. 326–334.

Hare and Critics: *Essays on Moral Thinking*. Eds. Seanor, D. & Fotion, N. Oxford: Clarendon Press. 1988.

Hare R. *Language of Morals*. Oxford, Clarendon Press, 1952.

Hare R. M. The Presidential Address: Principles // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1972–1973. Vol. 73. №. 1. P. 1–18.

Hare R. M. Universalizability // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1954–1955. Vol. 55. N. 1. P. 295–312;

Hare R.M. *A Philosophical Autobiography* // *Utilitas*. 2002. Vol. 14. №3.

Hare R.M. *Objective Prescriptions and Other Essays*, Oxford: Clarendon Press, 1999.

Harman G. the Nature of Morality. New York: Oxford university Press, 1977.

Harris J.F., Jr. A new Look at Austin's Linguistic Phenomenology // Philosophy and Phenomenological Research. 1976. Vol. 36. №3. P. 384–390;

Hart H. L. A. Prolegomenon to the Principles of Punishment // Proceedings of the Aristotelian Society. 1960. Vol. 60. №. 1. P. 1–26.

Hart H.L.A. A Logician's Fairy Tale // The Philosophical Review. 1951. Vol. 60. №2. P. 198–212.

Hart H.L.A. Book Review «Jerome Frank, Law and the Modern Mind (6th prtg. 1949) ” // Mind. 1951. Vol. 60. P. 268–270;

Hart H.L.A. Definition and Theory in Jurisprudence. Oxford: Clarendon Press, 1953

Hart H.L.A. Is there Knowledge by Acquaintance? // Aristotelian Society Supplementary Volume. 1949. Vol. 23. №1. P. 69–90;

Hart H.L.A. Legal Responsibility and Excuses / Determinism and Freedom in the Age of Modern Science, Proceedings of the First Annual New York University Institute of Philosophy. Edited by Sidney Hook. New York: New York University Press, 1958. P. 81–104.

Hart H.L.A. Murder and the Principles of Punishment: England and the United States // Northwestern University Law Review. 1957. Vol. 52. P. 433–461.

Hart H.L.A. Philosophy of Law and Jurisprudence in Britain (1945–952) // The American Journal of Comparative Law. 1953. Vol. 2. №3. P. 355–364.

Hart H.L.A. Signs and Words: Book Review «John Holloway, Language and Intelligence (1951) ” // The Philosophical Quarterly. 1952. Vol. 2. P. 59–62.

Hart H.L.A. The Ascription of Responsibility and Rights // Proceedings of the Aristotelian Society. 1949. Vol. 49. №1. P. 171–194

Hart H.L.A. The Concept of Law. Oxford: Clarendon Press, 1961.

Hart H.L.A. The Concept of Law. Second Edition with Hart's Postscript. Edited by Penelope A. Bulloch and Joseph Raz. Oxford University Press, 1994.

Hart H.L.A., Honoré A. Causation in the Law. Oxford: Clarendon Press, 1959.

Hartshorne C. Whitehead in Historical Context / Charles Hartshorne & W. Creighton Peden, Whitehead's View of Reality. UK: Cambridge Scholar Publishing, 2010.

Hodgson S. H. Philosophy of Reflection. London: Longmans, Green and Co. 1878.

Hodgson S.H. Perception of Change and Duration-A Reply // Mind. 1900. Vol. 9. №34. P. 240–243.

Hodgson S.H. Philosophy In Relation To Its History // The Journal of Speculative Philosophy. Vol. 16. №3. P. 225–244.

Hodgson, S. Metaphysic of Experience 4 vols. London: Longmans, Green, and Co., 39 Paternoster, London New York and Bombay. 1898.

Hodgson, S., Ritchie, D., Stout, G., Bosanquet, B., & Alexander, S. Symposium: Is Mind Synonymous with Consciousness? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1887–1888. Vol. 1. №1. P. 5–33.

Honoré A. Herbert Lionel Adolphus Hart 1907–1992 // Proceedings of the British Academy. 1994. Vol. 84. P. 295–321.

Hume D. A Treatise of Human Nature. Eds. D. F. Norton, M. J. Norton. New York: Oxford University Press, 2000.

Hurka T. British Ethical Theorists from Sidgwick to Ewing. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Husserl E. Briefwechsel. Edited by Karl Schuhmann. Vol. 3. The Hague: Kluwer Academic Publishers, 1994.

Husserl, E. *Logical Investigations*. Translated by J. N. Findlay from the Second German edition of *Logische Untersuchungen* with a new Preface by Michael Dummett and edited with a new Introduction by Dermot Moran. Routledge. London and New York, 2001.

Hutchinson B. G. *E. Moore's Ethical Theory: Resistance and Reconciliation*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Imagery and Memory [with Discussion] (Beatrice Edgell and S. Alexander) // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1911–1912. Vol. 12. P. 188–215;

J. L. Austin on Language. Edited by Brain Garvey. London: Palgrave Macmillan, 2014.

Joseph H.W.B. *Knowledge and the Good in Plato's Republic*. London, 1948.

Kalin M. G. *Semantic Analysis and Emotive Ethics* // *The Journal of Value Inquiry*. 1973. Vol. 7. №. 1. P. 29–39.

Klein P. *Skepticism and Closure: Why the Evil Genius Argument Fails* // *Philosophical Topics*. 1995. Vol. 23. №. 1. P. 213–236.

Lacey N. *A Life of H. L. A. Hart: The Nightmare and the Noble Dream*. Oxford: Oxford University Press. 2004.

Laird J. *Concerning Epistemology: The Presidential Address* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1929–1930. Vol. 30. P. 1–30;

Laird J. *Positivism, Empiricism, and Metaphysics* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1938–1939. Vol. 39. P. 207–224.

Lazerowitz M. *Strong and Weak Verification* // *Mind*. 1939. Vol. XLVIII. №. 190. P. 202–213.

Lemos N. *Common Sense: A Contemporary Defense*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Lemos N. *Moore, Skepticism, and the External World* // *Common Sense: A Contemporary Defense*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Lester E. Embree (ed.), *Life-World and Consciousness. Essays for Aron Gurwitsch*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1972.

Levy C. *Mind under G. E. Moore (1921–1947)* // *Mind*. 1976. Vol. 85. №. 337. P. 37–46.

Levy P. *G. E. Moore and the Cambridge Apostles*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1979.

Lewis C. I. *An Analysis of Knowledge and Valuation*. Lasalle, IL: Open Court, 1946.

Lewis C. I. *Mind and the World-Order. Outline of a Theory of Knowledge*. New York: Charles Schribner's Sons, 1929.

Lewis D. *Ayer's First Empiricist Criterion of Meaning: Why Does It Fail?* // *Analysis*. 1988. Vol. 48. №. 1. P. 1–3.

Lewis D. *Statements Partly about Observation* // *Philosophical Papers*. 1988. Vol. 17. №. 1. P. 1–31.

Lewy C. *G. E. Moore on the Naturalistic Fallacy* // *Proceedings of the British Academy*. 1964. Vol. 50. P. 251–262.

Lloyd Morgan C. *A Concept of the Organism, Emergent and Resultant* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1926–1927. Vol. 27. P. 141–176.

Lloyd Morgan C. *Fact and Truth* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1916–1917. Vol. 17. P. 195–215;

Lloyd Morgan C. *Notes on Berkeley's Doctrine of Esse* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1914–1915. Vol. 15. P. 100–139;

Lloyd Morgan C. *Objects under Reference: The Presidential Address* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1926–1927. Vol. 27. P. 1–20;

Lowe V. *Alfred North Whitehead: The Man and His Work, Volume I: 1861–1910*, Baltimore: The John Hopkins University Press. 1985.

Lycan W. *Judgements and Justification*. New York, Cambridge University Press, 1988.

MacCormick N. H. L. A. Hart. Second Edition. Stanford University Press, 2008.

MacCormick N. Herbert L. A. Hart: In Memoriam // *Ratio Juris*. 1993. Vol. 6, No. 3.

Macpherson F. Is the Sense-Data Theory a Representationalist Theory? // *Ratio*. 2014. Vol. 27. №. 4. P. 369–392.

Malmgren H. Moore's Concept «Indirect Apprehension» // *Theoria*. 1971. Vol. 37. №. 3. P. 185–206.

Maloney M. J. Chisholm's Objection to Phenomenalism // *Analysis*. 1982. Vol. 42, No. 1. P. 25–26.

Mann J.S., Pasco Daphne and Bernard Bosanquet. Symposium: What Takes Place in Voluntary Action? // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1889–1890. Vol. 1. №. 2. P. 61–76;

McKinlay A. Performativity: From J.L. Austin to Judith Butler // *The Leading Journal in the Field: Destabilizing Authority in the Social Sciences of Management*. Peter Armstrong and Geoff Lightfoot (eds), 2010.

Meaning and Language: Phenomenological Perspectives. Edited by Filip Mattens. Dordrecht: Springer, 2008.

Mikhail J. «Plucking the Mask of Mystery from Its Face»: Jurisprudence and H. L. A. Hart // *The Georgetown Law Journal*. 2007. Vol. 95. P. 733–779.

Moltke S. G. Direct Realism: A Study of Perception. The Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1983.

Moore G. E. Freedom // *Mind*. 1898. Vol. 7. №26. P. 179–204.

Moore G. E. In What Sense, If Any, Do Past and Future Time Exist? // *Mind*. 1987. Vol. 6. №. 2. P. 235–240.

Moore G. E. *Philosophical Studies*. London: Routledge & Kegan Paul, 1922.

Moore G. E. *Principia Ethica*. Cambridge: Cambridge University Press, 1903.

Moore G. E. *Principia Ethica*: Revised Edition. Ed. T. Baldwin. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Moore G. E. *Some Main Problems of Philosophy*. London: George Allen & Unwin Ltd., 1953.

Moore G. E. *The Nature of Judgment* // *Mind*. 1899. Vol. 8. №. 2. P. 176–193;

Moore G. E. *The Nature of Judgment* // *Mind*. 1899. Vol. VIII. №. 30.

Moore G. E. *The Nature of Sensible Appearances* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. Supplementary Volumes. 1926. Vol. 6. №. 1.

Moore G. E. *The Refutation of Idealism* // *Mind*. 1903. Vol. 12. №4. P. 433–453;

Moore G. E. *The Status of Sense-Data* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1913–1914. Vol. 14. №. 1. P. 371–373.

Moore G. E. *Visual Sense-Data* // *British Philosophy in the Mid-Century*. Ed. C. A. Mace. London: George Allen & Unwin Ltd, 1957. P. 205–211.

Moore G.E. *Experience and Empiricism* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1902–1903. Vol. 3. P. 80–95;

Moore G.E. *External and Internal Relations* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1919–1920. Vol. 20. P. 40–62.

Moore G.E. *Identity* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1900–1901. Vol. 1. P. 103–127;

Moore G.E. *Kant's Idealism* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1903–1904. Vol. 4. P. 127–140;

Moore G.E. *Mr. McTaggart's «Studies in Hegelian Cosmology»* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1901–1902. Vol. 2. P. 177–214;

Moore G.E. *Professor James' «Pragmatism»* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1907–1908. Vol. 8. P. 33–77;

Moore G.E. The Conception of Reality // Proceedings of the Aristotelian Society. 1917—1918. Vol. 18. P. 101—120;

Moore G.E. The Nature and Reality of Objects of Perception // Proceedings of the Aristotelian Society. 1905—1906. Vol. 6. P. 68—127;

Moore G.E. The Presidential Address: Some Judgments of Perception // Proceedings of the Aristotelian Society. 1918—1919. Vol. 19. P. 1—29.

Moore G.E. The Subject-Matter of Psychology // Proceedings of the Aristotelian Society. 1909—1910. Vol. 10. P. 36—62;

Moretti L. The Dogmatist, Moore's Proof and Transmission Failure // Analysis. 2014. Vol. 74. №. 3. P. 382—389.

Morris K., Preti C. How to Read Moore's «Proof of an External World» // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2015. Vol. 4. №. 1. P. 1—16.

Nagel E. Impressions and Appraisals of Analytic Philosophy in Europe. I // The Journal of Philosophy. 1936. Vol. 33. №. 1. P. 5—24.

Neo-Kantism as Represented by Dr. Dawes Hicks [with Reply] (G. F. Stout and G. Dawes Hicks) // Proceedings of the Aristotelian Society. 1905—1906. Vol. 6. P. 347—390;

Oaklander L. N. The Russellian Theory of Time // Philosophia. 1983. Vol. 12. №. 3/4. P. 363—392.

Olson J. G. E. Moore on Goodness and Reasons // Australasian Journal of Philosophy. 2006. Vol. 84. №4. P. 525—534.

Oxford Dictionary of National Biography. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Paul G. A. Is there a Problem about Sense-Data? // Aristotelian Society. Supplementary Volume. 1935—1936. Vol. 15. 3. 1. P. 61—77.

Percy Nunn T. Animism and the Doctrine of Energy // Proceedings of the Aristotelian Society. 1911—1912. Vol. 12. P. 25—64.

Percy Nunn T. On Causal Explanation // Proceedings of the Aristotelian Society. 1906—1907. Vol. 7. P. 50—80;

Percy Nunn T. On the Concept of Epistemological Levels // Proceedings of the Aristotelian Society. 1907—1908. Vol. 8. P. 139—159;

Percy Nunn T. Scientific Objects and Common-Sense Things: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society. 1923—1924. Vol. 24. P. 1—18;

Percy Nunn T. The Aims and Achievements of Scientific Method // Proceedings of the Aristotelian Society. 1905—1906. Vol. 6. P. 141—182;

Phenomenal Qualities: Sense, Perception, and Consciousness. Eds. P. Coates, S. Coleman. New York: Oxford University Press, 2015.

Philosophy in America. Ed. M. Black. London: George Allen & Unwin Ltd, 1965.

Philosophy in History: Essays on the Historiography of Philosophy. Eds. R. Rorty, J. B. Schneewind, Q. Skinner. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

Popper K. R. Back to the Pre-Socratics: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society. 1958—1959. Vol. 59. P. 1—24;

Price H. H. Perception. London: Methuen, 1932.

Pryor J. The Skeptic and the Dogmatist // *Noûs*. 2000. Vol. 34. №4. P. 517—549.

Pryor J. What's Wrong with Moore's Argument? // *Philosophical Issues*. 2004. Vol. 14. №. 1. P. 349—378.

Quinton A. Alfred Julis Ayer, 1910—1989 // Proceedings of the British Academy. 1997. Vol. 94. P. 255—282.

Raatikainen P. What Was Analytic Philosophy? // *Journal for the History of Analytical Philosophy*. 2013. Vol. 2. №. 2. P. 11—27.

Rawls J. Two Concepts of Rules // *Philosophical Review*. 1955. Vol. 64.

Regan D. H. How to Be a Moorean // *Ethics*. 2003. Vol. 113. №. 3. P. 651—677.

Ritchie D.G. Darwin and Gegel // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1890—1891. Vol. 1. №4. P. 55—74;

Ritchie D.G. The Conception of Necessity as Applied to Nature and to Man // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1893—1894. Vol. 2. №. 3. P. 19—35.

Robinson H. *Perception*. London: Routledge, 1994.

Rogers B. A. J. *Ayer: A Life*. New York: Grove Press, 1999.

Rosati C. S. Agency and the Open Question Argument // *Ethics*. 2003. Vol. 113. №. 3. P. 490—527.

Russell B. Knowledge by Acquaintance and Knowledge by Description // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1910—1911. Vol. 11. P. 108—128;

Russell B. On the Experience of Time // *The Monist*. 1915. Vol. 25. №. 2. P. 212—233.

Russell B. On the Nature of Truth // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1906—1907. Vol. 7. P. 28—49;

Russell B. On the Notion of Cause // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1912—1913. Vol. 13. P. 1—26;

Russell B. On the Relations of Universals and Particulars // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1911—1912. Vol. 12. P. 1—24;

Russell B. On Verification: The Presidential Address // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1937—1938. Vol. 38. P. 1—20.

Russell B. The A Priori in Geometry // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1895—1896. Vol. 3. №2. P. 97—112;

Russell B. *The Analysis of Mind*. London: George Allen & Unwin LTD, 1921.

Russell B. The Limits of Empiricism // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1935—1936. Vol. 36. P. 131—150.

Russell on Ethics. Ed. C. Pigden. London: Routledge, 1999.

Ryle G. Categories // Proceedings of the Aristotelian Society. 1937—1938. Vol. 38. P. 189—206.

Ryle G. Presidential Address. Knowing How and Knowing That // Proceedings of the Aristotelian Society. 1945—1946. Vol. 46. P. 1—16.

Schauer F. (Re) Taking Hart // Harvard Law Review. 2006. Vol. 119. №3. P. 852—883.

Schiller, F. C. S., Bosanquet, Bernard, Rashdall, Hastings. Symposium — Can Logic Abstract from the Psychological Conditions of Thinking? // Proceedings of the Aristotelian Society. 1906. Vol. 6. №. 1. P. 224—270;

Schumann K. Husserl and Hodgson: Some Historical Remarks // Journal of the British Society for Phenomenology. 1972. Vol. 3. P. 63—65;

Seargent, D. A.J., Plurality and Continuity An Essay in G.F. Stout's Theory of Universals The Hague: Martinus Nijhoff, 1985.

Simpson B.A.W. Herbert Hart Elucidated // Michigan Law Review. 2006. Vol. 104.

Sinnott-Armstrong W. Begging the Question // Australasian Journal of Philosophy. 1999. Vol. 77. №. 2. P. 174—191;

Smith D. W. The Realism in Perception // Noûs. 1982. Vol. 16. №. 1. P. 42—55.

Soames S. Philosophical Analysis in the Twentieth Century. Vol.1: The Dawn of Analysis. Princeton: Princeton University Press, 2003.

Soldati G. Direct Realism and Immediate Justification // Proceedings of the Aristotelian Society. 2011—2012. Vol. 112. №. 1. P. 29—44.

Sorley W.R., A. D. Lindsay, Bernard Bosanquet and James Ward. Symposium: Purpose and Mechanism // Proceedings of the Aristotelian Society. 1911—1912. Vol. 12. P. 216—263;

Sosa E. Beyond Scepticism, to the Best of Our Knowledge // *Mind*. Vol. XCVII. №. 386. P. 153–188.

Spicker S. Shadworth Hodgson's Reduction as an Anticipation of Husserl's Phenomenological Psychology // *Journal of the British Society for Phenomenology*. 1971. Vol. 2. P. 57–73;

Spicker S. The fundamental constituents of consciousness: Process-contents and the Erlebnisstrom // *Journal of the British Society for Phenomenology*. 1973. Vol. 6. P. 26–43.

Stadler F. *The Vienna Circle: Studies in the Origins, Development, and Influence of Logical Empiricism*. Dordrecht: Springer, 2015.

Staley Thomas W. Keeping Philosophy in Mind: Shadworth H. Hodgson's Articulation of the Boundaries of Philosophy and Science // *Journal of the History of Ideas*. 2009. Vol. 70. №. 2. P. 289–315.

Stevenson C. L. Emotive Meaning of Ethical Terms // *Mind*. 1937. Vol. XLVI. №. 181. P. 14–31.

Stevenson C. L. *Ethics and Language*. New Haven: Yale University Press, 1944.

Stoljar D. Emotivism and Truth Conditions // *Philosophical Studies*. 1993. Vol. 70. №. 1. P. 81–101.

Stout G. F. Phenomenalism: The Presidential Address // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1938–1939. Vol. 39. P. 1–18.

Stout G. F. Presidential Address: The Common-Sense Conception of a Material Thing // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1900–1901. Vol. 1. P. 1–17;

Stout G.F. Perception of Change and Duration // *Mind*. 1900. Vol. 9. №33. P. 1–7.

Stout R. Ryle's Behaviorism // *Revue Internationale de Philosophie*. 2003. Vol. 57. №. 223 (1). P. 37–49.

Stout, G. Phenomenalism: The Presidential Address // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1938. Vol. 39. P. 1–18.

Stout, G. Presidential Address: The Common-Sense Conception of a Material Thing // Proceedings of the Aristotelian Society. 1900. Vol. 1. P. 1—17;

Strandberg C. In Defence of the Open Question Argument // The Journal of Ethics. 2004. Vol. 8. №. 2. P. 179—196.

Strawson P.F. Particular and General // Proceedings of the Aristotelian Society. 1953—1954. Vol. 54. P. 233—260.

Stroll A. Moore's Proof of an External World // Dialectica. 1979. Vol. 33. №. 3/4. P. 379—397;

Stroud B. The Significance of Philosophical Scepticism. Oxford: Oxford University Press, 1984. P. 9—24;

Sturgeon N. Moore on Ethical Naturalism // Ethics. 2003. Vol. 113. №3. P. 528—556.

Suarez A. G. The Verification Principle: Another Puncture // Analysis. 2000. Vol. 60. №. 3. P. 293—295.

Sugarman D. Hart Interviewed: H. L. A. Hart in Conversation with David Sugarman // Journal of Law and Society. 2005. Vol. 32, No. 2. P. 267—293.

Symposium on J. L. Austin. Edited by Kuang T. Fann. London: Routledge & Kegan Paul, 1969.

Symposium: Are the Materials of Sense Affections of the Mind? (G. E. Moore, W. E. Johnson, G. Dawes Hicks, J. A. Smith and James Ward) // Proceedings of the Aristotelian Society. 1916—1917. Vol. 17. P. 418—458;

Symposium: The Status of Sense-Data (G. E. Moore and G. F. Stout) // Proceedings of the Aristotelian Society. 1913—1914. Vol. 14. P. 355—406;

Symposium: The Time Difficulty in Realist Theories of Perception (H. Wildon Carr, F. B. Jevons, William Brown and G. Dawes Hicks) // Proceedings of the Aristotelian Society. 1911—1912. Vol. 12. P. 124—187;

Symposium: Verifiability (D. M. Mackinnon, F. Waismann and W. C. Kneale) // Proceedings of the

Aristotelian Society, Supplementary Volumes. 1945. Vol. 19. Analysis and Metaphysics. P. 101—164.

Tallis R. In Defence of Wonder and Other Philosophical Reflections. London: Routledge, 2014.

The Autobiography of Bertrand Russell 1872—1914. An Atlantic Mounthly Press Book. Little, Brown and Company, Boston-Toronto. 1967.

The Encyclopedia of Ethics. Ed. L. Becker, C. Becker. New York: Routledge, 2001.

The Naturalistic Fallacy. Ed. N. Sinclair. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

The Nature of Mental Activity. A Symposium (S. Alexander, James Ward, Carveth Read and G. F. Stout) // Proceedings of the Aristotelian Society. New Series. 1907—1908. Vol. 8. P. 215—257;

The Oxford Handbook of Philosophy of Perception. Ed. M. Matthen. Oxford: Oxford University Press, 2015.

The Philosophy of G. E. Moore. Ed. P. A. Schilpp. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1942.

The Philosophy of J. L. Austin. Edited by Martin Gustafsson and Richard Sorli. Oxford: Oxford University Press, 2011.

The Philosophy of Time: A Collection of Essays. Ed. R. M. Gale. London: Macmillan, 1968.

Themes from G. E. Moore: New Essays in Epistemology and Ethics / Eds. S. Nuccetelli, G. Seay. Oxford: Clarendon Press, 2007.

Todd W. Analytical Solipsism. The Hague: Martinus Nijhoff, 1968.

Urmson J.O. John Langshaw Austin (1911—1960) // Analysis. 1960. Vol. 20. №6. P. 121—122.

Urquhart A. G. F. Stout and the Theory of Descriptions // Russell: The Journal of Bertrand Russell Archives. 1994. Vol. 14. №2. P. 163—171.

Van der Schaar M. G.F. Stout and the Psychological Origins of Analytic Philosophy. Palgrave MacMillan. 2013;

Vessel J.-P. Moore's Open Question Maneuvering: A Qualified Defense // The Journal of Ethics. 2020. Vol. 24. №. 1. P. 91–117.

Voegelin E. On the Form of the American Mind // The Collected Works of Eric Voegelin. Vol. I. Ed. by Juergen Gebhardt and Barry Cooper. Baton Rouge, LA: Louisiana State University Press, 1995.

W. R. Boyce Gibson and Bernard Bosanquet. The Relation of Logic to Psychology with Special Reference to the Views of Dr. Bosanquet [with Discussion] // Proceedings of the Aristotelian Society. 1902–1903. Vol. 3. P. 166–186;

Walker M. Moore's Proof, Theory-Ladenness of Perception, and Many Proofs // Philosophical Studies. 2020. Vol. 177. №. 8. P. 2163–2183.

Warnock G.J. J. L. Austin: The Arguments of the Philosophers. London: Routledge, 1989.

Warren M. D. Moral Inferentialism and the Frege-Geach Problem // Philosophical Studies. 2015. Vol. 172. №. 11. P. 2859–2885.

Weatherall J. O. On G. E. Moore's «Proof of an External World» // Pacific Philosophical Quarterly. 2015. Vol. 98. №. 2. P. 219–250.

White G.E. Getting Close to H. L. A. Hart // Melbourne University Law Review. 2005. Vol. 29.

White M. Memories of G. E. Moore // The Journal of Philosophy. 1960. Vol. 57. №. 26. P. 805–810.

Whitehead A. N. A Treatise on Universal Algebra with Applications. Cambridge: Cambridge University Press. 1898.

Whitehead A. N. Adventures of Ideas (1933). New York: Macmillan Company. Reprinted New York: The Free Press, 1967.

Whitehead A. N. Uniformity and Contingency: The Presidential Address // Proceedings of the Aristotelian Society. 1922—1923. Vol. 23. №1. P. 1—18

Wildon Carr, H. In Memoriam: Bernard Bosanquet: Some Personal Recollections // Proceedings of the Aristotelian Society. 1923. Vol. 23. №. 1.

Wilks C. Emotion, Truth and Meaning: In Defence of Ayer and Stevenson. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002.

Winch P. Nature and Convention // Proceedings of the Aristotelian Society. 1959—1960. Vol. 60. P. 231—252.

Wisdom J. O. The Analysis of Sense-Data: A Reply to Mr. Paul // Analysis. 1936. Vol. 3. №. 3. P. 43—46.

Wisdom J. Towards the Psychocentric Conception of Right // Proceedings of the Aristotelian Society. 1935—1936. Vol. 36. P. 61—78; Wisdom J. Philosophical Perplexity // Proceedings of the Aristotelian Society. 1936—1937. Vol. 37. P. 71—88.

Wittgenstein L. Some Remarks on Logical Form // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes. Vol. 9. Knowledge, Experience and Realism (1929). P. 162—171;

Wright C. (Anti-) Sceptics Simple and Subtle: G. E. Moore and John McDowell // Philosophy and Phenomenological Research. 2002. Vol. 65. №. 2. P. 330—348.

Wright C. Scepticism and Dreaming: Imploding the Demon // Mind. 1991. Vol. C. №397. P. 87—116.

Wright C. The Verification Principle: Another Puncture — Another Patch // Mind. 1989. Vol. XCVIII. №. 392. P. 611—622.

Оглавление

Коллектив авторов	3
Предисловие	4
Аристотелевское общество: этапы формирования и развития	4
Глава 1 Континентальная философия в истории Аристотелевского общества	23
1.1. Раннее Общество и место Шедворта Ходжсона в истории философской мысли: британские истоки феноменологии	23
1.2. Философия здравого смысла Джорджа Фредерика Стаута	50
1.3. Философия науки и метафизика Альфреда Норта Уайтхеда	70
Глава 2 Аналитическая философия в истории Аристотелевского общества	88
2.1. Джордж Эдвард Мур: реализм, здравый смысл и этика	88
2.2. Альфред Джулис Айер: язык, логика и этика ..	146
2.3. Философия Гилберта Райла: логический бихевиоризм и лингвистический анализ	183
2.4. Философия языка и теория речевых актов Джона Лэнгшо Остина	198
2.5. Концептуальный анализ в философии права Герберта Харта	222
2.6. Ричард Мервин Хэар: философский анализ языка морали	248
2.7. Аналитическая экспликация условий моральной ответственности в работах Э. Энском	263

Список литературы 276